

ГРОЗНЫЕ ЧАРЫ

МЭРИ СТЮАРТ

ПОЛЕТЫ НАД ЗЕМЛЕЙ

Мэри Стюарт

Грозные чары. Полеты над землей (сборник)

Серия «The Big Book»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41042300
Мэри Стюарт Грозные чары; Полеты над землей:
ISBN 978-5-389-16364-5

Аннотация

Книги Мэри Стюарт завоевали сердца миллионов читателей, получив при этом высокую оценку критиков, особо отмечавших ее мастерство в жанре авантюрного романа. Ей, как никому другому, удалось объединить в сюжете лирическую тему, детективные ноты и поистине кинематографический саспенс. Романы Стюарт переводились на многие языки и до сих пор продолжают покорять читающую публику всех стран мира.

Героиня «Грозных чар» молодая актриса Люси приезжает на прекрасный остров Корфу и узнает, что по соседству живет ее театральный кумир – великолепный Джулиан Гейл, внезапно покинувший сцену два года назад. Его пребывание в Греции окутано какой-то тайной, проникнуть в которую Люси не удастся. Неожиданно спокойствие мирного острова взрывается чередой ужасных событий...

Во втором романе действие разворачивается среди альпийских пейзажей. В кадрах кинохроники, снятых на пожаре в какой-то австрийской деревне, Ванесса Марч видит своего мужа Лююиса в компании прелестной незнакомки. Ванесса потрясена, ведь Лююис должен находиться в Стокгольме по служебным делам! Она прилетает в Австрию, но там ее ожидают лишь новые загадки. Она понимает, что в жизни ее мужа есть большая тайна...

Содержание

Грозные чары	7
Глава 1	8
Глава 2	25
Глава 3	42
Глава 4	71
Глава 5	98
Глава 6	124
Глава 7	153
Глава 8	176
Глава 9	193
Глава 10	213
Конец ознакомительного фрагмента.	219

Мэри Стюарт Грозные чары Полеты над землей (*сборник*)

Mary Stewart

THIS ROUGH MAGIC

Copyright © Mary Stewart 1964

First published in Great Britain in 1964 by Hodder & Stoughton, an Hachette UK Company

AIRS ABOVE THE GROUND

Copyright © Mary Stewart 1965

First published in Great Britain in 1965 by Hodder & Stoughton, an Hachette UK Company

The right of Mary Stewart to be identified as the Author of the Works has been asserted by her in accordance with the Copyright, Designs and Patents Act 1988.

All rights reserved

the big book.

Серия «The Big Book»

© М. М. Виноградова, перевод, 2019

© В. С. Яхонтова (наследники), перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство АЗБУКА®

* * *

Грозные чары

Джону Аттенборо

Глава 1

Рассказ мой будет летописью целой:

Его нельзя за завтраком закончить...¹

У. Шекспир. Буря. Акт V, сцена 1

– А если будет мальчик, – радостно прощепетала Филлида, – назовем его Просперо.

Я засмеялась.

– Бедный малыш, за какие грехи? Ну да, разумеется... Кто-то успел сказать тебе, что Корфу – это шекспировский волшебный остров из «Бури»?

– Вообще-то? да, как раз на днях, но, ради бога, не спрашивай меня об этом сейчас. Не знаю, к чему ты там привыкла, а я накладываю вето на Шекспира за завтраком. – Сестра зевнула, вытянула ногу в пятно солнечного света на краю террасы и полюбовалась дорогой пляжной сандалией. – Все равно я не то имела в виду, просто хотела сказать, что у нас тут уже есть Миранда и Спиро, а Спиро, быть может, и не уменьшительное от Просперо, но звучит очень похоже.

– Правда? Как романтично. А кто они?

– Из местных. Брат и сестра, близнецы.

– Боже праведный. Должно быть, их папочка питал склон-

¹ Здесь и далее цитаты из пьес У. Шекспира «Буря» и «Много шума из ничего» даны в переводе Т. Щепкиной-Куперник.

ность к литературе?

Филлида улыбнулась:

– Можно сказать и так.

Выражение ее лица пробудило во мне любопытство, но что-то подсказало, что она на то и рассчитывала, поэтому – ведь я, если постараюсь, ничуть не уступлю Филлиде во вредности – я только и сказала:

– Что ж, может, лучше по-другому? Почему бы тебе не назвать своего будущего отпрыска Калибаном? Самое подходящее имечко.

– Почему? – возмущенно запротестовала она.

– «Колдунью синеглазую с ребенком здесь моряки оставили», – процитировала я. – А кофе еще остался?

– Само собой. Вот. Ах, боже ты мой, Люси, как же хорошо, что ты здесь! Наверное, мне не следует называть удачей то, что ты оказалась сейчас свободна и смогла приехать сюда, но до чего же я этому рада. После Рима тут просто рай.

– А после Лондона – седьмое небо. Я уже чувствую себя другим человеком. Как вспомнишь, где я была в это время вчера... а уж как вспомнишь про дождь...

Вздвогнув, я откинулась на спинку кресла и отпила кофе, глядя поверх золотистого пушка сосновых верхушек на сверкающее море и потихоньку погружаясь в ту беззаботную дрему, что всегда отмечает начало каникул в таком месте, как это, особенно когда ты устал и только что перенесся за одну ночь из апрельского холода Англии под солнце волшеб-

ного острова в Ионическом море.

Должно быть, следует объяснить (для тех, кому не так повезло, как мне), что Корфу – это остров близ западного побережья Греции, длинный полумесяц, уютно устроившийся вдоль изгиба берега. На севере, там, где остров ближе всего подходит к материку, всего лишь две мили до Албании, но от главного города, Корфу, лежащего примерно на полпути вниз по внутренней стороне полумесяца, до побережья Греции целых семь или восемь миль. Северная часть острова, широкая и покрытая горами, постепенно понижается, переходя чередой плодородных долин и все более пологих и низких холмов в длинный плоский хвост южной части, благодаря которой, как принято считать, остров и получил свое название Корфу, или Керкира.

Дом моей сестры стоит примерно в двенадцати милях от города Корфу, там, где берег начинает изгибаться к материку, а подножие горы Пантократор обеспечивает заслон от ветров клочку плодородной земли, который вот уже много лет является собственностью семьи мужа Филлиды.

Моя сестра на три года старше меня. В двадцать лет она вышла замуж за римского банкира Леонардо Форли. Его предки обосновались на Корфу в период оккупации этого острова венецианцами и во время всех последующих «оккупаций» каким-то чудом, подобно пресловутому викарию из Брея², умудрились не только сохранить свое маленькое име-

² *Викарий из Брея* – полулегендарный викарий XVI века, четыре раза менявший

ние в целостности и сохранности, но даже и процветать.

При Британском протекторате прадедушка Лео выстроил среди лесов над укромной бухтой, там, где поместье выходит к морю, пышный и романтический замок – Кастелло деи Фьори. Он разбил там виноградники и насадил апельсиновые деревья, включая и небольшую плантацию (если тут уместно употребить это слово) карликовых японских апельсинов, благодаря которым поместье Форли стало знаменитым. Он даже расчистил среди леса площадку для сада и построил – за мыском с южной оконечности бухты, вне видимости из Кастелло – пристань и огромный эллинг, где (если послушать Филлиду) вполне мог бы поместиться весь Шестой флот и где действительно размещалось некогда множество яхт, на которых к прадеду Форли приезжали гости. В его дни, сдаётся мне, жизнь в Кастелло представляла собой один нескончаемый праздник: летом ходили под парусом просто так и на рыбалку, а по осени устраивались охоты, когда более тридцати гостей наводняли греческое и албанское побережье, чтобы всласть пострелять птиц и горных козлов.

Но те дни окончились с началом Первой мировой войны, и семейство переехало в Рим, хотя и не стало продавать поместье, которое в двадцатые и тридцатые годы служило хозяевам летней резиденцией. Финансовые крахи Второй мировой почти уничтожили Кастелло, но в послевоенном Риме Форли вновь всплыли на поверхность, чудесным образом

восстановив утраченное состояние, и тогда Форли-старший, отец Лео, вновь обратил внимание на оставшуюся на Корфу собственность и начал работы по восстановлению имения. Однако три года назад он умер, а его сын решил, что потерянная и выцветшая роскошь Каstellо не для него, и выстроил пару небольших современных вилл, в точности похожих друг на друга, на двух мысах, огораживающих бухту, к центру которой выходил Каstellо. Сами Лео с Филлидой поселились на вилле Форли, как называли домик на северном мысе; вторая же вилла, вилла Рота, стояла с южной стороны, над узким заливчиком, где располагался элинг. Виллу Рота снимал какой-то англичанин, мистер Мэннинг, который с прошлой осени работал тут над своей книгой. («Тебе знакомы книги такого рода, – сказала Филлида. – Сплошные фотографии и несколько строчек текста крупным шрифтом, но они по-настоящему хороши!») Все три дома были соединены с главной подъездной аллеей, выводившей на большую дорогу, и от каждого вдобавок отходили отдельные тропинки к лесу и вниз, в бухту.

В этом году весна в Риме выдалась жаркой, а лето обещали и того хуже, и Форли пришлось выехать на Корфу раньше обычного. Филлида была беременна и плохо переносила жару, поэтому ее уговорили оставить двух старших детей (у которых еще не кончились занятия в школе) с бабушкой, и Лео отвез ее сюда за несколько дней до моего приезда, однако сам был вынужден вернуться в Рим, пообещав, когда

сможет, прилетать на выходные. Так что, услышав, что я временно осталась не у дел, сестра написала мне, предлагая составить ей компанию на Корфу.

Приглашение не могло бы прийти в более подходящее время. Пьеса, в которой я играла, как раз сошла со сцены всего после нескольких представлений, данных лишь для того, чтобы спасти лицо, и я осталась без работы. А то, что эта работа была для меня первой большой ролью в Лондоне, так сказать великим шансом, немало способствовало моей нынешней депрессии. На руках больше не оставалось решительно никаких карт: театральные агентства разговаривали со мной вежливо, но уклончиво, а кроме того, зима была просто жуткой, и я до предела устала, пала духом и всерьез задумалась, в двадцать пять-то лет, не сваяла ли я дурака, вопреки всем мудрым советам настояв на том, чтобы избрать себе сценическую карьеру. Но как известно всякому, кто с этим сталкивался, сцена – это не профессия, а вирус, и я его подцепила. Вот я и работала, пробивая себе дорогу сквозь обычные превратности судьбы начинающей актрисы, вплоть до прошлого года, когда окончательно решила после трех лет ангажемента ведущей молодой актрисы в провинциальной труппе, что пора попробовать удачи в Лондоне. И казалось, удача наконец-то мне улыбнулась. После десяти с небольшим месяцев телевизионных массовок и всяких рекламных пустячков я получила многообещающую роль – и все для того только, чтобы пьеса пала подо мной, точно из-

дышающий верблюд, не прожив и двух месяцев.

Но я, по крайней мере, могла считать себя счастливее остальных нескольких тысяч, все еще с боями прокладывающих себе дорогу к вершине: в то время как они задыхались в душных приемных различных агентств, я сидела на террасе виллы Форли с перспективой провести под слепящим солнцем Корфу столько недель, сколько захочу или смогу вынести.

Дальний конец широкой, выложенной плиткой террасы нависал над пропастью, где покрытые лесом утесы отвесно обрывались к морю. Под балюстрадой громоздились друг на друга расплывчатые облачка – кроны сосен, утреннее солнце уже успело наполнить воздух их теплым пряным ароматом. В другую сторону за домом уходил склон, поросший прохладным лесом, под сводами которого порхали и щебетали мелкие пташки. Бухту Кастелло скрывала завеса деревьев, но вид впереди был чудесен – безмятежный простор сияющего под солнцем пролива, что лежит в изгибе Корфу. А к северу, за полосой темно-синей воды, угрюмо маячили бесплотные, точно туман, призрачные снега Албании.

Это было само воплощение глубочайшего и зачарованного покоя. Ни звука, кроме пения птиц, а кругом ничего, кроме деревьев, неба и залитого солнцем моря.

Я вздохнула:

– Ну, если это и не волшебный остров Просперо, то должен им быть... Так кто там эти твои романтические двой-

няшки?

– Спиро и Миранда? О, это дети Марии, женщины, которая у нас работает. Она живет в том домике возле главных ворот Кастелло – да ты его видела вчера вечером по дороге из аэропорта.

– Помню, там горел свет... Крохотный уголок, верно? Так, значит, они жители Корфу – как это сказать? Корфусианцы? Филлида засмеялась:

– Балда. Корфиоты. Да, они крестьяне-корфиоты. Брат работает у Годфри Мэннинга на вилле Рота. А Миранда помогает матери здесь, по дому.

– Крестьяне? – Слегка заинтересовавшись, я пошла у нее на поводу и перестала изображать равнодушие. – Странновато слышать тут подобные имена. Кем тогда был этот их начитанный отец? Лео?

– Лео, насколько мне известно, – отозвалась любящая жена, – последние восемь лет не читал ничего, кроме римских «Финансовых новостей». Он бы решил, что «Просперо и Миранда» – название какого-нибудь инвестиционного фонда. Нет, все еще необычней, чем ты думаешь, любовь моя...

Она удостоила меня довольной улыбки кошки перед канарейкой, – улыбки, которую я расценила как прелюдию к какой-нибудь очередной, притянутой за уши сплетне из разряда «занятных фактиков, которые наверняка тебя заинтересуют».

– Строго говоря, на самом деле Спиро назван по имени

святого покровителя этого острова – на Корфу каждого второго мальчика зовут Спиридионом, – но поскольку за крещение, ну, само собой, и за близнецов тоже, был ответствен наш выдающийся арендатор, то готова ручаться, в приходском свидетельстве мальчик записан как Просперо.

– Ваш «выдающийся арендатор»?

Очевидно, это и был *bonne bouche*³, который Филлида приберегала для меня, но я взглянула на нее с некоторым удивлением, припоминая яркие краски, которыми она как-то описывала мне Кастелло деи Фьори: «отсыревший и обветшавший так, что словами и не скажешь, вроде вагнеровской готики, что-то наподобие музыкальной версии „Дракулы“». Интересно, кого смогли убедить выложить денежки за эти оперные чудеса?

– Так, значит, кто-то арендовал Валгаллу? Вам здорово повезло. А кто именно?

– Джулиан Гейл.

– Джулиан Гейл?! – Я резко выпрямилась и уставилась на сестру. – Ты ведь не имеешь в виду... неужели ты говоришь о Джулиане Гейле? Актере?

– О нем самом.

Сестра сидела с довольным видом. Похоже, моя реакция ей польстила. Я же полностью очнулась от полудремы, в коей пребывала все время обсуждения наших семейных дел. Сэр Джулиан Гейл был не просто актером – вот уже столь-

³ Лакомый кусочек (*фр.*).

ко лет, что я и пересчитать не могла, он являлся одним из наиболее блистательных светочей английского театра. А совсем недавно стал и одной из непостижимейших загадок театрального мира.

– Вот оно как! – воскликнула я. – Значит, вот куда он уехал.

– Так и думала, что тебя это заинтересует, – заметила Филлида с ноткой самодовольства в голосе.

– Еще как! Все кругом до сих пор только и гадают, почему он вдруг покинул сцену два года назад. Ну конечно, я знаю про этот ужасный несчастный случай, но вот так все бросить и тихо исчезнуть... Да ты, должно быть, слышала.

– Нетрудно представить. У нас тут есть свои источники информации. Только напрасно ты так сверкаешь глазами. Не воображай, будто сумеешь хотя бы приблизиться к нему, дитя мое. Он здесь ради уединения, и под этим словом я имею в виду именно уединение. Он вообще никуда не выходит – в социальном смысле, разве что навещает пару друзей, и у них там все залеплено плакатами: «В нарушителей будут стрелять без предупреждения», развешанными с интервалами не больше одного ярда, а садовник скидывает незваных гостей с утеса в море.

– Я не стану его беспокоить. Я его слишком почитаю. Но ты-то, думаю, с ним встречалась. Как он?

– Ну, я... На вид с ним все в порядке. Просто никуда не выходит, вот и все. Я и сама виделась с ним каких-то пару

раз. Собственно говоря, это именно он рассказал мне, что Корфу считается местом действия «Бури». – Она искосаглянула на меня. – Полагаю, ты можешь с полным правом сказать, что он «питает склонность к литературе», а?

На сей раз я пропустила намек мимо ушей.

– «Буря» была его лебединой песней. Я видела ее в Стратфорде и все глаза выплакала над отрывком «От грозных этих чар я отрекаюсь». Поэтому он и выбрал Корфу, когда ушел со сцены?

Филлида засмеялась:

– Сомневаюсь. Ты не знала, что он свой на острове? Жил здесь во время войны и, по-видимому, какое-то время и после, а потом, как мне говорили, привозил сюда свою семью почти каждый год на каникулы, пока дети не подросли. До самого последнего времени у них был дом под Ипсосом, но его продали после гибели жены и дочери Гейла. Тем не менее, полагаю, у него еще оставались тут, гм, связи, так что, решив покинуть сцену, он вспомнил о Кастелло. Мы не собирались сдавать усадьбу, уж слишком там все было в запущенном состоянии, но Гейл так стремился найти себе что-нибудь совсем тихое и уединенное, а тут такой подарок судьбы – Кастелло пустует, а Мария и ее семья живут совсем рядом, вот Лео и согласился. Мария с близнецами привели там в порядок несколько комнат, а за апельсиновым садом живет еще пара, они приглядывают за усадьбой, а их внук ухаживает за садом Кастелло и вообще всячески помогает, так что,

сдается мне, для человека, ищущего покоя и уединения, это и в самом деле не такая уж плохая сделка... Ну вот тебе и вся наша маленькая колония. Не скажу, что очень уж похоже на Сен-Тропез в разгар сезона, но если тебе хочется всего лишь тишины, солнца и возможности покупаться, то тут этого добра в избытке.

– Мне подходит, – мечтательно пробормотала я. – Ох, до чего же мне все это подходит.

– Собираешься спуститься вниз сегодня утром?

– Я бы с удовольствием. А куда?

– Да в бухту, разумеется. Это вниз, вон туда.

Она махнула рукой куда-то за деревья.

– Ты ведь, кажется, говорила, что там всякие объявления про нарушителей?

– О боже ты мой, не в буквальном смысле и уж во всяком случае не на пляже, только вокруг дома. Мы никогда не пускаем в бухту чужих, а иначе зачем сюда приезжать? Собственно говоря, прямо под виллой, с северной стороны мыса, у нас есть пирс, но в бухте песчаный пляж, и там чудесно загорать и никого нет. Словом, поступай, как тебе больше нравится. Может быть, я и спущусь попозже, но, если хочешь поплавать уже утром, я пошлю Миранду показать тебе дорогу.

– Так, значит, она сейчас здесь?

– Дорогая, – с достоинством ответствовала сестра, – ты попала в объятия вульгарной роскоши, не забыла? Уж не ду-

маешь ли ты, будто я сама готовила кофе?

– Понятно, графиня, – грубо отозвалась я. – Помню я времена...

Тут я осеклась: на террасу с подносом в руках вышла девушка и принялась убирать после завтрака. Она поглядела на меня с тем неприкрытым греческим любопытством, к которому приходится просто привыкнуть, так как отвечать таким же взглядом абсолютно невозможно, и улыбнулась мне. Улыбка эта переросла в ухмылку, когда я попробовала выговорить по-гречески «доброе утро» – фразу, которой и посейчас исчерпывается весь мой запас греческих слов. Девушка была невысокой и коренастой, с толстой шеей, круглым лицом и густыми, почти срастающимися над переносицей бровями. Яркие темные глаза и теплая кожа делали ее привлекательной – то была привлекательность юного и здорового существа. Выцветшее красное платье очень ей шло и придавало какое-то темное, нежное сияние, разительно отличавшееся от электрического блеска городских греков-экспатриантов, которых мне приходилось встречать до сих пор. На вид девушке было около семнадцати.

Моя попытка поздороваться вызвала у нее целый поток радостного греческого щебетания, которое сестра сквозь смех наконец умудрилась пресечь.

– Она не понимает, Миранда, она знает только два слова. Говори по-английски. Не могла бы ты, когда закончишь с уборкой, показать ей дорогу вниз на пляж, хорошо?

– Ну конечно! С удовольствием!

На лице девушки отразилось не обычное удовольствие, а такой восторг, что я улыбнулась про себя, цинично предположив, что неожиданная возможность ненадолго отлучиться в самый разгар трудового утра и в самом деле удовольствие. Но я ошибалась. Так недавно вырвавшись из серого лондонского уныния и закулисных интриг и неудач, я просто еще не готова была понять простодушную радость греков оказать кому-нибудь услугу.

Миранда принялась рьяно гроыхать тарелками, составляя их на поднос.

– Я недолго. Минуточку, только минуточку...

– Что на деле означает полчаса, – безмятежно заметила сестра, когда девушка выпорхнула из комнаты. – Но все равно, куда спешить? Все время мира к твоим услугам.

– Верно, – с чувством глубокого удовлетворения согласилась я.

Дорога на пляж представляла собой тенистую тропинку, устланную сосновыми иглами. Она вилась меж деревьев и внезапно выводила на маленькую прогалинку, где бежавший к морю ручеек разливался солнечным прудиком под поросшим жимолостью берегом.

Там дорога разветвлялась. Одна тропинка шла вверх по холму, вглубь леса, а другая резко сворачивала вниз к морю между сосен и золотых дубов.

Миранда остановилась и показала вниз по склону.

– Вам сюда. А другой путь в Каstellо, там частное владение. По этой тропе никто не ходит, она ведет только к дому, вы понимаете.

– А где вторая вилла, мистера Мэннинга?

– С другой стороны бухты, на вершине утеса. С пляжа вы ее не увидите, потому что деревья все загораживают, но там есть вот такая тропинка, – и она изобразила резкий зигзаг, – от эллинга вверх по склону. Там работает мой брат Спиро. Это чудесный дом, очень красивый, совсем как у синьоры, но, конечно, не такой замечательный, как Каstellо. Вот он – ну точь-в-точь дворец.

– Охотно верится. Ваш отец тоже работает в поместье?

Я задала этот вопрос без всякой задней мысли, просто так, начисто забыв все эти Филлидины глупости да и не поверив им, но, к моему несказанному смущению, девушка замялась, и на одну ужасную секунду мне подумалось, а вдруг Филлида права. Тогда я еще не знала, что греки неизменно воспринимают самые личные вопросы как нечто само собой разумеющееся, точно так же как сами их задают, и я начала, запинаясь, что-то бормотать, но Миранда уже отвечала:

– Мой отец бросил нас много лет назад. Он уехал туда.

«Туда» в данном случае было всего лишь стеной деревьев, обрамленных понизу миртовыми кустами, но я знала, что лежало за ними – угрюмая, закрытая земля коммунистической Албании.

– Ты имеешь в виду, он там в плену? – ужаснулась я.

Девушка покачала головой:

– Нет. Он был коммунистом. В то время мы жили в Аргирадесе, на юге Корфу, а в той части острова таких много. – Она чуть поколебалась. – Не знаю уж почему. На севере, откуда родом моя мать, совсем иначе.

Она говорила так, словно остров был не сорок миль в длину, а все четыреста, но я ей верила. Там, где собираются два грека, насчитывается по крайней мере три политические партии, а может, и больше.

– И вы о нем ничего не слышали?

– Ничего. Раньше моя мать еще надеялась, но теперь, разумеется, границы совсем закрыты и никто не может ни войти, ни выйти. Если он еще жив, то волей-неволей должен оставаться там. Но мы и этого не знаем.

– Ты хочешь сказать, что никто не может попасть в Албанию?

– Никто. – Черные глаза внезапно вспыхнули живым огнем, как будто за их безмятежными зрачками что-то зажглось. – Кроме тех, кто нарушает закон.

– Ну, я не собираюсь нарушать никаких законов. – Эти враждебные снега казались такими высокими, холодными и жестокими. – Мне очень жаль, Миранда, – неловко добавила я. – Наверное, для вашей матери все это было просто ужасно.

Она пожала плечами:

– Это случилось уже так давно. Четырнадцать лет назад.

Не уверена даже, что хорошо помню его. А у нас остался Спиро, он о нас заботится. – Глаза ее вновь засверкали. – Он работает на мистера Мэннинга, я вам уже говорила, – с яхтой и с машиной, чудесной машиной, страшно дорогой, и еще с фотографиями, которые мистер Мэннинг делает для книги. Мистер Мэннинг сказал, как закончит книгу – настоящую книгу, какие продают в магазинах, – то напечатает на ней и имя Спиро. Только представьте! О, Спиро может все на свете! Он мой близнец, ну понимаете.

– Он на тебя похож?

На лице ее отразилось удивление.

– Похож на меня? Ну как это, нет, он ведь мужчина, и разве я не говорила вам только что, какой он умный? Я-то нет, я не умная, но я ведь женщина, мне и не нужно. С мужчинами все иначе. Да?

– Так говорят мужчины, – засмеялась я. – Что ж, большое спасибо, что показала мне дорогу. Не могла бы передать моей сестре, что я вернусь к ланчу?

Я повернулась и зашагала по тропе вниз под сень сосен, но у первого поворота что-то заставило меня обернуться и поглядеть на прогалинку.

Миранда скрылась. Но на миг мне показалось, будто я различаю мелькающий среди деревьев краешек выцветшего красного платья, только не по направлению к вилле Форли, а выше по склону, среди леса, на запретной тропе к Кастелло.

Глава 2

Я слегка взволнован.

У. Шекспир.

Буря. Акт IV, сцена 1

Бухточка оказалась небольшой и укромной – узкий серп белого песка, отграничивающий аквамариновое море и огражденный, в свою очередь, высокими кулисами утеса, сосен и зелено-золотых деревьев. Крутая тропинка вывела меня мимо рощицы молодых дубков прямо на пляж. Я быстро переоделась в уголке и вышла под белое слепящее солнце.

Кругом было пустынно и очень тихо. По обеим сторонам бухточки в спокойную блестящую воду вдавались покрытые лесом мысы. За ними цвет моря менялся от переливчатого павлинье-голубого близ берега до глубокого темно-синего на самом горизонте, где плыли горы Эпира, менее вещественные, чем туман. Далекие снега Албании словно бы дрейфовали по небу, точно облака.

После раскаленного песка море казалось прохладным и шелковистым. Я опустилась в молочно-спокойную воду и лениво поплыла вдоль берега к южной стороне залива. С суши веял слабый ветерок, пьянящая смесь аромата апельсиновых цветов и сосновой смолы, свежая и пряная, теплыми дуновениями вплетающаяся в соленый запах моря. Вскоре я приблизилась к оконечности мыса, где из воды торчали белые

скалы, а с них, отбрасывая на тихую заводь темно-зеленые тени, свисали корявые сосенки. Я осталась на солнце, лениво перевернулась на спину и закрыла глаза, чтобы их не слепил блеск неба.

Сосны вздыхали и перешептывались, недвижимая вода молчала...

И вдруг на меня набежала невесть откуда взявшаяся волна. Я едва не перевернулась от неожиданности и забарахталась, стараясь обрести утраченное равновесие, но за первой волной уже катилась новая, как будто мимо проплывала лодка, однако ни шума мотора, ни ударов весел о воду слышно не было – ничего, кроме слабого плеска затихающей ряби о камни.

Подняв голову, я огляделась по сторонам, растерянная и немного испуганная. Ничего. Вокруг, до самого бирюзового горизонта, блестело пустынное безмятежное море. Я попробовала встать и обнаружила, что меня отнесло чуть дальше от берега, чем я думала, – еле-еле удалось нащупать дно кончиками пальцев. Я повернула обратно к отмели.

На этот раз струя сбила меня с ног, а когда я, неловко барахтаясь, рванулась вперед, вторая опрокинула меня назад, так что я с минуту беспомощно бултыхалась и вовсю наглоталась воды, пока наконец не устремилась к берегу, теперь уже испугавшись не на шутку.

Внезапно поверхность моря рядом со мной забурило и зашипела. Что-то коснулось ноги – холодное, мимолетное

прикосновение к бедру, словно под водой мимо меня кто-то проплыл...

Я задохнулась от внезапного резкого ужаса, и если не завопила, то лишь оттого, что хлебнула воды и едва не пошла ко дну. В панике вынырнув на поверхность, я стерла соль с глаз и ошалело огляделась кругом: бухточка была пуста, как и прежде, но сине-зеленую гладь прочертила белая полоса, похожая на стрелу, – след того самого морского существа, которое только что задело меня. Острые стрелы удалялось, оставляя за собой на гладкой воде залива отчетливый след, точно от моторки. Оно несло вперед, вдаль от берега, а потом повернуло, описало широкую дугу и помчалось обратно...

Я не стала ждать, чтобы посмотреть, кто это. Невежественный рассудок в полной панике завопил: «Акулы!» – и я как безумная бросилась к прибрежным скалам.

Существо стремительно приближалось. В тридцати ярдах от меня поверхность воды забурлила, раздалась, и из нее вырвалась огромная изогнутая серебристо-черная спина. Вода стекала с боков, точно жидкое стекло. Послышался резкий выдох, я мельком разглядела блеск темного и яркого глаза и спинной плавник в форме полумесяца, а затем существо вновь нырнуло, и толчок воды отшвырнул меня на пару ярдов ближе к скале. Я уцепилась за какой-то выступ, подтянулась и вылезла на берег, задыхаясь и умирая со страха.

Это точно была не акула. Сотни приключенческих рома-

нов в один голос твердили, что узнать акулу легче легкого по огромному треугольному плавнику, к тому же я не раз видала на картинках смертоносные челюсти и крохотные свирепые глазки. А это существо дышало воздухом, глаз у него был большой и темный, как у собаки – может, как у тюленя? Но ведь в этих теплых водах тюлени не водятся, а потом, у тюленей не бывает спинных плавников. Морская свинья? Слишком уж большая...

И тут на меня вдруг снизошло озарение, а вместе с ним прилив радости и облегчения. Это был любимец Эгея, «малыш, обгоняющий ветер», возлюбленный Аполлона, «радость моря», дельфин – в памяти мгновенно всплыло множество ласковых имен и названий. Я села повыше, обвила колени руками и приготовилась наблюдать.

Вот он показался вновь, одним широким прыжком, гладкий и блестящий, с черной спиной и светлым брюхом, грациозный, точно мчащаяся по ветру яхта. На этот раз он не стал уныривать вниз, а лег на поверхности, с любопытством уставившись на меня и слегка покачиваясь, – большой, как все дельфины, наверное чуть длиннее восьми футов, могучая спина чуть изогнута, чтобы в любой момент уйти под воду, а хвост в форме полумесяца, так не похожий на вздернутый вверх рыбий плавник, пошевеливал воду, поддерживая тело на плаву. Карий кружочек глаза неотрывно смотрел на меня, и я готова была поклясться, что во взгляде этом светился огонек дружелюбия и интереса. На гладкой морде за-

стыла неизменная дельфинья улыбка.

Восторг и восхищение ударили мне в голову.

– Ах ты, милый! – глупо сказала я, протягивая к нему руку, словно к голубю на Трафальгар-сквер.

Дельфин, естественно, проигнорировал ее и все так же покачивался на волнах, безмятежно улыбаясь, чуть-чуть приблизившись и без тени испуга следя за мной.

Так, значит, все эти истории были чистейшей правдой... Конечно, я читала легенды – древняя литература так и кишела рассказами о дельфинах, которые вступали в дружбу с людьми, а если кто не мог до конца поверить в существование волшебных дельфинов из преданий, то на помощь приходило множество не столь давних событий, клятвенно подтвержденных всеми возможными современными доказательствами. Пятьдесят лет назад в Новой Зеландии один дельфин по имени Джек Пелорус двадцать лет подряд сопровождал корабли из пролива Кука; а дельфин Опонони в пятидесятых годах развлекал в заливе отдыхающих; и еще позже одна дельфиниха в Италии любила играть с детишками возле берега – посмотреть на нее собирались такие толпы народа, что в результате несколько дельцов из расположенного неподалеку курорта, страшась растерять всех завсегдатаев, устроили на нее засаду и застрелили, когда она, как обычно, приплыла поиграть. Эти и прочие истории придавали древним легендам большую достоверность.

Но самое весомое – живое – доказательство находилось

сейчас предо мной. Вот сидела я, Люси Уоринг, а дельфин приглашал меня в воду поплавать с ним. Он не мог бы выразиться яснее, даже если бы повесил себе плакат на прекрасный серповидный плавник. Он покачивался на поверхности, лукаво поглядывая на меня, а потом слегка повернулся, кувыркнулся в воде и снова выскочил, еще ближе ко мне...

Вершины сосен колыхал легкий бриз, мимо моей щеки, точно пуля, просвистела пчела. Дельфин вдруг изогнулся дугой, подпрыгнул и скрылся под водой. Море плеснуло, забурлило и постепенно успокоилось вновь.

Ну вот и все. С разочарованием столь резким, как будто меня обокрали, я повернула голову, чтобы проследить, как он будет уплывать, как вдруг вода совсем рядом с моим камнем разверзлась и из нее стремительно, как пушечное ядро, вылетел дельфин. Он описал в воздухе дугу высотой по меньшей мере в целый ярд, снова упал, гулко шлепнув по воде хвостом, и понесся вперед точно торпеда, одним махом оказавшись от моей скалы в двадцати ярдах, и, поднявшись на хвосте, вновь одарил меня этим лучистым, добродушно-насмешливым взглядом.

Представление было совершенно очаровательным, и я не могла ему противиться.

— Ну ладно, — тихо сказала я. — Иду к тебе. Но, милый мой, если ты снова меня опрокинешь, я сама тебя утоплю, так и знай!

И я свесила ноги в воду, собираясь соскользнуть с камня.

Мимо меня в сторону моря снова с забавным высоким жужжанием пронеслась пчела. Что-то – должно быть, рыбешка – плеснулось на волнах позади дельфина, подняв маленький фонтанчик белопенных брызг. Но пока я рассеянно гадала, что же это может быть, гудение раздалось снова, уже ближе... снова плеск воды и необычное тоненькое повизгивание, точно дернули натянутую проволоку.

И тут я все поняла. Мне уже доводилось слышать этот звук прежде. Пчелки и рыбки были тут совершенно ни при чем. Это свистели пули, скорее всего выпущенные из винтовки с глушителем, а одна из них срикошетила от поверхности воды. Кто-то стрелял в дельфина из леса над бухтой.

В первый миг мне даже не пришло в голову, что я и сама подвергаюсь опасности угодить под рикошет. Я просто пришла в ярость и не могла не попытаться положить этому конец, и поскорее. Нельзя же так! Дельфин покачивался на волнах, улыбаясь мне, а тем временем какой-то гнусный «спортсмен» наверняка уже снова прицеливался...

Судя по всему, он не заметил меня в тени сосен.

– Прекратите стрельбу! – закричала я во весь голос. – Немедленно прекратите! – И бросилась в воду.

Вряд ли кто-нибудь стал бы стрелять, когда есть шанс попасть в меня... Я ринулась в полосу света, неловко пытаюсь бежать по груди в воде, от души надеясь, что столь бесцеремонное и шумное приближение вспугнет дельфина и заставит уплыть из опасной зоны.

Так и вышло. Он позволил мне приблизиться на несколько футов, но, когда я кинулась дальше, протянув руку, словно пытаюсь коснуться его, тихонько вильнул в сторону, нырнул и исчез.

Я стояла по грудь в воде, оглядывая море. Ничего. Оно простиралось, пустое и безмолвное, к бесплотным, расплывчатым холмам далекого материка. Рябь, поднятая дельфином, добежала до берега и затихла с невнятным плеском. Дельфин исчез. И волшебство исчезло вместе с ним. Передо мной остался всего лишь небольшой, хотя и милый пляж, над которым засел в засаде какой-то неприятный и, наверное, расстроенный неудачей тип с ружьем.

Я повернулась и посмотрела на окружавшие залив утесы. Первое, что бросилось мне в глаза, – это нависающие высоко по самому центру бухты верхние этажи какого-то здания, похоже на Кастелло деи Фьори, вздымающего свои несообразные и нелепые башенки на фоне дубов, кедров и средиземноморских кипарисов. Дом стоял довольно далеко от обрыва, так что окон первого этажа видно не было, но к краю утеса над морем выходил широкий балкон или терраса. Заросли цветущих кустов, покрывающих отвесную неровную стену утеса, загораживали террасу от расположенного прямо под обрывом пляжа, но с того места, где я стояла сейчас, можно было отчетливо разглядеть всю длину балюстрады, поросшие мхом статуи по углам, пару каменных вазонов с цветами, ярко выделяющимися на фоне темных кипарисов,

и, на некотором отдалении от перил, стол и кресла в тени каменной сосны.

И полускрытого в этой тени человека, глядящего на меня.

Секундного наблюдения хватило, чтобы понять, что он не может быть сэром Джулианом Гейлом. Даже издавек я не уловила в нем ничего знакомого. Для сэра Джулиана он был слишком смугл, слишком небрежен в движениях и определенно слишком молод. Вероятно, рассудила я, это садовник, тот самый, что сбрасывает нарушителей с обрыва. Что ж, если садовник сэра Джулиана завел привычку постреливать для забавы куда ни попадя, самое время ему бросить это дело.

Не успел дельфин и двух раз показаться на поверхности, как я уже выскочила из воды, натянула туфли, обмоталась полотенцем и помчалась вверх по обветшавшим ступеням, ведущим куда-то за обрыв – насколько можно было судить, как раз к террасе.

Сверху раздался крик, и я подняла голову. Незнакомец подошел к балюстраде и перегнулся через перила. Я едва различала его сквозь густую пелену гибискуса и папоротника, но разглядела, что он не похож на грека, а стоило мне на миг остановиться, как он прокричал по-английски: «Туда, пожалуйста!» – и махнул рукой в сторону южного края бухты.

Я проигнорировала этот жест. Кем бы там он ни был – скорее всего, не садовником, а каким-нибудь гостем Джули-

ана Гейла, – я твердо решила разобраться с ним здесь и сейчас, пока мой гнев еще не успел остыть, а не ждать, когда нам доведется столкнуться на каком-нибудь светском приеме у Филлиды... «Но послушайте, мистер Как-вас-там, совершенно незачем стрелять в дельфинов, они абсолютно безвредны». Все эти старые как мир вежливые увещевания, тысячекратно звучавшие перед безмозглыми любителями охоты, стрелявшими или ловившими в капканы барсуков, пустельг, выдр – безвреднейших существ, убиваемых лишь потому, что кому-то взбрело в голову прогуляться с собакой в погожий денек. Нет, на этот раз я разозлилась не на шутку, и злость придала мне храбрости. Не стану откладывать, выскажу ему все, что у меня накопилось.

Пришпориваемая этими мыслями, я одним махом взлетела по ступеням, словно выпущенная из ракетницы петарда.

Крутая и неровная лестница вилась сквозь самую гущу зарослей, огибая подножие утеса, а потом резко поднималась сквозь кусты мирта и жасмина и заканчивалась пологой лужайкой, испещренной бликами солнечного света.

Незнакомец уже поджидал меня там, всем видом излучая раздражение, – верно, поспешил навстречу с террасы, чтобы перехватить меня. Только остановившись и вызываяще уставившись на него, я вдруг осознала, в каком невыгодном положении нахожусь, особенно по сравнению с ним. Ему пришлось всего лишь спуститься примерно на пятьдесят футов – мне же пулей взлететь на сто или больше. Он, должно быть,

имел полное право находиться здесь – я же нет. К тому же он занимался своим делом, которое никоим образом меня не касалось. Более того, он был полностью одет, а я примчалась в купальнике и обмотанном поверх полотенце, мокрым и бесформенно свисающем по бокам. Судорожно кутаясь в него, я старалась отдышаться, чувствуя еще большую ярость, чем прежде. Но ничего не выходило, я не могла вымолвить ни слова.

Поэтому первым заговорил мой противник – не агрессивно, но и не то чтобы вежливо:

– Здесь, знаете ли, частное владение. Не будете ли вы столь любезны спуститься той же дорогой, что и пришли? Эта тропа ведет только к террасе, а оттуда к дому.

Я наконец слегка отдышалась и не стала тратить даром ни времени, ни слов.

– Зачем вы стреляли в дельфина?

Он потемнел, словно я вдруг ударила его по лицу.

– Зачем я что?

– То, чем только что занимались. Разве вы не стреляли в дельфина в бухте?

– Дорогая моя де... – Он спохватился и произнес уже иным тоном, словно обращаясь к помешанной: – О чем вы говорите?

– Не притворяйтесь, будто не знаете! Это наверняка вы! Раз уж вы такая гроза нарушителей и посторонних, то кому бы еще? – Я тяжело дышала и трясущимися руками неловко

прижимала к себе полотенце. — Кто-то стрелял в него, только что, несколько минут назад. Я была там и видела вас на террасе.

— Безусловно, я был на террасе и видел дельфина. А вот вас нет, пока вы не закричали и не выскочили из-под деревьев. Но вы, вероятно, ошиблись. Никто не стрелял. Я бы непременно услышал выстрелы.

— Ну разумеется, стреляли с глушителем, — нетерпеливо перебила я. — Говорю же вам, когда стреляли, я была там, внизу! Неужели вы считаете, я бы помчалась сюда просто так, ради забавы? Это были самые настоящие пули! Я могу узнать рикошет, когда его слышу.

При этом заявлении незнакомец нахмурился и, сведя брови, уставился на меня, как будто в первый раз увидев во мне человека, а не какую-то доuku, которую надо как можно скорее спихнуть вниз с утеса.

— Зачем же тогда вы прыгнули в воду рядом с дельфином?

— Ну это же очевидно! Хотела прогнать, пока его не ранили!

— Да ведь вас сами могли серьезно ранить. Или вам неизвестно, что пули отскакивают рикошетом от воды точно так же, как и от камней?

— Само собой, известно! Но надо было что-нибудь предпринять, как по-вашему?

— Отважная девушка.

Голос его звучал так сухо, что моя остывшая было ярость

вспыхнула с новой силой.

— Вы мне не верите, да? — с жаром произнесла я. — Говорю же вам, это чистая правда! Тут и в самом деле стреляли, и я, разумеется, прыгнула в воду, чтобы это прекратить. Я же понимала, что вы не станете стрелять, если в воде будет кто-нибудь, кроме дельфина.

— Знаете ли, — произнес он, — так у вас не получится. Или то, или другое. Либо я стрелял, либо я не верю, что здесь вообще стреляли. Но не оба варианта сразу. Можете выбирать сами. На вашем месте я бы остановился на втором. Я имею в виду, это ведь неправдоподобно, верно? Даже предположив, что кому-то вздумается стрелять в дельфина, зачем использовать глушитель?

— Это я вас спрашиваю, — заявила я.

На миг мне показалось, что я зашла чересчур далеко. Губы незнакомца сжались, а в глазах вспыхнул сердитый огонек. Ненадолго наступило молчание. Он, хмурясь, мерил взглядом меня, а я — его.

Только теперь я как следует разглядела своего противника. Он оказался крепким и стройным человеком лет тридцати, небрежно одетым в свободные брюки и рубашку без рукавов, выставившую напоказ грудь и руки — они вполне могли бы принадлежать любому из голоруких и голоногих греков-чернорабочих, которых я видела на строительстве дорог. Как и у них, волосы и глаза у него были темными-пре-темными. Но что-то в форме рта, одновременно чувственно-

го и чувствительного, противоречило первому впечатлению, будто это личность чисто физического склада. Сразу становилось понятно, что имеешь дело с человеком вспыльчивым, часто испытывающим агрессивные импульсы, но при выкшим сполна расплачиваться за них перед самим собой.

Какое впечатление сложилось у него обо мне, я и думать боялась: мокрые волосы, раскрасневшееся лицо, полусмущенная ярость и это чертово полотенце, что так и норовило сползти... Но в одном я точно была уверена: в эту самую секунду на него накатил один из его пресловутых приступов гнева. По счастью, незнакомец сдерживался... пока что.

– Что ж, – коротко сказал он. – Боюсь, вам придется удовольствоваться лишь моим словом. Я не стреляю в животных – ни из винтовки, ни из рогатки, ни из чего-либо еще. Довольны? Ну а теперь, с вашего позволения, я был бы крайне признателен, если бы вы...

– Ушла той же дорогой, что и пришла? Хорошо. Я все поняла. Простите, наверное, я ошиблась. Но вот насчет выстрелов не ошиблась точно. Не больше вашего представляю, кому и зачем понадобилось это делать, но факт остается фактом: в дельфина кто-то стрелял. – Под ничего не выражающим взором незнакомца я начала сбиваться и запинаться. – Послушайте, не хочу больше докучать вам, но просто не могу взять и бросить все это дело... Такое ведь может повториться снова... Раз уж это не вы, у вас есть хоть малейшее представление, кто бы это мог быть?

– Нет.

– Быть может, садовник?

– Нет.

– Или арендатор виллы Рота?

– Мэннинг? Напротив, если вам требуется помощь в вашей защитной кампании, я бы предложил отправиться прямо на виллу Рота. Мэннинг фотографировал этого дельфина много недель подряд. Собственно, это он и приручил его с самого начала, он и тот греческий паренек, который на него работает.

– Приручил? А... понимаю. Ну тогда, – запинаясь, добавила я, – это и вправду не он.

Мой собеседник промолчал – похоже, с безразличным терпением ждал, пока я уйду. Я прикусила губу, находясь в жалком замешательстве и чувствуя себя дура душой. (И почему это всегда чувствуешь себя дураком, когда действуешь из лучших побуждений, которые более умудренные люди зовут сентиментальностью?) Я вдруг заметила, что вся дрожу. Гнев и энергия разом оставили меня. В тени на поляне было довольно прохладно.

– Хорошо, – сказала я, – наверное, я постараюсь поскорее повидаться с мистером Мэннингом, а если и он не сможет помочь, то, надеюсь, мой зять сможет. Я имею в виду, раз уж тут частные владения, и берег тоже, то мы ведь вправе помешать всяким нарушителям, верно?

– Мы? – быстро повторил он.

– Ну, хозяйева этого имения. Я Люси Уоринг, сестра Филлиды Форли. Насколько понимаю, вы гостите у сэра Джулиана?

– Я его сын. Так вы мисс Уоринг? Не знал, что вы уже здесь. – Казалось, он замялся в нерешительности, словно собираясь извиниться, но вместо этого спросил: – А сам Форли сейчас дома?

– Нет, – коротко ответила я и повернулась, собираясь уйти.

За мою сандалию зацепился побег папоротника, и я нагнулась, чтобы снять его.

– Простите, если был несколько резок. – Голос Гейла-младшего ничуть не смягчился, но, возможно, это объяснялось смущением. – Мы тут хлебнули хлопот с разными приезжими, и мой отец... он болел и приехал сюда выздоравливать, так что, сами понимаете, ему нужна тишина и покой.

– Разве я похожа на охотницу за автографами?

В первый раз в глазах моего собеседника вспыхнула искорка веселья.

– Пожалуй, нет. Но ваш дельфин был даже большей достопримечательностью и приманкой, чем мой отец: каким-то образом вся округа прослышала, что он дает себя фотографировать, а потом поползли слухи, будто здесь снимается кино, так что в залив стали наведываться лодки с зеваками, не говоря уже о тех, кто приходил пешком через лес. Все это стало немножко утомительно. Я лично не возражаю, если

людям хочется попользоваться пляжем, но они всегда приходят с транзисторами, а этого я уже вынести не могу. Я по профессии музыкант и приехал сюда работать. – Он чуть помолчал и сухо добавил: – А если вы думаете, что это дает мне прекрасную причину пожелать избавиться от дельфина, могу только еще раз заверить вас, что мне это и в голову не приходило.

– Что ж, – отозвалась я, – похоже, больше говорить не о чем, правда? Простите, если прервала вашу работу. Сейчас я уйду, и вы сможете к ней вернуться. Всего хорошего, мистер Гейл.

Мой исполненный величия уход был несколько испорчен тем, что проклятое полотенце зацепилось за папоротник и слетело с меня. Я потратила целых три отвратительные минуты на то, чтобы высвободить его и водрузить на надлежащее место.

Впрочем, я могла бы и не беспокоиться за свое достоинство: Гейл уже ушел. Откуда-то сверху, раздражающе близко, слышались голоса – вопрос и ответ, такие короткие и небрежные, что уже сами по себе были просто оскорбительны. А потом тишину недвижимого воздуха нарушила музыка – вырвавшийся на волю поток звучных аккордов, то ли из граммофона, то ли включили радио.

Можно было не сомневаться, что я уже забыта.

Глава 3

*Этот щеголь
Кришенье потерпел. Когда б его
Не грызло горе – язва красоты, —
Могла бы ты назвать его прекрасным.*
У. Шекспир. Буря. Акт I, сцена 2

К тому времени как я приняла душ и переоделась, первый мой пыл слегка угас, и теперь мне не терпелось рассказать все Филлиде и – скорее всего – выслушать немало ехидных комментариев в адрес несговорчивого мистера Гейла. Но когда я спустилась на террасу, сестры там не оказалось. Стол не был накрыт толком к ланчу, серебряные приборы валялись на середине скатерти, точно их побросали второпях. Ни Миранды, ни ее матери не было и следа.

Затем послышался стук кухонной двери и быстрые шаги моей сестры через холл к большой гостиной, которую она звала *salotto*.

– Люси? Это тебя я только что слышала?

– Я тут, снаружи.

Я шагнула к французской двери, но Филлида уже спешила навстречу, и одного взгляда на ее лицо хватило, чтобы я и думать забыла о своем утреннем приключении.

– Фил! Что стряслось? Ты чудовищно выглядишь. Калибан?

Она покачала головой:

– Дело не в этом. Плохие новости, просто ужас. У бедной Марии утонул сын. Спиро, паренек, о котором я рассказывала тебе за завтраком.

– Фил! Господи, какой кошмар! Но как? Когда?

– Вчера ночью. Он вышел в море на яхте с Годфри, ну, Годфри Мэннингом, и там произошел несчастный случай. Годфри пришел к нам с этим известием буквально несколько минут назад, а мне пришлось сообщить об этом Марии и Миранде. Я... я отправила их домой. – Она поднесла руку ко лбу. – Люси, это было так ужасно! Даже и передать тебе не могу. Если бы Мария хоть сказала что-нибудь, но нет, ни единого слова... Ну ладно, идем. Годфри еще здесь, так что тебе лучше зайти в дом и познакомиться с ним.

Я попятилась:

– Нет-нет, за меня не волнуйся. Я пойду к себе в комнату или еще куда-нибудь. Мистер Мэннинг, наверное, не в том состоянии, чтобы вести светские беседы. Бедная Фил. Мне так жаль... Послушай, может, тебе будет легче, если я уеду до вечера? Могу отправиться в город на ланч, а потом...

– Ой нет, пожалуйста, мне бы хотелось, чтобы ты осталась. – Сестра на миг понизила голос. – Он так тяжело все это переживает, и я, честно говоря, думаю, может быть, ему стоит поговорить с кем-нибудь о случившемся. Ну пойдем же... Боже! Мне необходимо чего-нибудь выпить! Придется Калибану разок это пережить.

Она слабо улыбнулась и повела меня в дом через широкую застекленную дверь.

Salotto представляло собой просторную прохладную комнату с тремя большими французскими окнами, выходящими на террасу, откуда открывался умопомрачительный вид на море. Облепившая террасу глициния смягчала беспощадное солнце, так что в гостиной было сумрачно и прохладно, голубые стены цвета утиных яиц и белый потолок оттеняли совершенство позолоченных итальянских зеркал и мягкое золотистое сияние отполированного деревянного пола. Комната, дышащая миром и покоем, отличалась той благодатной простотой, которую могут обеспечить богатство и хороший вкус. Филлида всегда обладала безупречным вкусом. Я часто радовалась, что это она, а не я вышла замуж за банкира. Мой вкус, с тех пор как я переросла стадию увлечения бутылками из-под джина и кьянти в качестве главных элементов оформления, всегда нес на себе неизгладимый отпечаток того, что я слишком долго прожила в постоянном хаосе всевозможного хлама, приобретаемого по дешевке в лавке старьевщика и переделываемого на скорую руку для очередного спектакля. В лучшем случае эффект получался в духе бедняги Сесила Битона⁴, в худшем же – гибридом между декорациями Эммета и Рональда Сирла⁵ для постановки «Уотта» Сэмюэ-

⁴ *Сесил Битон* – знаменитый мастер фотопортрета, снимавший кинозвезд и идолов поп-культуры.

⁵ *Рональд Сирл* – известный карикатурист.

ла Беккета. Лично я таким образом наслаждалась жизнью, но это вовсе не мешало мне восхищаться несомненной элегантностью моей сестры.

В дальнем углу комнаты находился стол с батареей бутылок. Рядом, спиной к нам, наливая в стакан содовую, стоял какой-то мужчина. При звуке наших шагов он обернулся.

В первый миг мне показалось, будто на лицо его натянута маска ледяного спокойствия, под которым скрывалось какое-то сильное чувство. Но потом это впечатление поблекло, и я увидела, что ошиблась: самообладание было не маской, а частью этого человека, причем порождалось самой эмоцией, совсем как воздушный тормоз включается под действием струи сжатого воздуха. Этот человек принадлежал к совершенно иному типу людей, чем мистер Гейл. Я поглядела на него с интересом и некоторым состраданием.

Он был высок и широкоплеч, каштановые волосы выгорели на солнце. Умное худощавое лицо, серые глаза, усталые и чуть поникшие в уголках, словно он давно не спал. Я бы сказала, что ему лет тридцать пять или тридцать шесть.

Филлида представила нас друг другу, и он учтиво поздоровался со мной, но все его внимание было приковано к моей сестре.

– Вы сказали им? Ну как? Очень плохо?

– Хуже некуда. Ради всего святого, не нальете ли мне выпить? – Она опустилась в кресло. – Что? А, виски, пожалуйста. А как ты, Люси?

– Если в том графине фруктовый сок, то мне его, ладно? А лед есть?

– Ну конечно. – Он протянул нам по бокалу. – Послушайте, Фил, не следует ли мне сейчас пойти и поговорить с ними? Они, наверное, захотят сами о чем-нибудь расспросить.

Отпив из бокала, Филлида тяжело вздохнула и, кажется, немного успокоилась.

– На вашем месте я бы пока воздержалась. Я сказала им, что они могут идти домой, и они не промолвили ни слова, просто собрали вещи и ушли. Думаю, полиция еще приедет туда, чтобы поговорить с ними... Потом-то они, конечно, захотят услышать от вас все до мельчайших подробностей, но сомневаюсь, что сейчас Мария способна вообще что-либо понять, кроме того, что Спиро погиб. Собственно говоря, не думаю, что она и это осознала, – по-моему, она еще не смогла поверить в его смерть до конца. – Филлида поглядела на Мэннинга. – Годфри, я полагаю... полагаю, тут не может быть никаких сомнений?

Он замялся, покачивая виски в бокале и хмуро уставившись на плещущуюся жидкость. Морщины на его лице прорезались глубже, и я начала гадать, не старше ли он, чем мне показалось сначала.

– Ну, в общем, некоторые сомнения еще остаются. Вот в чем весь ужас-то, понимаете? Вот почему я и пришел только сейчас... Обзванивал все кругом, пытаюсь выяснить, не мог ли он добраться до берега, сюда или на материк, или...

или не нашли ли его. В смысле, не вынесло ли на берег его тело. – Мэннинг оторвал взгляд от бокала. – Но я абсолютно уверен, что не осталось никаких шансов. Я имею в виду, шансов увидеть его в живых.

– А далеко ли вы были от берега?

Он поморщился:

– Примерно посередине пролива.

– Где именно?

– К северу отсюда, за Коулоурой, в самом узком месте. Но там все равно до берега в любую сторону не меньше мили.

– А что случилось? – не удержалась я.

Оба они уставились на меня с таким видом, будто начисто забыли о моем присутствии. Годфри Мэннинг расправил плечи и рассеянно пригладил волосы.

– Видите ли, я и сам толком не понял. Что, звучит невероятно глупо? Но тем не менее это правда. С тех пор я столько раз мысленно прокручивал все случившееся, что уже сам запутался, что именно помню, а о чем лишь догадываюсь. Ну и конечно, бессонная ночь тоже не помогает делу. – Он отвернулся к столу и налил себе еще виски. – А что самое худшее, никак не могу избавиться от чувства, будто мог как-то предотвратить трагедию.

При этих словах Филлида вскрикнула, и я поспешила вмешаться:

– Уверена, что это не так! Простите, мне не следовало спрашивать. Наверняка вам не хочется больше об этом го-

ворить.

– Ничего. – Он подошел к креслу, но не сел, а просто беспокойно притулился на подлокотнике. – Я уже беседовал об этом с полицией, да и Фил тоже вкратце рассказал. Можно сказать, худшее уже позади... кроме того, боже помоги мне, что придется еще разговаривать с матерью парнишки. Наверняка она захочет узнать гораздо больше, чем полиция. – Он залпом выпил виски, словно ему это было совершенно необходимо, и в первый раз посмотрел прямо на меня. – Вы не встречались со Спиро?

– Я приехала только вчера вечером.

Уголки его губ опустились.

– Ну и начало визита. Что ж, он был братом-близнецом Миранды – я так понял, с ней и ее матерью вы встречались? – и работает, а точнее, работал у меня.

– Фил говорила мне.

– Мне с ним повезло. Он был умелым механиком, а в этих краях такого нелегко найти. В большинстве деревень единственные «машины» – это ослики и мулы, и для юнца с наклонностями к механике работы не сыщешь. Так что все они перебираются в города. Но Спиро, конечно, хотелось работать поближе к дому – отец его умер, и он стремился жить с матерью и сестрой. Я приехал сюда в прошлом году, и все это время он работал у меня. Чего он не знал о яхтах, того и знать не стоило, а если я скажу, что даже позволял ему брать на выходные мою машину, вы поймете, что он и вправду был

чертовски хорош. — Мэннинг кивнул в сторону окна, где на столе лежала большая папка. — Не знаю, упоминала ли Фил, но я работаю над книгой, состоящей по большей части из фотографий, и даже тут Спиро был неоценим. Он не только наловчился помогать мне технически — с проявкой и так далее, но и позировал для некоторых снимков.

— Они чудесны, — пылко вставила Филлида.

Мэннинг улыбнулся напряженной, бессмысленной улыбкой:

— Хорошие, правда? Что ж, вот таким был Спиро. Конечно, что бы там ни говорила бедняжка Миранда, не воплощенное совершенство. Золотые руки, это да, тут природа его не обделила, но страшный тугодум, а иногда упрям, как слепой мул, но зато решительный, упорный, и вы могли ему смело доверять. И было у него еще одно дополнительное, совершенно бесценное качество, которое для меня дороже всего на свете: на фотографиях он выходил просто сказочно. Перед камерой вел себя абсолютно естественно — хоть нарочно старайся, ничего не испортишь. — Он одним глотком допил остаток виски и наклонился поставить бокал на стол. Стук стекла о дерево прозвучал странным финалом, точно мертвая тишина после надгробного слова. — Что, собственно, и приводит меня к вчерашнему вечеру.

Наступила короткая пауза. Усталые серые глаза снова обратились ко мне.

— Я проводил кое-какие эксперименты с ночной фотогра-

фией – рыбацьи шаланды ночью, пейзажи в лунном свете и все в том же роде... вот и решил попытать удачи с восходом над материком, пока еще снег с гор не стоял. И мы со Спиро вышли в море. Задувал легкий ветерок, но никаких оснований для тревоги. Мы направились к побережью. Вы, вероятно, знаете, что к северу отсюда стоит гора Пантократор? Так вот, берег там изгибается и идет под прикрытием горы почти точно на восток. И только когда вы достигаете самого края и выворачиваете через открытый пролив на север, там-то и поднимается настоящий ветер. Мы приплыли туда примерно за полчаса до рассвета и свернули напротив Коулоуры – это самое узкое место между островом и материком. По морю шла зыбь, но моряки еще не назвали бы это волнением, хотя ветер с севера начинал потихоньку усиливаться... Словом, я сидел в каюте, возился с камерой, а Спиро был на корме, как вдруг мотор заглох. Я окликнул Спиро, спрашивая, что случилось, а он крикнул в ответ, что думает, будто что-то намоталось на винт, но он в минуту все расчистит. Так что я вернулся к своим делам и только потом понял, что Спиро оставил руль без присмотра – яхту развернуло боком и стало слишком сильно качать. Поэтому я вышел посмотреть, что же происходит.

Мэннинг поднял руку легким, но опять-таки странным жестом, будто в завершение чего-то важного.

– Тут-то все и случилось. Я увидел Спиро на корме – он свесился за борт. Яхту очень сильно качало, и, кажется, хотя

точно уже не помню, я крикнул ему быть осторожнее. А в следующий миг нос яхты взлетел на волну, и палуба взбрыкнула, как норовистый мул. Спиро хотел ухватиться за ограждение, но оно было скользким, и у бедняги соскользнули пальцы. Потом я увидел, как Спиро начал падать за борт и еще раз попытался за что-нибудь уцепиться, но промахнулся. Он просто исчез. К тому времени как я сумел добраться до кормы, его уже не было видно.

– А он умел плавать?

– О да, само собой. Но было темно, а яхту сильно несло вперед, в открытое море. Возясь в каюте, я не заметил, как ветер разыгрался не на шутку, и, должно быть, за несколько секунд нас отнесло на много ярдов. Даже если бы Спиро оставался на плаву, его все равно было бы нелегко найти. Впрочем, не думаю, что он сумел вынырнуть или позвать на помощь, иначе бы я услышал. Я сам кричал, пока не сорвал голос, но ответа не было...

Он снова беспокойно поднялся и зашагал к окну.

– Ну вот, собственно, и все. Я выбросил за борт спасательный круг, но яхту довольно быстро сносило вперед, и когда мне удалось завести мотор и вернуться туда, где, по моим представлениям, выпал Спиро, от бедного мальчика не осталось и следа. Хотя, скорее всего, я вернулся на прежнее место, потому что нашел там спасательный круг. Я битых два часа плавал вокруг да около – глупо, наверное, но знаете, в такой ситуации невозможно сдаться и прекратить поиски.

Потом недалеко, на расстоянии оклика, проплыла рыбацья лодка. Они стали помогать мне, но все тщетно.

Наступила пауза. Мэннинг стоял к нам спиной, глядя в окно.

– Это ужасно, – дрожащими губами пролепетала Филлида. – Ужасно.

– А на винт действительно что-то намоталось? – поинтересовалась я.

Годфри повернулся ко мне:

– Что? А-а, нет. По крайней мере, я ничего такого не обнаружил. Просто-напросто засорился насос. Я все наладил буквально за несколько секунд. Если бы он догадался сначала проверить там...

Он пожал плечами, не dokonчив фразы.

– Ну что ж, – Фил старалась говорить как ни в чем не бывало, – честное слово, решительно не вижу, в чем вам себя винить. Что еще вы могли сделать?

– Да нет, не то чтобы я винил себя в случившемся, сам знаю, что это глупо. Труднее всего смириться с тем, что я не сумел найти его. Два часа кряду кружить в черном разыгравшемся море и все время знать, что каждую минуту может стать уже слишком поздно. Прошу вас, поймите меня правильно, но мне было бы гораздо легче, если бы я смог привезти тело несчастного мальчика домой.

– Потому что иначе его мать не сможет поверить, что он погиб?

Мэннинг кивнул:

– Потому что сейчас она все равно будет надеяться, хотя никакой надежды нет, будет сидеть и ждать его возвращения. А когда, то есть если его тело все-таки вынесет на берег, ей придется заново переживать весь этот кошмар.

– Будем надеяться, что тело вынесет на берег поскорее, – сказала Филлида.

– Очень сомневаюсь. Ветер и волны должны были отнести его в другую сторону. А если его найдут на албанском побережье, мы можем об этом даже и не узнать. Она может ждать сына годами.

– Совсем как его отца, – заметила я.

Мэннинг несколько секунд глядел на меня невидящим взглядом.

– Его отца? О боже, да. Об этом-то я и забыл.

– Тогда, ради всего святого, и не вспоминайте, Годфри! – встрепелась Филлида. – Не надо растравлять себя еще больше! Ситуация достаточно ужасна и без ваших попыток обвинить себя в том, чему вы никак не могли помочь и что не могли предотвратить!

– Хотелось бы, чтобы его мать и сестра это поняли.

– Ну конечно поймут! Когда первое потрясение уляжется, поговорите с ними, расскажите все так, как сейчас рассказали нам. Вот увидите, они примут случившееся, даже и не подумав никого винить или восхвалять – точно так же, как принимают все, что ни пошлет им судьба. Таков уж этот

народ. Крепкий, как скалы его родного острова, и вера его столь же нерушима.

Мэннинг поглядел на мою сестру с некоторым удивлением. Люди, привыкшие видеть Филлиду – капризную, легкомысленную и прелестную бабочку, какой она была в повседневной жизни, – всегда удивляются, открыв для себя ее подлинную суть: надежное, материнское тепло. Помимо изумления на лице Годфри читалась и благодарность, словно он получил отпущение грехов и это было для него очень важно.

Филлида улыбнулась ему:

– Ваша беда в том, что вы не только пережили ужасное потрясение и кошмарный шок, но и боитесь предстать перед Марией и выдержать сцену, и я вас нисколько не виню. – Ее прямота действовала столь же утешительно, сколь и подавляюще. – Но можете не волноваться. Никакой сцены не будет. Им с дочерью вряд ли придет в голову вас о чем-то расспрашивать.

– Вы не совсем понимаете. Ведь Спиро не собирался выходить со мной в море вчера ночью, у него было назначено в городе какое-то свидание. А я убедил его отменить встречу. Его мать до последней минуты даже ничего и не знала.

– Ну так что? Без сомнения, вы, как всегда, собирались заплатить ему сверхурочные, верно? Я, во всяком случае, так думаю... да-да, Мария мне все рассказывала. Поверьте, они были безмерно благодарны вам за то, что вы дали ему работу и с неизменной щедростью платили за нее. Спиро был о вас

самого высшего мнения, и Мария тоже. Силы небесные, вам ли тревожиться, что они вам скажут?

– Как вы думаете, я могу им что-нибудь предложить?

– Деньги? – Филлида свела брови. – Не знаю. Надо подумать. Не представляю, что они теперь будут делать... Но об этом пока что рано тревожиться. Я задам им пару деликатных вопросов и сообщу вам, договорились? Но прошу вас, когда пойдете домой, лучше заберите эти снимки с собой. Я не успела их как следует просмотреть, но не хотелось бы, чтобы Мария наткнулась на них в такое тяжелое для нее время.

– Боже!.. Да, конечно, непременно заберу их.

Он взял папку со стола и нерешительно остановился, словно не вполне представляя, что делать дальше. Одна из привычек, вбитых мне моей профессией, – это наблюдать лица и вслушиваться в голоса, а если человек в это время переживает какое-то потрясение или стресс – тем лучше. Как актриса я никогда не достигну высшего уровня, зато здорово наловчилась разбираться в людях. И сейчас в нерешительности и жажде ободрения Годфри Мэннинга я ощущала что-то совершенно ему не присущее. Контраст между впечатлением, которое производил этот человек, и тем, во что превратил его шок, был чрезмерен – все равно что смотреть на фальшивящего актера. Я просто не могла этого вынести и спросила – торопливо и, наверное, не слишком тактично, словно необходимо было любой ценой отвлечь его:

– А это фотографии для вашей книги?

– Часть из них. Я принес на днях показать их Фил. Хотите посмотреть?

Он быстро подошел и положил папку на низкий столик перед моим креслом. По чести говоря, мне не очень-то хотелось сейчас рассматривать снимки, среди которых, скорее всего, были и фотографии погибшего юноши, но Фил не стала возражать, а Годфри Мэннингу, совершенно очевидно, это могло принести хоть какое-то облегчение. Поэтому я промолчала, а он вытащил кипу снимков большого формата и начал раскладывать их передо мной.

На первых фотографиях были главным образом пейзажи: отвесные утесы и ослепительное море, яркие цветы, распластавшиеся по залитым солнцем скалам, крестьянки с их осликами и козами, бредущие между живыми изгородями из цветущих белоснежных яблонь и пурпурного раkitника или склоняющиеся с грудами разноцветной одежды для стирки над каменными купальнями. И море – оно присутствовало почти на всех снимках: обрамленный водорослями край заводи, или гребень бегущей волны, или хлопья пены на мокром песке. И одна совершенно чудесная фотография: узкая бухточка среди скал, посередине которой, улыбаясь и кося на камеру ярким смышленным глазом, качался на волнах дельфин.

– Ой, смотрите, дельфин! – воскликнула я, в первый раз вспомнив свое утреннее приключение.

Годфри Мэннинг с любопытством посмотрел на меня, но не успела я ничего добавить, как Филлида уже отложила снимок в сторону и я увидела прямо перед собой фотографию погибшего юноши.

Он был очень похож на сестру: круглое лицо, широкая улыбка, загорелая кожа и копна густых черных волос, жестких и упругих, как вереск. Я сразу поняла, что имел в виду Годфри, называя паренька прирожденной моделью. Крепкое тело и широкая шея, придающие Миранде тяжеловатый, крестьянский вид, превратились у Спиро в классический образец мужской силы, знакомые, намеренно подчеркнутые скульптурные формы. На фоне моря и скал юный грек казался столь же неотъемлемой частью пейзажа, как колонны храма на мысе Сунион.

Я мучительно гадала, как нарушить затянувшееся молчание, но сестра сделала это легко и непринужденно:

– Знаете, Годфри, я более чем уверена, что позднее, когда боль утраты немного утихнет, Мария будет рада получить какую-нибудь из этих фотографий. Почему бы вам не напечатать для нее несколько штук?

– Думаете, ей захочется... А что, пожалуй, идея. Да, конечно, и заключу фотографию в рамочку. – Мэннинг начал укладывать снимки обратно в папку. – Как-нибудь поможете мне выбрать, какая, по вашему мнению, ей больше понравится?

– О, здесь не может быть никаких вопросов, – отозвалась

Филлида, вытаскивая из груды снимков один. – Эта. Я много лет ничего лучше не видела, и он так похож на себя.

Годфри бросил короткий взгляд на фотографию:

– А, да. Удачный снимок. – Голос его был совершенно бесцветен.

Я ничего не сказала, заворуженно уставившись на снимок.

Там был дельфин, дугой прогнувшийся над бирюзовым морем, черная спина усеяна серебряными каплями. А рядом с ним по пояс в воде, смеясь и протянув руку к дельфину, словно чтобы погладить его, стоял загорелый обнаженный юноша. Его прямое, точно стрела, тело разрезало арку, образованную серебряным дельфином, ровно в точке, известной художникам как золотое сечение. Это было одно из тех чудес фотографии – умение и случай, сошедшиеся вместе, чтобы запечатлеть слияние света, цвета и материи в безупречный миг, пойманный и остановленный навсегда.

– Бесподобно! – выдохнула я. – Иного слова не подберешь! Слово миф, ставший реальностью! Если бы я не видела дельфина собственными глазами, непременно решила бы, что это подделка!

Мэннинг смотрел на фотографию без всякого выражения, но теперь улыбнулся:

– О, какая там подделка. Спиро приручил для меня этого красавца, и дельфин каждый раз приплывал поиграть, когда Спиро шел купаться. Это было крайне общительное и дружелюбное существо, бездна личного обаяния. Так вы сказа-

ли, что видели его?

– Да. Как раз пошла на пляж, а он приплыл поглядеть на меня. Более того, скажу вам, сегодня утром вы чуть было не лишились вашего любимца раз и навсегда.

– Чуть не лишился дельфина? – переспросила Фил. – О чем, ради всего святого, ты говоришь?

– Кто-то стрелял в него, – твердо заявила я. – Я как раз примчалась со всех ног, чтобы рассказать, но тут такие новости – все остальное сразу из головы вон. Только сейчас вспомнила. – Я бросила взгляд на Годфри. – Когда я была в бухте, наверху, в лесу, бродил кто-то с ружьем и стрелял по дельфину. Не окажись там я и не отгони дельфина прочь, этот кто-то, скорее всего, убил бы его.

– Но... но это невероятно! – Новость заставила Мэннинга на время позабыть о смерти Спиро. Он нахмурился и уставился на меня. – Кто-то стрелял из леса? Вы уверены?

– Совершенно уверена. И что еще хуже, винтовка была с глушителем, так что это не просто какой-то спортсмен, охотившийся на зайцев и решивший по ходу дела развлечься стрельбой в дельфина. Это была злонамеренная попытка убить именно его. Я сидела под деревьями и думаю, тот тип меня не видел. Но когда я завопила и бросилась в воду, стрельба прекратилась.

– Но, Люси! – пришла в ужас Филлида. – Тебя ведь могло ранить!

– Это мне как-то не пришло в голову, – призналась я. – Я

так разозлилась, что думала только, как бы его остановить.

– Никогда тебе ничего не приходит в голову! Вот увидишь, как-нибудь тебя и вправду ранят. – Сестра повернулась к Годфри, то ли возмущаясь, то ли смеясь. – Она всегда такая. На свете есть только одна вещь, из-за которой она совершенно слетает с катушек, – животные. Спасает даже тонущих в ванне ос и пауков, да что там – даже червяков, которые после дождя выползают на дорогу. Что самое смешное, они ее понимают. Как-то раз она взяла гадюку голой рукой, а та ее не укусила.

– Наверное, просто замерзла, – отрывисто произнесла я, смутившись под озадаченным взглядом Мэннинга, как будто меня обвиняли в чем-то противоестественном, и добавила в свое оправдание: – Не могу выносить, когда с кем-то плохо обходятся, вот и все. Так что с сегодняшнего дня стану сама приглядывать за ним, раз уж все равно собираюсь купаться каждый день. Этот ваш дельфин получил личную телохранительницу, мистер Мэннинг.

– Рад слышать.

– Все равно не могу поверить, – сказала Фил. – Кто бы мог бродить по этим лесам с ружьем?

На миг мне показалось, будто Годфри хочет что-то ответить, но он снова принялся собирать снимки и, положив в папку последний, резко захлопнул ее.

– Ума не приложу. – И мне: – Полагаю, вы никого не видели?

– А вот и видела.

Я была вознаграждена: это заявление стало сенсацией. Филлида с тихим вскриком поднесла руку туда, где приблизительно должен был находиться Калибан.

– В самом деле? – быстро произнес Годфри Мэннинг. – Где? Полагаю, вы были слишком далеко, чтобы разглядеть, кто это был?

– В самом деле, в лесу под террасой Кастелло, и я его прекрасно разглядела, он – чудовище! – с жаром продолжала я, пытаюсь ответить на все вопросы сразу. – Сказал, будто он сын Джулиана Гейла, и...

– Макс Гейл! – Это Филлида, недоверчиво. – Люси, ты пытаешься уверить меня, будто Макс Гейл бегал по лесу с ружьем, паля во всех встречных и поперечных? Не будь дуручкой!

– Ну, он говорит, что это не он, – признала я, – и успел избавиться от винтовки, так что я ничего не могла доказать, но я ему не верю. У него такой вид, будто он способен на что угодно, а со мной он вел себя возмутительно грубо, причем без всякой причины.

– Вы вторглись в частные владения, – сухо вато заметил Годфри.

– Даже если и так, все равно это не может быть он! – уверенно заявила моя сестра.

– Пожалуй, да, – кивнул Годфри.

Филлида пристально поглядела на него:

– Что такое?

– Да нет, ничего.

Но о чем бы он ни умолчал, она, очевидно, поняла его и без слов. Глаза ее расширились.

– Но с какой стати?.. – Она осеклась и, как мне показалось, резко побледнела. – О боже, думаю, это и вправду вполне вероятно! Но, Годфри, это же ужасно! Если он доберется до ружья!..

– Именно. И если уже добрался, Гейл, само собой, его покрывает.

– Хорошо, но нам-то что делать? Я имею в виду, если существует реальная опасность...

– Отныне ни малейшей, – спокойно заверил ее Мэннинг. – Послушайте, Фил, все будет хорошо. Если Макс Гейл прежде и не знал, то теперь знает, и ему хватит здравого смысла хранить подобные вещи подальше от старого джентльмена.

– Как? – вскричала Филлида. – Нет, вы ответьте мне – как? Вы когда-нибудь были в этом жутком музее?

– Нет. А что такое? Там есть оружейная комната или что-то в этом роде?

– Оружейная комната! – выразительно повторила Филлида. – Господи, дай мне сил! Оружейная! Да стены Кастелло просто увешаны этими штуками! Ружья, кинжалы, копья, дротики, да что угодно. Клянусь, там есть все, от карабинов до кастетов. Даже пушка перед парадной дверью! Боже праведный, дедушка Лео коллекционировал эту гадость! Да там

хоть дюжина кинжалов пропади – никто и не заметит!

– Ну не прелесть ли? – заметил Годфри.

– Послушайте, – настойчиво вмешалась я, – еще минута, и я закричу. Что означает вся эта таинственность? Неужели вы оба говорите о Джулиане Гейле? Потому что если это так, то я в жизни не слышала подобной глупости. Да чего ради ему в ярости слоняться кругом с винтовкой наперевес? Он мог бы, конечно, пристрелить пару театральных критиков – знаю я одного такого, что напрашивается на это вот уже сколько лет, – но не дельфина! Это невозможно.

– Вы с ним знакомы? – Голос Годфри Мэннинга звучал резко и удивленно.

– Никогда не встречалась с ним, он звезда, не чета мне. Но я знаю кучу людей, которые с ним работали, и все они обожают его. Говорю же вам, это не в его стиле. А если спросите, откуда мне это известно, позвольте сообщить вам, что я видела каждую пьесу, в которой он играл за последние десять лет, а если есть род деятельности, при которой человек просто не может скрыть, каков он внутри, что бы он ни говорил и ни делал, то это актер. Согласна, звучит парадоксально, но это чистая правда. И чтобы Джулиан Гейл мог убить живое существо, вышедшее прямоком из греческих мифов, – нет, это совершенно невозможно. Если только он не пьян или не сошел с ума...

Я умолкла. От взгляда, которым обменялись Годфри и Фил, зашкалило бы любой счетчик Гейгера. Наступила такая

тишина, что ее можно было ощутить чисто физически.

– Итак? – вопросительно произнесла я.

Годфри неловко откашлялся. Казалось, он не знал, с чего начать.

– Ох, бога ради, раз уж она собирается провести здесь несколько недель, лучше ей знать, – сказала моя сестра. – Почти наверняка она рано или поздно с ним встретится. Знаю, он ездит только к Каритису и в город, поиграть в шахматы с каким-то приятелем, а в остальное время его никогда не оставляют одного, но я сама однажды столкнулась с ним у Каритиса, а Люси может в один прекрасный день встретить его где-нибудь в окрестностях.

– Да, пожалуй.

Филлида повернулась ко мне:

– Сегодня утром ты сказала, что теряешься в догадках, отчего он вдруг исчез после того, как покинул сцену. Тебе известно про автомобильную катастрофу три или четыре года назад, когда погибли его жена и дочь?

– О боже, да. Это произошло ровно за неделю до премьеры «Тигр, тигр». Я видела спектакль примерно через месяц. По счастью для него, это была пьеса с трагическим надрывом, но он потерял пару стоунов веса. Я знаю, что после того, как сэр Джулиан перестал играть в этой пьесе, он долго болел, и поговаривали даже, что он собирается уйти со сцены, но, разумеется, никто в это по-настоящему не верил, а в начале сезона в Стратфорде он выглядел совершенно нор-

мально. Но тут внезапно объявили, что «Буря» – это его последний выход. Так что же произошло? Он снова заболел?

– В некотором роде. Кончилось тем, что он оказался в лечебнице с нервным расстройством и пробыл там целый год.

Я в полном трансе посмотрела на нее:

– А я и не знала.

– Никто не знал, – отозвалась сестра. – Подобные вещи не предают огласке, особенно касательно такой известной персоны, как Джулиан Гейл. Я и сама-то узнала только потому, что Макс Гейл как-то обмолвился Лео, когда они снимали дом, а потом одна подруга досказала мне остальное. Предполагается, что ему уже лучше, и он даже иногда выходит навестить друзей, но с ним всегда кто-нибудь есть.

– Ты хочешь сказать, что он нуждается в присмотре? – безжизненно переспросила я. – Пытаешься объяснить мне, что Джулиан Гейл... – Тут я запнулась. И почему подобные слова так ужасны? Если они и не вызывают в сознании гротескный образ Бедлама, то все равно еще хуже, смягченные синонимы для самого трагичного из всех недугов. – Неуравновешен? – закончила я.

– Не знаю! – Вид у Филлиды был смятенный. – Господи, как не хочется раздувать из этого историю, и, наверное, сам факт, что его выписали – если это подходящее слово – из клиники, должен свидетельствовать, что с ним все в порядке, не так ли?

– Но с ним наверняка все в порядке! Во всяком случае, ты

же сама говорила, что встречалась с ним. Как он выглядел?

– Совершенно нормально. Собственно говоря, я влюбилась в него с первого взгляда. Он очень обаятелен. – Она встревоженно покосилась на Годфри. – Но наверное, такие вещи лечатся? Мне и в голову не приходило... даже мысли не было... но если бы я подумала... ведь дети приезжают сюда на каникулы, и...

– Послушайте, – перебил ее Годфри, – вы принимаете все слишком близко к сердцу. Одного упоминания о ружье хватило, чтобы раздуть целую историю и совершенно утратить чувство меры. Он ведь не маньяк какой-то, а не то его здесь вовсе не было бы.

– Да, наверное, вы правы. Как глупо с моей стороны так потерять голову! – Филлида вздохнула и опустилась в кресло. – В любом случае Люси, вероятно, все это просто приснилось! Если она даже этого самого ружья не видела, не слышала его, не... Ой, ладно, давайте забудем, хорошо?

Я не стала настаивать. Это больше не имело никакого значения. Слишком уж свежо и пугающе было то, что я узнала несколько минут назад.

– Жалко, я не была чуть любезнее с мистером Гейлом, – убитым голосом произнесла я. – Должно быть, он пережил тяжелое время. Это для всех настоящая трагедия, но уж для родного сына...

– Солнышко, к чему такой несчастный вид, не надо! – Едва беспокойство Фил рассеялось, она тут же вернулась к сво-

ей роли утешительницы. — Скорее всего, мы все ошибаемся и тут вообще нет ничего особенного, кроме того, что старому джентльмену для окончательного выздоровления требуется немного тишины и спокойствия, а Макс заботится, чтобы ему не мешали. Уж если на то пошло, не удивлюсь, что именно Макс настаивает на карантине из своих личных интересов. Он пишет партитуру для какого-то фильма или чего-то в этом роде и совершенно не выходит из дома. Вот отсюда и все эти надписи «В нарушителей будут стрелять без предупреждения», и юный Адонис в роли телохранителя.

— Юный кто?

— Адонис. Садовник.

— Силы небесные! Ну как может человек жить с таким именем, пусть даже в Греции?

Сестра засмеялась:

— О, он-то еще как может, поверь мне!

И она повернулась к Годфри, говоря что-то про Адониса, который, по всей видимости, был близким другом Спиро. Я снова уловила имя Миранды, и что-то насчет приданого, и что теперь, после смерти брата, возникнут проблемы. Но на самом деле я не вслушивалась, все еще переживая из-за только что услышанной новости. Нелегко перенести крушение кумира. Все равно что проделать долгое и утомительное путешествие, чтобы увидеть «Давида» Микеланджело и не найти ничего, кроме разбитого пьедестала.

В памяти моей воскрес, да так живо, точно это было лишь

вчера, этот «последний выход» в «Буре» – тихие, сдержанные строки отказа Просперо от темных сил:

От грозных этих чар⁶ я отрекаюсь.
Еще лишь звуки музыки небесной
Я вызову: чтоб им вернуть рассудок,
Нужны ее возвышенные чары.
А там – сломаю жезл мой, схороню
Его глубоко под землей, и в море
Я глубже, чем измерить можно лотом,
Магическую книгу утоплю.

Я зашевелилась в кресле, усилием воли отбрасывая в сторону овладевшее мной смятение и снова возвращаясь в *salotto*, где Годфри Мэннинг тем временем начал прощаться.

– Пожалуй, мне пора. Все собирался спросить, Фил, когда приезжает Лео?

– Может быть, сумеет выбраться на следующие выходные, но не уверена. Однако на Пасху-то уж наверняка, с детьми. Вам правда надо идти? Хотите, оставайтесь на ланч. Мария, слава богу, приготовила овощи – ненавижу сырой картофель! – а все остальное холодное. Так не останетесь?

– Хотелось бы, но надо возвращаться к телефону. Могут быть какие-то новости.

– Ах да, конечно. Вы ведь позвоните мне сразу же, если что-то узнаете?

⁶ В переводе Т. Л. Щепкиной-Куперник: «От мощных этих чар...»

– Разумеется. – Он взял папку. – Сообщите мне, когда сочтете нужным, что Мария готова повидаться со мной.

Он попрощался с нами и ушел. Мы молча сидели, пока шум мотора его машины не затих за деревьями.

– Ладно, – наконец заговорила сестра, – сдается мне, нам стоит поискать, чем перекусить. Бедный Годфри, как сильно переживает. Надо сказать, даже немножко странно, никогда не думала, что это его так подкосит. Должно быть, он был привязан к Спиро больше, чем показывал.

– Фил, – резко сказала я.

– Мм?

– Это правда или просто очередные твои сплетни насчет того, что сэр Джулиан, возможно, отец Миранды?

Она искоса поглядела на меня:

– Ну... Черт побери, Люси, нельзя же все воспринимать так буквально! Бог его знает, но тут точно что-то кроется, только я не знаю, что именно. Он окрестил девочку Мирандой, а можешь ли ты представить себе корфиота, придумавшего такое имя? А потом муж Марии их бросил. Более того, готова поклясться, что сэр Джулиан поддерживал семью материально. Мария никогда не говорила об этом, но Миранда пару раз случайно обмолвилась, и я уверена, он им помогает. Но почему? Ответь-ка. Не оттого же, что был знаком с мужем Марии во время войны!

– Но тогда раз уж Миранда и Спиро близнецы, значит он отец и Спиро тоже?

— Законы жизни таковы, что так оно и есть, ты права. Ой! — Она вдруг застыла в кресле и обратила на меня взгляд огромных встревоженных глаз. — Ты хочешь сказать... хочешь сказать, кто-то должен пойти и сообщить ему эти новости? — Вид у нее сразу сделался крайне нерешительный и смущенный. — Но, Люси, это ведь только слухи, нельзя же действовать так, словно это всем известно. Подумай, как будет выглядеть, если кто-то отправится туда и...

— Я вовсе ничего такого не предлагала, — перебила я. — В любом случае это не наша задача, Мария сама все ему расскажет. Скоро он все услышит. Забудь. Так где тот ланч, о котором ты говорила? Умираю с голоду.

Направляясь вслед за ней на кухню, я думала, что Джулиан Гейл почти наверняка уже и сам все знает. Со своего кресла, развернутого к окну salotto, я видела, как мать и дочь вместе уходили с виллы Форли. Но не по дороге, ведущей к их домику. Они свернули на ту тропку, которую показала мне утром Миранда, — тропку, что вела только в пустую бухту или в Кастелло деи Фьори.

Глава 4

...Он погиб;

И море насмехается над тем,

Что на земле его мы тщетно ищем.

У. Шекспир. Буря. Акт III, сцена 3

Шли дни – мирные, безмятежные дни. Я сдержала слово и каждый день ходила в бухту. Дельфин иногда приплывал, хотя никогда не приближался ко мне настолько близко, чтобы я могла погладить его. Я понимала, что ради его же блага должна постараться запугать и прогнать его, но общество этого милого и дружелюбного существа доставляло мне столько радости, что я не могла заставить себя сделать то, что показалось бы ему настоящим предательством.

Находясь в бухте, я бдительно следила за террасой Каstellо, но никакой стрельбы больше не было, равно как я не слышала и никаких слухов, чтобы в имении браконьерствовал кто-то из местных. Но я все равно каждый день купалась и наблюдала и никогда не уходила с пляжа, не убедившись, что дельфин уже окончательно скрылся под водой и направился в открытое море.

О Спиро не поступало никаких вестей. Наутро после гибели юноши Мария с дочерью вернулись на виллу Форли и стойчески принялись за работу. Миранда утратила собственную ей милую округлость и неунывающую жизнера-

достность, она выглядела так, словно много плакала, а голос и движения стали какими-то заторможенными. Марию я видела мало — она была в основном на кухне, молча выполняя свои обязанности и повязав голову черным платком.

Погода стояла великолепная, даже в тени было жарко. Филлида впала в полнейшую апатию. Правда, она пару раз выбиралась со мной к окрестным достопримечательностям и в город Корфу, а как-то вечером Годфри Мэннинг свозил нас обеих пообедать в отель «Корфу Палас», но по большей части я просто купалась и сидела на террасе с Филлидой или, взяв небольшой автомобиль, пускалась после ланча исследовать местность — и так, тихо и незаметно, пролетела целая неделя.

Лео, мужу Филлиды, не удалось вырваться на выходные, и Вербное воскресенье прошло без него. Филлида посоветовала мне с самого утра отправиться в город, чтобы полюбоваться крестным ходом — одним из четырех главных религиозных праздников в году, когда святого покровителя этого острова, Спиридиона, выносят из церкви, где он круглый год покоится в тусклой, закопченной от свеч раке, и проносят в золотом паланкине по всему городу. Крестный ход несет не изображение святого, а его мумифицированное тело, и почему-то благодаря этому святой Спиридион становится для корфиотов очень родным и домашним покровителем. Они свято верят, что он лично, причем с неизменной благожелательностью, приглядывает за Корфу в целом и за каждым его

жителем в отдельности и что у святого нет иных забот, кроме как вникать во все их дела, пусть даже самые мелкие и будничные. В этом-то, вероятно, и кроется объяснение, отчего в день крестного хода почти все население острова собирается на улицах, чтобы приветствовать своего любимого святого.

– Более того, – сказала мне сестра, – это и в самом деле премилая процессия, а не просто парад медных побрякушек. И у святого Спиридиона такой красивый паланкин – сквозь стекло совершенно ясно видишь его лицо. Можно подумать, довольно противное зрелище, но ничего подобного, он весь такой крошечный и такой... такой, ну как бы уютный, свой святой! – Она засмеялась. – Когда проживешь на Корфу подольше, невольно проникаешься чувством, будто знаком с ним лично. Он, знаешь ли, печется обо всем острове: приглядывает за рыбалкой, поднимает ветер, следит за погодой для урожая, возвращает сыновей с моря домой... – Она умолкла и вздохнула. – Бедняжка Мария. Интересно, пойдет ли она туда сегодня? Обычно она никогда не пропускала этого события.

– А как насчет тебя? – спросила я. – Ты уверена, что не хочешь поехать со мной?

Филлида покачала головой:

– Нет, я останусь дома. Там приходится довольно долго стоять на ногах, пока шествие не пройдет мимо, и всегда страшная давка. А мы с Калибаном занимаем слишком много места. Вернешься к ланчу? Ну ладно, развлекайся.

Городок Корфу был забит праздничной толпой, воздух звенел от колоколов. Зажатая в людской реке, текущей по узким улочкам, я счастливо брела по течению под колокольный звон, сливавшийся с приглушенным гулом голосов и периодическими пронзительными всхлипываниями и медным лязгом за одним из окон верхнего этажа, – это в последний раз репетировал какой-нибудь деревенский оркестрик. Множество открытых лавчонок торговало всевозможной снедью, сластями и игрушками, окна ломились от приготовленных к Пасхе алых яиц, петушков на палочке, кукол, корзинок с засахаренными апельсинами и огромных кроликов, набитых пасхальными яйцами. Кто-то попытался всучить мне губку размером с футбольный мяч, а кто-то еще – убедить, что мне просто необходимы связка лука и красный плюшевый ослик, но я каким-то чудом умудрилась отвертеться и, оставшись со свободными руками, вскоре пробилась на Эспланаду, главную площадь Корфу. Вся мостовая была уже забита битком, но когда я попыталась встать сзади, крестьяне, которые, верно, пришли в город с раннего утра и много часов ждали, чтобы оказаться в первых рядах, расступились, яростно жестикулируя, и чуть ли не силой вытолкнули меня вперед на почетное место.

Вскоре где-то забил большой колокол и раздались отдаленные звуки оркестров. Огромная толпа разом притихла, все глаза обратились к узкому проему улицы Никефорос, где заблестели, медленно выдвигаясь на залитую солнцем пло-

щадь, первые знамена. Крестный ход начался.

Я сама не уверена, чего именно ожидала, – наверное, просто яркого зрелища, диковинного и интересного именно своей «иностранностью», чего-то такого, что фотографируешь и тут же забываешь, пока не достанешь снимки, чтобы проглядеть их как-нибудь вечером у себя дома. Но вопреки ожиданиям все действие показалось мне ужасно трогательным.

Оркестры – их насчитывалось целых четыре, и все в мундирах, один пышней другого, – играли торжественно и, честно говоря, из рук вон плохо, каждый на свой мотив. Огромные деревенские знамена с благочестивыми изображениями были варварски раскрашены и безмерно тяжелы, так что несущие их мужчины обливались потом и шатались от тяжести, а лица помогавших им мальчиков искажались яростными гримасами от натуги и сознания собственной важности. Наряды школьников отличались пестрым разнообразием, что не очень-то соответствовало общепринятым канонам, но в общей массе все дети были так потрясающе красивы, что зрители практически не замечали поношенных курточек мальчиков и дешевых туфель девочек, а вокруг юных служек в ветхих облачениях, шагавших в заметном беспорядке и абсолютно не в ногу, все равно витал явственно осязаемый романтический ореол двух юных фермопилыцев.

Нельзя было ни на миг усомниться в том, что все это устроено в честь святого. Сгрудившись на самом солнцепеке, люди молча ждали, не двигаясь, не толкаясь. На площа-

ди даже не наблюдалось никакой полиции, которая бы так и кишела в Афинах: это ведь был их собственный Спиридион, покровитель острова, вышедший на солнечный свет, чтобы благословить своих детей.

И он пришел. Архиепископ, седобородый девяностодвух-летний старец, шествовал впереди, за ним следовали прелаты, чьи белоснежные, шафрановые и розовые ризы сияли на солнце великолепием, пока, когда они подходили ближе, вы не замечали потертые и выцветшие пятна и заплаты. Затем двигался лес высоких белых свечей, каждая в украшенном цветами позолоченном венце, и за каждой развевались длинные ленты – белые, сиреневые и алые. И наконец, в обрамлении четырех огромных позолоченных светильников, под пышным балдахином приближался золотой паланкин, внутри которого, так, чтобы все могли его видеть, сидел сам святой: крохотная, усохшая фигурка, голова склонена на левое плечо, плоские и бесформенные мертвые черты сливаются за отсвечивающим стеклом в одно темное пятно.

Вокруг меня одержимо крестились женщины, губы их безмолвно шевелились. Святой и его кортеж остановились для молитвы, музыка оборвалась. Из Старой крепости выстрелила, салютуя, пушка, а когда эхо выстрела затихло, в небо взлетело множество голубей и тишина наполнилась шелестом крыльев.

Я стояла, разглядывая блестящие на солнце разноцветные ленты, гирлянды уже начавших вянуть цветов, криво сви-

сающих с увенчанных ими свечей, сморщенную, поднятую вверх руку архиепископа и восхищенные и сияющие под белоснежными чепцами лица крестьянок вокруг меня. К глубочайшему моему изумлению, я вдруг почувствовала, как сжимается горло, словно от подступающих слез.

Внезапно какая-то женщина в толпе всхлипнула в порыве несдерживаемого горя. Звук этот прозвучал в тишине так резко, что я невольно обернулась – и увидела Миранду. Она стояла в нескольких ярдах от меня, среди толпы, с напряженным страстным вниманием уставившись на золотой паланкин, губы ее шевелились, и она без устали крестилась. Лицо ее выражало страсть и горе, точно она упрекала святого за его небрежение. В этой мысли не было ничего непочтительного – греческая религия основана на подобной простоте. Полагаю, что церковники былых дней отлично знали, какую эмоциональную разрядку получаешь, когда есть возможность обвинить в своей беде какого-то непосредственно виновника.

Шествие прошло мимо, толпа начала редеть. Я увидела, как Миранда, словно стыдясь своих слез, отвернулась и поспешно пошла прочь. Толпа стала просачиваться назад сквозь узкие главные улицы городка, и людское течение понесло меня по улице Никефорос к открытому пространству близ гавани, где я оставила свою машину.

На полпути туда улица вышла на небольшую площадь, и я снова случайно заметила Миранду. Она стояла под платаном

спиной ко мне, закрыв руками лицо, — должно быть, плакала.

Я в нерешительности замедлила шаг, но какой-то человек, уже некоторое время слонявшийся вокруг девушки и не сводивший с нее глаз, вдруг подошел и окликнул ее. Она не шелохнулась и никак не выказала, что слышит его, — все так же стояла спиной ко мне, склонив голову. Лица окликнувшего ее человека я не видела, но это был молодой парень с крепкой и красивой фигурой, которую не могла скрыть даже дешевая голубая ткань его лучшего воскресного костюма.

Стоя почти вплотную к девушке у нее за спиной, он говорил тихо и, похоже, настойчиво уговаривал ее — судя по жестикуляции, убеждал пойти с ним прочь от толпы по одной из боковых улочек. Но девушка покачала головой и торопливым движением прикрыла платком лицо. Все ее поведение отражало застенчивое, даже робкое уныние.

Я быстро подошла к ним:

— Миранда? Я мисс Люси. У меня здесь машина, и я собираюсь вернуться. Хочешь, отвезу тебя домой?

Девушка повернулась. Глаза под платком опухли от слез. Она молча кивнула.

Я не смотрела на ее молодого человека, предполагая, что теперь-то он бросит свои приставания и исчезнет в толпе. Но он тоже обернулся ко мне.

— О, спасибо! Как мило с вашей стороны! — В голосе его звучало нескрываемое облегчение. — Конечно, ей вообще не следовало сюда приходить, а теперь автобуса не будет еще

целый час! Ну разумеется, ей надо поехать домой!

Я поймала себя на том, что во все глаза уставилась на него – не из-за того, с какой легкостью он взял на себя ответственность за девушку, и даже не из-за его почти безупречного английского, а просто из-за его внешности.

В стране, где подавляющая часть молодых людей красивы, он все равно бросался в глаза. Классические византийские черты лица, чистая кожа и огромные, обрамленные густыми длинными ресницами глаза, какие глядят на нас со стен каждой греческой церкви, – типаж, который обессмертил сам Эль Греко и который по сей день еще можно встретить на улицах. Но стоявший предо мной юноша не позаимствовал у моделей старых мастеров ничего, кроме сияющих глаз и завораживающе совершенных черт; в нем не было и намека на печальную задумчивость и слабость, которые (по вполне понятным причинам) обычно сопутствуют облику святых, что проводят свой век, взирая сверху вниз с росписи на церковных стенах: маленький рот, бессильно поникшее чело, укоризненно-удивленное выражение, с которым византийский святой созерцает греховный мир. У приятеля же Миранды вид, напротив, был такой, словно он уже давно знаком с этим греховным миром, но в высшей степени им доволен и успел насладиться немалым количеством плодов, кои сей мир мог ему предложить. Нет, отнюдь не святой с иконы. И как заключила я, наверняка не старше девятнадцати.

Прекрасные глаза обегали меня с неприкрытым грече-

ским одобрением.

– Вы, должно быть, мисс Уоринг?

– Ну да, – удивленно признала я и тут вдруг догадалась, с кем, надо думать, имею дело. – А ты... Адонис?

Хоть убейте, но мне не удалось выговорить это имя без того смущения, какое испытываешь, когда приходится называть своих соотечественников Венерой или Купидоном. И то, что в Греции каждый день можно столкнуться с Периклами, Аспазиями, Электрами или даже Алкивиадами, ничему не помогало. Уж слишком он был хорош собой.

Он усмехнулся. Зубы у него были белые-пребелые, а ресницы не меньше дюйма длиной.

– Что, немножко чересчур? В Греции мы произносим «Адони». – Сам он произнес это как «А-тони». – Возможно, так вам будет легче говорить? Не так высокопарно?

– Не слишком ли много ты знаешь! – сказала я невольно, но совершенно естественно, а он в ответ засмеялся, но потом вдруг посерьезнел.

– Так где ваша машина, мисс Уоринг?

– Внизу, у гавани. – Я с сомнением перевела взгляд с толчеи на улице на поникшую головку девушки. – Недалеко, но тут такое столпотворение.

– Можно обойти дворами.

Он показал на узкий проход в углу площади, где щербатая лестница уводила вверх, в тень между двумя высокими доками.

Я снова поглядела на притихшую девушку, покорно ожидавшую возле нас.

– Она пойдет, – заверил Адони, что-то коротко бросил Миранде по-гречески, повернулся ко мне, кивнул и повел меня через площадь, а потом вверх по лестнице.

Миранда пошла следом, держась от нас примерно за шаг.

– С ее стороны было большой ошибкой прийти сюда, – вполголоса сказал он мне на ухо, – но уж больно она религиозна. Следовало бы ей подождать. Еще и недели не прошло, как он умер.

– А ты хорошо его знал?

– Он был моим другом.

Лицо юноши стало замкнутым, словно этим все сказано. Полагаю, так оно и было.

– Мне очень жаль, – сказала я.

Некоторое время мы шли молча. В переулках не было ни души, если не считать тощих кошек и певчих птиц в клетках на стенах. Тут и там, где, пробиваясь в брешь среди домов, поперек каменной мостовой протягивался поток ослепительного света, жарились на солнышке среди цветущих ноготков пыльные котята или выглядывала в темный дверной проем какая-нибудь дряхлая-предряхлая старуха. В жарком воздухе стоял густой аромат стряпни. Эхо наших шагов гулко отражалось от стен, а с главных улиц доносился смех и шум голосов, приглушенный и невнятный, точно рев реки в далеком ущелье. Вскоре переулок вывел нас на более

широкую улицу, окончившуюся длинным пролетом плоских ступеней, спускавшихся вниз мимо небольшой церквушки прямо к портовой площади, где я оставила принадлежавший Фил маленький «фиат».

Здесь тоже былолюдно, но толпа состояла из разрозненных группок островитян, деловито снующих в поисках попутной машины или обеда. На нас никто не обращал внимания.

Адони, который, по всей видимости, прекрасно знал мою машину, решительно протолкнулся сквозь скопление народа и протянул ко мне руку за ключами.

Почти так же покорно, как Миранда (за все время она не произнесла ни единого слова), я протянула ключи, он открыл машину и усадил девушку на заднее сиденье. Миранда, по-прежнему не поднимая головы, забилась в угол. Я же, отчасти даже забавляясь в душе, гадала, не собирается ли этот самоуверенный молодой человек лично отвезти нас обеих домой – и что подумает по этому поводу Фил, – но он даже попытки такой не сделал. Захлопнул за мной дверцу водителя, а сам устроился рядом.

– Вы уже привыкли к нашему движению?

– О да.

Если он хотел спросить, привыкла ли я ездить по правой стороне, то да, привыкла. Что же до движения, то в Греции нет ничего, заслуживающего это название; если за одну послеобеденную поездку мне встречался один грузовик и с

полдюжины осликов, то на большее рассчитывать не приходилось. Но сегодня окрестности гавани были забиты машинами, и, возможно, именно по этой причине Адони молчал всю дорогу, пока мы выруливали в толпе и выезжали на северную дорогу. Наконец, после того как мы миновали подъем и крутой поворот, впереди показалась пустая дорога, уходящая вдаль между двумя высокими изгородами багряника и асфоделей. Местами она была вся изрыта промоинами, оставшимися после зимних дождей, так что мне приходилось вести автомобиль очень медленно, на третьей скорости, но все равно мотор так и тарахтел. Под прикрытием этого шума я тихонько спросила Адони:

– Миранда и ее мать смогут себя прокормить теперь, после смерти Спиро?

– О них найдется кому позаботиться.

Это было сказано совершенно буднично и с полнейшей уверенностью.

Я была удивлена, но и заинтригована. Если бы Годфри Мэннинг сделал какое-либо предложение подобного рода, то наверняка рассказал бы о нем Филлиде; да и кроме того, как бы щедро он ни захотел заплатить Марии сейчас, вряд ли он посчитал бы необходимым содержать ее всю оставшуюся жизнь. Но если, как и предполагала Филлида, содержал семью не кто иной, как Джулиан Гейл, то это могло означать, что ее слова о настоящем отце близнецов правдивы. И я была бы напрочь лишена всего человеческого, если бы мне до

смерти не захотелось узнать, так ли это.

— Рада слышать, — осторожно начала подкрадываться я к интересующей меня теме. — Не знала, что у них есть еще какие-то родственники.

— Ну, — ответил Адони, — в общем-то, можно сказать, есть еще сэр Гейл, но я говорю не о нем или Максе. Я имел в виду, что сам за ними присмотрю.

— Ты?

Он кивнул, и я уловила взгляд, брошенный им через плечо на Миранду. Мне было видно ее в зеркало заднего вида: девушка не обращала на нашу тихую беседу по-английски никакого внимания, а кроме того, разговор все равно велся слишком быстро, так что она не успела бы уследить. Миранда тусклым взором уставилась в окно, по всей видимости мысленно находясь за много миль отсюда. Нагнувшись вперед, Адони положил палец на кнопку радио — устройства, без которого, по-моему, не выезжает на дорогу ни одна греческая или итальянская машина.

— Вы позволите?

— Разумеется.

В машине тотчас же томно заголосил какой-то популярный певец.

— Я женюсь на ней, — тихо проговорил Адони. — Приданого нет, но это неважно. Спиро был моим другом, и у каждого есть свой долг. Он откладывал для нее деньги, но теперь, когда он умер, они должны остаться у его матери. Я их не

возьму.

Я знала, что издавна в Греции по брачному соглашению за девушкой давали приданое и землю, а от юноши не требовалось ничего, кроме мужества и энергии, и это считалось хорошей сделкой, однако семьи с выводком дочерей разорялись в два счета, и Миранда, учитывая ее обстоятельства, едва ли могла надеяться на замужество. И вот сидевший рядом со мной неотразимый молодой человек преспокойно предлагал ей союз, на который охотно согласилось бы любое семейство, притом что основной капитал вносил тоже он, а уж мужественность и энергия тут были вне всяких сомнений. Кроме того, он имел хорошую работу в стране, где найти место нелегко, и – если только я разбиралась в людях – ему не грозило ее потерять. Красавец Адони мог бы заключить самый выгодный брак и, разумеется, прекрасно это сознавал – ведь не дурак же он, – но, похоже, ощущал долг перед погибшим другом и намеревался выполнить его целиком и полностью, причем к общему удовольствию, и не в последнюю очередь к удовольствию Миранды. Вдобавок еще (прозаически подумала я) Лео, вероятно, сделает им неплохой свадебный подарок.

– Ну конечно, – добавил Адони, – может, сэра Гейл и даст за ней приданое, не знаю. Но это ничего не меняет, я ее все равно возьму. Ей я пока не говорил, но попозже, когда будет более подходящее время, скажу сэру Гейлу, и он все устроит.

– Я... ну да, само собой. Надеюсь, вы оба будете очень

счастливы.

– Спасибо.

– Сэр Джулиан... – начала я, – он, значит, считает себя ответственным за них, да?

– Он крестил близнецов. – Адони покосился на меня. – По-моему, у вас в Англии это тоже есть, правда, но не совсем так же? Здесь, в Греции, крестный отец, *goumbaros*, играет в жизни ребенка очень большую роль, часто такую же, как и сам отец, и именно он заключает брачный контракт.

– Понимаю. – До чего же все оказалось просто! – Я слышала, что сэр Джулиан знаком с их семьей уже много лет и крестил близнецов, но не знала, что он... ну, наделен ответственностью. Должно быть, несчастный случай и для него был страшным ударом. – И я неловко добавила: – Как он?

– Ничего. Вы с ним уже встречались, мисс Уоринг?

– Нет. Я так поняла, он не хочет ни с кем общаться.

– Да, он не слишком-то много выходит, однако с прошлого лета начал сам принимать гостей. Но с Максом-то вы уже встречались, верно?

– Да.

В голосе Адони не слышалось и намека на то, что ему известно о той встрече, но поскольку он называл младшего Гейла Максом, без «мистера», то нетрудно было предположить, что они находятся в достаточно неформальных отношениях, чтобы Макс рассказал ему о произошедшем. Как бы то ни было, предо мной был тот самый сторожевой пес, сбра-

сывавший визитеров с утеса. Без сомнения, он знал о нашей встрече решительно все и, возможно, даже получил соответствующие распоряжения на случай дальнейших вторжений мисс Люси Уоринг...

– Насколько понимаю, – тупо повторила я, – он тоже ни с кем не видится.

– Ну, как сказать, – жизнерадостно произнес Адони. Вытащив откуда-то из-под приборной доски тряпку, он принялся протирать стекло изнутри. – Да, не слишком много от этого толку, насекомые-то налипают снаружи. Мы уже близко, а не то, если хотите, остановимся, и я для вас вымою его как следует.

– Спасибо, не стоит беспокоиться.

Вот и все, чего я добилась. Миранда тем временем, похоже, начала возвращаться к жизни и зашевелилась. Заднее сиденье заскрипело. В зеркало мне было видно, что девушка откинула платок и смотрит в затылок Адони. Что-то в выражении ее лица, пусть еще и опухшего от слез, указывало на то, что я не ошиблась насчет вероятного успеха сватовства.

Я снова заговорила небрежным, бодрым тоном человека, переводящего разговор на нейтральную тему:

– А ты когда-нибудь охотишься, Адони?

Он засмеялся, ничуть не обманутый моей уловкой.

– Все еще разыскиваете вашего злоумышленника? Думаю, вы ошиблись: ни один грек не стал бы стрелять в дельфина. Я и сам моряк, все корфиоты моряки, а дельфин – вестник

хорошей погоды. Даже выражение такое есть – «дельфинья погода», летний период, когда дельфины провожают шхуны. Нет, я стреляю только в людей.

– В людей?

– Шутка, – объяснил Адони. – Ну вот и приехали. Большое спасибо, что подбросили нас. Сейчас я отведу Миранду к матери, а потом обещал вернуться в Каstellло. Макс хочет во второй половине дня куда-то уйти. Вероятно, я скоро увижу вас там?

– Спасибо, но я... нет, сомневаюсь.

– Жалко. Пока вы тут, вам стоило бы посмотреть на апельсиновый сад – это нечто особенное. Вы слышали о карликовых деревьях? Они чудесны. – Быстрая очаровательная улыбка. – Был бы рад показать их вам.

– Может, как-нибудь.

– Надеюсь. Идем, Миранда.

Выжимая сцепление, я видела, как он вводит девушку в дверь дома ее матери с таким видом, будто уже стал тут хозяином. Подавив острую – и, надо думать, примитивную – зависть к женщине, которая могла вот так запросто отдать свои проблемы в чужие руки, чтобы их за нее хочешь не хочешь решили, я опустила свою независимую и эмансипированную ногу на педаль, и маленький «фиат», подпрыгивая на ухабах, помчался к повороту на виллу Форли.

По крайней мере, раз Макса Гейла не будет дома, я смогу беспрепятственно наслаждаться послеобеденным купанием.

Я пошла в бухту после чая, когда зной начал спадать, а утес отбрасывал на песок кривую узкую тень.

Наплававшись, я оделась, взяла полотенце и медленно начала подниматься по тропе обратно к вилле.

Добравшись до прогалинки с заводью, я остановилась перевести дух. Журчание ручья навевало прохладу, сквозь молодую дубовую листву пробивались пятнышки золотого света. Где-то пела птица, но только одна. Леса молчали, простираясь прочь, окутанные неясной дымкой раннего жаркого вечера. Над поросшим ромашками берегом роились пчелы. Через прогалинку пролетела синица, она явно очень спешила: клюв был набит насекомыми для прожорливой семьи.

Через секунду тишину пререзал душераздирающий птичий крик, а потом быстрое, пулеметное стрекотание потревоженной лазоревки. К гаму присоединился гомон каких-то других мелких птичек. Мирный покой леса нарушили вопли ужаса. Швырнув полотенце на траву, я помчалась на шум.

Меня встретили две лазоревки – явно супружеская чета, – в панике метавшиеся туда-сюда с пронзительными криками и чуть не задевшие меня крыльями, когда я примчалась по петляющей тропке на открытую полянку с редкой травой и ирисами, где разыгрывалась трагедия.

Обнаружить причину переполоха оказалось легче легкого. Первым, кого я увидела, выскакивая из кустов, был величественный белый персидский кот, картинно подобранный-

ся перед прыжком. Хвост его хищно дергался взад-вперед по редкой траве. В двух ярдах от его носа, отчаянно вереща и не в состоянии сдвинуться хоть на дюйм, бился птенец лазоревки. Родители с безумными криками то и дело, хоть и совершенно безуспешно, пикировали на кота, не обращавшего на них ни малейшего внимания.

Я поступила единственным возможным образом – одним летящим нырком кинулась на кота, бережно схватила поперек туловища и крепко прижала к себе. Обе взрослые лазоревки промчались мимо, чуть не задевая крыльями мои руки. Птенец замер и уже даже не пищал.

Должно быть, белый кот мог здорово исцарапать меня, но у него оказались крепкие нервы и превосходные манеры. Как и следовало ожидать, он яростно зашипел и забился, пытаясь вывернуться, но ни разу не пустил в ход зубы или когти. Все так же крепко держа, я опустила его на землю и принялась гладить и успокаивать, пока он не притих, потом подняла, повернулась и пошла прочь. За спиной у меня родители слетели вниз, спеша увести отпрыска подальше.

Торопясь унести своего пленника с полянки, пока он не успел разглядеть, куда направились птицы, я наобум двинулась прочь через кусты. Кот, похоже, ничего не имел против; вынужденный подчиниться *force majeure*⁷, он, по обычаю своих сородичей, дал мне понять, что сам только того и хотел, чтобы его немножко поносили на руках. А когда я в

⁷ Непреодолимая сила (*фр.*).

скором времени обнаружила, что взбираюсь по поросшему папоротником склону, который становится все круче и круче, пушистый разбойник даже замурлыкал.

Это было уже чересчур. Я остановилась.

– Знаешь, что я тебе скажу? Ты вешишь целую тонну. Отсюда, милый мой, прекрасно дойдешь и сам! И надеюсь, ты знаешь дорогу домой, потому что назад к этим птичкам я тебя не пущу!

И я опустила кота на землю. Все еще мурлыча, он пару раз потерся спиной о мои ноги и, задрвав хвост, зашагал впереди меня вверх по склону, туда, где кусты становились реже и виднелось яркое солнце. Там он приостановился, обернулся в мою сторону и скрылся из виду.

Он, несомненно, знал дорогу. Надеясь найти там тропинку, чтобы выбраться из этих кустов, я полезла за ним и оказалась на большой лужайке, полной солнечного света, жужжания пчел и буйства цветов, при виде которых я так и задохнулась от изумления.

После приглушенного сумрака леса первые несколько секунд можно было лишь стоять, остолбенело щурясь на эти яркие краски. Прямо передо мной высились доверху увитые глицинией шпалеры добрых пятнадцати футов вышиной, а у их подножия теснились кусты шиповника. Сбоку виднелись рощица пурпурного багряника и цветущая яблоня, вся мерцающая от трепета пчелиных крылышек. Во влажном уголке росли белые лилии и еще какой-то сорт лилий с похожими

на золотой пергамент, прозрачными на солнце лепестками. И розы, всюду розы. Невероятные заросли вытесняли деревья; голубая ель была почти задушена побегами буйно разросшейся персидской розы, а пышный куст махровых белых роз достигал, должно быть, футов десяти. Тут были мускусные розы, столистные розы, дамасские розы, пестрые и полосатые розы и одна розовая, словно сошедшая со страниц средневекового манускрипта – полукруглая, точно разрезанный ножом шар, сотни лепестков плотно сжаты и упакованы многими слоями, как луковица. Должно быть, тут росло двадцать или тридцать разновидностей роз, и все в полном цвету – старые розы, посаженные много лет назад и оставленные расти сами по себе, точно в каком-то потайном саду, ключ от которого утерян. Это место казалось не совсем реальным.

Наверное, я несколько минут простояла в полном оцепенении, оглядываясь по сторонам, одурманенная ароматами и ярким светом. Я и забыла, что розы так пахнут. В руку мне сам собой лег цветущий карминный побег, и я прижала его к щеке. Глубоко среди листвы, в проеме, оставшемся после моего прохода, выглядывал краешек старой металлической таблички. Я осторожно потянулась к ней среди колючек – она была покрыта лишайником, но выгравированные буквы читались по-прежнему легко: *Belle de Crécy*.

Теперь я знала, где очутилась. Розы были еще одним хобби дедушки Лео. У Фил на вилле сохранились некоторые из его книг, и я как-то вечером пролистала их от нечего

делать, наслаждаясь гравюрами и старинными названиями, точно поэзия пробуждавшими в памяти древние сады Франции, Персии, Прованса. Belle de Crécy, Belle Isis, Deuil du Roi de Rome, Rosamunde, Camäieux, Ispahan...

Если приглядеться, то названия тоже оказывались тут повсюду, прячась средь буйной листвы, где какой-то предшественник Адони любовно прикрепил их век назад. Картинно расположившись на элегантном фоне темного папоротника, белый кот благосклонно наблюдал, как я охотилась за розами и руки мои наполнялись похищенными сокровищами. Запах был густым и тяжелым, как наркотик, воздух гудел от пчел. Общий эффект получался таким, как будто из темного леса ты вышел напрямик в волшебную сказку. Я так и ждала, что кот вдруг заговорит.

И когда внезапно откуда-то сверху раздался голос, я чуть не сошла с ума от неожиданности. Голос был прекрасен, он скорее усиливал, чем разрушал чары. Более того, он говорил стихами, столь же утонченно элегантными, как белый кот:

Ах! Вот богиня,

Чей гимн я слышал! Снизойди к мольбе:

Скажи, живешь ли здесь?

Я поглядела наверх, но сперва никого не увидела. Затем над глицинией показалась чья-то голова, и только тогда я поняла, что цветущая завеса, по сути дела, свисала с чего-то вроде остатков высокой стены, полностью скрытой плотны-

ми побегами. Между густыми гроздьями проглядывали куски каменной кладки. Терраса Кастелло. Розовый сад был расположен прямо перед ней.

Я хотела развернуться и убежать, но голос удержал меня. Не стоит и говорить, что он принадлежал не Максу Гейлу, – этот голос я слышала уже много раз, и он был пронизан той же грацией, что и в душной темноте лондонских театров.

– «Но первая мольба», – добавил сэр Джулиан Гейл, – «хоть сказана в конце» и которую вы, собственно говоря, можете счесть дерзостью: «Ответь мне, чудо, ты – смертная?»

Полагаю, если бы я встретила его обычным образом, в театральных кругах, то была бы слишком переполнена почтением, чтобы отважиться на большее, чем просто робкое заикание. Но здесь, по крайней мере, ответ был заложен в самом тексте и вдобавок имел то преимущество, что был чистой правдой.

Прищурившись против солнца, я улыбнулась голове наверху:

Поверь мне, я не чудо,
А просто девушка.

– «Родной язык!» – Актер явно обрадовался и резко оставил Барда. – Я был прав! Вы Максова нарушительница!

Я почувствовала, как краснею.

– Боюсь, что да, и, кажется, я снова вторглась в чужие вла-

дения. Мне страшно жаль, я не думала, что терраса так близко. Ни за что не решилась бы заходить так далеко, но пришлось спасать птиц от этого мясника.

– От кого?

– От кота. Это ваш? Полагаю, его зовут как-нибудь страшно аристократично, вроде Флоризеля или Козимо деи Фьори?

– Вообще-то, – покачал головой Джулиан Гейл, – я зову его Филя. Прошу прощения, но это сокращение от Простофили, и когда вы узнаете его поближе, сами поймете почему. Он джентльмен, но мозгами обделен. Ну а теперь, раз уж вы тут, не подниметесь ли наверх?

– Ой нет! – Я торопливо попятилась. – Огромное спасибо, но мне пора возвращаться.

– Не могу поверить, что необходимо так уж спешить. Неужели вы не сжалитесь и не скрасите мне скучный субботний вечер хоть немного? Ах! – Он наклонился дальше. – Что я вижу! Не только нарушительницу чужих владений, но еще и воровку! Вы крали мои розы!

Это утверждение, произнесенное голосом, слабейший шепот которого был явственно различим в самых дальних рядах галерки, обладал всей силой обвинения, выдвинутого перед Высшим судом.

Вздрогнув, я виновато покосилась на позабытые цветы в руках и начала, заикаясь, оправдываться:

– Ой да... да... так вышло. О господи... Я не думала... То

есть я хочу сказать, решила, что они дикие... Ну, знаете, что их посадили много лет назад и просто забросили... – Голос мой осекся. Оглянувшись по сторонам, я увидела то, чего не заметила раньше: что кусты, вопреки буйному виду, были аккуратно подрезаны, а края мшистых дорожек тщательно обработаны. – Я... наверное, теперь это ваш сад или что-то вроде, да? Мне страшно жаль!

– Или что-то вроде? Силы небесные, она охапками рвет мои любимые Gallicas, а потом думает, что они растут в моем саду «или что-то вроде»! Нет, барышня, вопрос решен! За каждую розу вам придется заплатить штраф. Если Красавица забредает в сад Чудовища, сгибаясь под тяжестью его роз, она сама напрашивается на неприятности, верно? Поднимайтесь же, и никаких споров! Вот лестница. Филя приведет вас наверх. Простофиля! Покажи леди дорогу!

Белый кот выпрямился, щурясь на меня, а потом с восхитительной небрежной грацией взлетел вверх по глицинии прямо на руки Джулиану Гейлу. Тот с улыбкой выпрямился.

– Помнится, я сказал, что у него маловато мозгов? Я его оклеветал. Как считаете, можете проделать что-нибудь в том же роде?

Его обаяние, то самое обаяние, которое заставило Филлиду «влюбиться в него с первого взгляда», возымело свое действие. По-моему, я начисто забыла все прочее, что она мне рассказывала о своем соседе.

Я засмеялась:

– Могу, но только на свой тяжеловесный лад.

– Тогда давайте.

Лестница представляла собой пролет невысоких ступенек, полускрытых кустом York and Lancaster. Она вилась вокруг постамента какой-то зеленой ото мха статуи и, пройдя меж двух огромных кипарисов, вывела меня на террасу.

Джулиан Гейл опустил кота на пол и шагнул мне навстречу:

– Входите, мисс Люси Уоринг. Видите, я уже все про вас знаю. А вот и мой сын. Но вы, разумеется, уже встречались...

Глава 5

*Мой сын, ты вопросительно глядишь:
Встревожен ты... Но будь вполне спокоен.*
У. Шекспир. Буря. Акт IV, сцена 1

Макс Гейл сидел под сосной за большим столом, заваленным бумагами.

Увидев, как он поднимается, я резко остановилась.

– Но я думала, вас не будет дома! – Вряд ли можно было выпалить что-нибудь более наивное. Закончила же я представление тем, что яростно покраснела и смущенно добавила: – Адони говорил... я думала... я же помню, как он говорил, что вы куда-то собираетесь!

– Я действительно уезжал, но вернулся к чаю. Как поживаете? – Его глаза, скорее безразличные, чем враждебные, коротко взглянули в мои и опустились на розы. Следующий вопрос лишь усилил мое жгучее смущение. – Так, значит, Адони был там, в саду?

Я заметила, как сэр Джулиан переводит взгляд с сына на меня.

– Его там не было, а не то он не позволил бы ей обдирать эту сокровищницу! А она сделала отличный выбор, правда? Я так считаю, пусть платит штраф а-ля Красавица и Чудовище. Учитывая столь короткое знакомство, не станем требовать поцелуев, но ей, по крайней мере, придется остаться и

выпить с нами!

Мне показалось, что младший Гейл заколебался, украдкой поглядывая на заваленный бумагами стол, точно подыскивая уважительный предлог для отказа. Можно было долго и не искать: стол был покрыт исписанными неразборчивым почерком листами и записными книжками, а рядом на кресле стоял магнитофон, от которого через всю террасу тянулся длинный шнур, скрывавшийся в недрах дома за открытой дверью.

– Спасибо, – быстро произнесла я, – но я правда никак...

– Вы не в том положении, чтобы отказываться, барышня! – В глазах сэра Джулиана плясал веселый огонек, но был ли он вызван моим сопротивлением или поведением сына, я не могла сказать. – Будет вам, полчасика позанимать беседой затворника в его келье не такая уж чрезмерная плата за вашу добычу. У нас найдется немного хереса, Макс?

– Ну да, разумеется. – Быть может, голос Гейла-младшего казался столь бесцветным лишь в сравнении с голосом его отца. – Боюсь, мисс Уоринг, у нас нет выбора. Вам разбавить?

– Ох...

Я замялась. Теперь уже никуда не денешься, придется остаться. Не могла же я обидеть сэра Джулиана, который, кроме всего прочего, был тут хозяином. Да и потом, мне вовсе не хотелось отказываться от редкой возможности побеседовать с человеком, который был верховным мастером мо-

ей профессии и которого я любила и почитала, сколько себя помню.

– На самом деле, если у вас есть, я бы предпочла что-то похолоднее и послабее. После моря ужасно хочется пить. Может быть, апельсиновый сок или что-нибудь такое?

– Вы спрашиваете об этом здесь? Ну разумеется.

Макс Гейл вдруг улыбнулся мне с неожиданным обаянием и исчез в доме.

Как и на вилле Форли, тут на террасу выходил ряд высоких французских окон, открывавшихся в большую гостиную. Все они сейчас были закрыты от солнца, кроме того, через которое скрылся Макс Гейл. Сквозь темный проем я различала контуры большого пианино, огромного граммофона и вращающейся этажерки с книгами. Две верхние полки были заставлены пластинками.

– На солнце или в тень? – осведомился сэр Джулиан, вытаскивая для меня пестрое раскладное кресло.

Я выбрала солнце, и он уселся рядом со мной. Стена мрачно-торжественных кипарисов за балюстрадой служила для него столь же эффектной декорацией, как для белого кота – папоротники. Сам кот, кстати, мурлыча, запрыгнул актеру на колени, аккуратно обернулся два раза вокруг своей оси и улегся, выпустив когти.

Эта пара являла собой потрясающее зрелище. Сэр Джулиан не был – никогда, даже в молодости – красив в общепринятом смысле этого слова, но принадлежал к тому типу муж-

чин, которым годы добавляют какое-то тяжеловесное величие. (Сразу вспоминался его Марк Антоний и то, как все последующие попытки сыграть эту роль были всего лишь вариациями его трактовки – фактически попытками сыграть его самого.) Могучая, широкая грудь, плечи, которые обычно к зрелости раздаются вширь, голова из тех, какие называют львиными, но с некоторым намеком на вялость в области подбородка, от которого вас отвлекало обаяние широкого рта. Густая грива седых волос, величественные нос и лоб, зоркие серые глаза, под которыми были заметны обвисшие мешки, а сами глаза казались слегка напряженными. На лице выделялись глубокие складки, которых я никогда не замечала прежде в свете рамы, – следы раздражительности или разгульного образа жизни, а может быть, болезни и связанной с ней потерей веса. Трудно было вот так с ходу сказать, в чем именно заключалась эта несомненная притягательность; трудно было, собственно, даже толком описать его. Это лицо было слишком уж знакомо и, пока ты на него смотрел, сливалось с вереницей созданных им образов, словно этот человек существовал лишь таким, каким его видели на сцене, – король, юродивый, воин, шут, – словно, покинув эту освещенную раму, он прекращал существовать. Тревожная мысль, особенно как вспомнишь, что теперь он, собственно, покинул свою раму. Теперь, если он не мог быть собой, он был никем.

Он оторвал взгляд от кота, поймал на себе мой присталь-

ный взор и улыбнулся. Должно быть, просто к этому привык. Он не мог, конечно, знать, что я-то пыталась выискать на его лице и в движениях какое-то доказательство нервного расстройства, которое могло бы подтвердить опасения Филлиды. Но сэр Джулиан, казалось, прекрасно владел собой и чувствовал себя непринужденно, а руки его (эти вечные предатели) недвижно и элегантно – не слишком ли элегантно? – покоились на шерсти кота.

– Простите, – спохватилась я, – загляделась, да? Просто никогда не была так близко к вам раньше. Обычно это был балкон.

– Ну да, притом что я со вкусом скрыт за несколькими фунтами накладной бороды, да еще в короне и мантии? Что ж, сейчас вы видите самого человека, каким бы жалким и голым двуногим существом он ни являлся на самом деле. Не стану спрашивать, что вы о нем думаете, но вы должны, по крайней мере, выразить свое мнение об антураже. Как вам наша рассыпающаяся роскошь?

– Кастелло? Ну, раз уж вы спрашиваете... Я бы сказала, что это не совсем ваше. Из него вышла бы восхитительная выгородка к чему-нибудь готическому – «Франкенштейну» или к «Удольфским тайнам», к чему-то такому.

– А что, пожалуй. Так и кажется, что оно должно постоянно утопать в тумане, с крадущимися по стенам вампирами, а не блаженствовать в цветах и солнечном сиянии этого волшебного острова. Тем не менее, полагаю, оно вполне подхо-

дит для отставного актера, и тут, безусловно, спокойно, особенно теперь, когда Макс обуздал зевак.

– Я слышала, вы были больны. Мне так жаль. Нам... нам в Лондоне вас ужасно не доставало.

– В самом деле, моя дорогая? Как мило с вашей стороны. А, Макс, вот и ты. Мисс Уоринг считает, что этот дом – превосходная декорация для Франкенштейна и его монстров.

– Ничего подобного! Я такого не говорила... я не то имела в виду!

Макс Гейл засмеялся:

– Я слышал, что вы сказали. Во всяком случае, вряд ли вы слишком сильно оскорбили это безумное барокко. Вот свежий апельсиновый сок, годится?

– Замечательно, благодарю вас.

Себе и отцу он принес то же самое. Я заметила, что, когда старший Гейл потянулся за стаканом, рука его сильно затряслась и сын поспешно придвинул поближе маленький железный столик, поставил туда стакан и налил сока со льдом. Сэр Джулиан уронил руки на спину кота, где они снова замерли в скульптурной неподвижности. Я была права относительно нарочитости этой позы. Но объяснялась она не тщеславием – разве что тщеславием, скрывающим слабость, которой ее обладатель стыдится.

Когда Макс Гейл наливал мне сок, я положила розы на стол, но он отставил кувшин и протянул к ним руку.

– Давайте мне. Я поставлю их в воду до вашего ухода.

– Так, значит, после уплаты штрафа мне будет позволено оставить их у себя?

– Дорогое мое дитя, – произнес сэр Джулиан, – берите сколько угодно! Надеюсь, вы не восприняли всерьез мое поддразнивание, это ведь был лишь предлог заставить вас подняться сюда. Я только рад, что они так вам нравятся.

– Я их люблю. Они похожи на розы со старинных рисунков – понимаете, настоящие розы в старинных книгах. «Тайный сад», или «Тысяча и одна ночь», или «Спящая красавица» Эндрю Ланга⁸.

– А они такие и есть. Вот эту нашли в павильоне в Персии, где ее мог видеть сам Гарун аль-Рашид. А эта вот из «Романа о Розе». А эту обнаружили в саду прекрасной Розамунды в Вудстоке. А эта, говорят, самая древняя роза в мире. – Руки его почти не дрожали, перебирая цветы один за другим. – Непременно приходите за новыми, когда эти завянут. Я бы поставил их в музыкальной комнате, Макс, там вполне прохладно... Ну а теперь расплачивайтесь, мисс Люси Уоринг. Мне говорили, что вы подвизаетесь в нашем ремесле, и одна из причин, по которым я заманил вас сюда, это желание услышать все, что вы сможете мне пересказать из последних сплетен. Факты я еще с грехом пополам извлекаю из периодических изданий, но сплетни обычно куда занимательней, а зачастую и вдвое правдивее. Скажите мне...

Не помню уже, о чем именно он меня спрашивал и много

⁸ Эндрю Ланг – английский писатель и фольклорист XIX века.

ли я была способна рассказать ему, но, хотя мы с ним вращались в совершенно разных театральных кругах, я все же довольно много знала о том, что происходит в светском обществе; и помню, что, в свою очередь, восхищалась, слыша, как он небрежно и мимоходом упоминает имена, которые для меня были столь же далеки и высоки, как тучи на горе Пантократор. Сэр Джулиан недвусмысленно дал понять, что считает меня крайне занимательной собеседницей, но даже сегодня я не могу догадаться, в какой степени на самом деле это вышло благодаря его обаянию. Знаю лишь, что, когда под конец он повернул разговор на мои собственные дела, вы бы подумали, что это и есть кульминационный момент, к которому вела вся искрометная болтовня.

– Ну а теперь расскажите мне о себе. Что вы делаете и где? И почему мы до сих пор не встречались?

– Боже ты мой, я и близко не попадала к вашей лиге! Собственно, я только-только добралась до Вест-Энда!

Я осеклась. Последняя фраза затрагивала не только события, но и чувства, которые я не обсуждала ни с кем, даже с Филлидой. У меня тоже имелось свое тщеславие.

– Пьеса провалилась? – Там, где сочувственный тон непрофессионала был бы лишь оскорбителен, непринужденный голос Джулиана Гейла действовал удивительно успокаивающе. – А что это было?

Я сообщила ему название, и он кивнул.

– Да, любимый голубок Мак-Эндрю, верно? На мой

взгляд, не очень мудрая попытка со стороны Мака. Я читал эту пьесу. Кем вы были? Этой, как ее там, девушкой, которая закатывает неправдоподобные истерики весь второй акт напролет?

– Ширли. Да. Я играла отвратительно.

– Там ведь не за что ухватиться. Фантазия такого рода, маскирующаяся под реализм рабочего класса, требует жесткого отбора и безупречного чувства времени, а не просто неконтролируемого словесного поноса, если вы простите мне это выражение. И женские образы у него никогда не получались, вы обратили внимание?

– А Мэгги в «Маленьком доме»?

– Вы можете назвать ее женщиной?

– Ну... пожалуй, вы правы.

– Я прав в том, что вам нечего винить себя за Ширли. А что на очереди?

Я замялась.

– Вот так, да? – произнес он. – Что ж, бывает. Как мудро с вашей стороны временно все бросить и удрать на Корфу, пока можете! Помнится мне...

И он перешел к подробнейшему изложению ехидных и невероятно смешных историй, действующими лицами которых были один прославленный театральный агент тридцатых годов и нахальный молодой актер, в котором я без труда узнала самого сэра Джулиана Гейла. Когда он закончил и мы отсмеялись, я вдруг обнаружила, что сама делюсь кое-каким

личным опытом, в котором никогда ничего смешного не находила – и даже не думала вообще кому-либо рассказывать. Теперь же, не знаю отчего, разговор об этом доставлял облегчение и даже удовольствие. Зубчатые тени Кастелло незаметно удлинялись, вытягиваясь по поросшим травой каменным плитам, а сэр Джулиан слушал, комментировал и задавал вопросы, словно «заманил» меня на эту террасу лишь затем, чтобы послушать жизнеописание посредственной молодой актрисы, которая в жизни не играла ничего, кроме вторых ролей.

Какой-то легкий звук вдруг остановил меня и заставил резко обернуться. Я напрочь забыла про Макса Гейла и не слышала, как он снова вышел из дома, но он был тут, сидел на балюстраде, откуда все было прекрасно слышно. И долго ли он уже так сидел, я не имела ни малейшего представления.

Только тогда я заметила, что уже начало смеркаться. Штраф был уплачен сполна, настало время уходить домой, но вряд ли я могла начать прощаться буквально через несколько секунд после того, как заметила присутствие Макса Гейла. Сперва надо было отдать дань приличиям.

Я обернулась к нему:

– А вы ездили утром полюбоваться шествием, мистер Гейл?

– Я? Да, я там был. Видел вас в городе. Вы заняли хорошее место?

– Я стояла на Эспланаде, возле самого угла Дворца.

– Все это... довольно трогательно, не находите?

– Очень. – Я улыбнулась. – Вы как музыкант должны были оценить оркестры.

Он засмеялся, и я сразу увидела в нем отражение его отца.

– Еще как. А когда все четыре играют разом, это и вправду нечто.

– Лейтмотив для твоей «Бури», Макс, – сказал ему отец. – «Этот остров полон звуков».

Макс усмехнулся:

– Пожалуй. Хотя даже я постеснялся бы воспроизвести иные из них.

Сэр Джулиан повернулся ко мне:

– Мой сын пишет музыку к киноверсии «Бури».

– В самом деле? Как замечательно! Сдается мне, вы приехали для этого в самое подходящее место. Поэтому вы и выбрали Корфу после того, как утопили вашу книгу в Стратфорде, сэр Джулиан?

– Не совсем так... скорее, игра случая. Я знаю этот остров вот уже тридцать лет, и у меня тут живут друзья. Но все-таки приятное совпадение, что Максу досталась эта работа, как раз когда мы обосновались здесь.

– Так вы действительно думаете, будто это остров Просперо?

– А почему бы нет? – ответил вопросом на вопрос Джулиан Гейл, а Макс добавил:

– Ну вот, началось.

Я удивленно взглянула на него:

– А что я такого сказала?

– Ничего. Решительно ничего. Но если вы предлагаете человеку объяснить теорию, которую он вынашивает уже столько недель, то должны подготовиться к лекции, и, судя по блеску в глазах моего отца, теперь вас уже ничего не спасет.

– Но мне бы так хотелось ее выслушать! Кроме того, ведь ваш отец способен при желании заставить даже телефонный справочник звучать как «Война и мир», а уж его личная теория о «Буре» должна быть и впрямь чем-то особенным. Не обращайтесь на него внимания, сэр Джулиан! Так почему вы считаете, что Корфу подходит на роль острова Просперо?

– Вы изумительная молодая леди, – сказал сэр Джулиан, – и если вам взбредет в голову вырвать мои розы с корнями и унести прочь, я пошлю Адони вам помочь. Нет, по зрелому размышлению, лучше пошлю Макса. Ему будет полезно немножко позаниматься настоящей работой, вместо того чтобы слоняться вокруг в этом лунатическом трансе, в котором, по-моему, живут все музыканты... Кто это сказал, что настоящий мудрец не тот, кто требует, чтобы что-то доказали перед тем, как он в это поверит, а тот, кто готов верить во что угодно, пока это не окажется неправдой?

– Не знаю, но на мой слух это звучит определением провидца или гения.

– Все розы, – с чувством заявил сэр Джулиан. – Слышишь, Макс? Моя теория касательно «Бури» – это теория провидца или гения.

– Само собой, – откликнулся сын.

Он все еще сидел на балюстраде, прислонившись к каменной вазе в углу.

Я украдкой изучала его лицо, ища сходство с отцом, но, кроме каких-то самых общих признаков и иногда случайно-го выражения, ничего не находила. Глаза – черные, а не серые и глубже посаженные, рот – прямее, все черты менее подвижны. Мне показалось, что в этом лице – в слабых черточках меж бровей, в форме губ – таится какая-то нервозность, а подчеркнутая невыразительность всего, что Гейл-младший говорил и делал, могла объясняться его старанием контролировать свои порывы или просто избежать подражания отцовскому обаянию. Там, где сэр Джулиан, по-видимому, чисто автоматически пускал в ход все свои чары, Макс свои отбрасывал. Мне показалось, что он даже стремится не нравиться, тогда как его отец, сознательно или бессознательно, обладал типично актерским желанием, чтобы его все любили.

– Собственно, у нас нет никаких строгих доказательств, – говорил тем временем сэр Джулиан, – которые связывали бы этот остров с островом из пьесы, во всяком случае – не больше, чем со Схерией⁹, островом Одиссея и Навсикаи. Но в

⁹ *Схерия* – в древнегреческой мифологии сказочный остров, последнее местопребывание Одиссея перед возвращением на родину.

обоих случаях существуют достаточно сильные традиционные точки зрения, а когда традиция сильна, разумно предположить, что ее хотя бы стоит исследовать.

– Шлиман и Троя, – пробормотал Макс.

– Именно, – согласился сэр Джулиан и вдруг улыбнулся мне, став очень похожим на сына. – Итак, будучи, подобно Шлиману, гением и провидцем и твердо вознамерившись верить, что Корфу и вправду просперовский остров, я принялся искать тому доказательства.

– И нашли?

– Ну, не то чтобы «доказательства». Это слишком сильное слово. Но когда начинаешь вглядываться, находишь всевозможные заманчивые параллели. Начните с простейшего, с описаний природы острова, если вы можете его припомнить.

– По-моему, припоминаю, причем неплохо. Если не ошибаюсь, в этой пьесе ведь дано куда более детальное описание декораций, чем обычно встречаешь у Шекспира, да?

– Я бы сказал, более детальное, чем где-либо, кроме «Венеры и Адониса». Причем описание, которое можно вылущить из пьесы, вполне подходит к этому острову. Сосны, пашни, плодородие – не так-то много из средиземноморских островов по-настоящему плодородны, знаете ли, – пляжи и пещеры, лаймовые рощи около пещеры Просперо... – Он протянул руку, указывая на группку зелено-золотых деревьев, растущих на южном мысу бок о бок с соснами. – Вон, весь утес у виллы Мэннинга порос лаймом, а остров изъеден

пещерами, точно соты. Можете возразить, что все это найдется на любом острове, но вот одного там нет – соляных копей, о которых говорит Калибан, помните?

– А здесь есть?

– Да, под Кориссией, на юге. Они существуют там уже много веков.

– А как насчет земляных орехов и лещины? Они тут растут?

– Лещина несомненно, и земляные орехи тоже, если он подразумевает английский сорт. А если он имеет в виду трюфели – а я в этом почти уверен, – то да, и они тоже.

– А мартышки? – спросила я неуверенно, словно задав вопрос сомнительного вкуса.

Сэр Джулиан отмел мартышек в сторону.

– Мимолетная забывчивость. Перепутал с Бермудами. Без сомнения, Ариэль много рассказывал о своих странствиях, и бедное чудище запуталось.

– Нельзя спорить с человеком, одержимым навязчивой идеей, – вмешался Макс. – Высмейте его, мисс Уоринг.

– Ни за что на свете! Если идея достойна того, чтобы ее придерживаться, то за нее стоит и сражаться! А как тогда насчет самого сюжета, сэр Джулиан? Взять хотя бы самое начало, кораблекрушение. Если корабль направлялся из Туниса в Неаполь, то не кажется ли вам, что Корфу далековат от курса...

– А-а, ну да, вы начинаете возражать против тех же вещей,

что и в «Одиссее», где предполагается, что они догребли – заметьте, догребли – от Схерии до Эвбеи за одну ночь. Но на мой взгляд, тут нет никаких противоречий той версии, что Корфу – это Схерия. Это такая поэтическая правда, вроде ускорения, как в семи днях Творения. Предполагается, что им помогали боги. То же самое и с неаполитанским кораблем в «Буре». Был какой-то совершенно ужасный шторм, какая-то вполне историческая буря. Корабль сбился с курса и слепо блуждал в море много дней, пока его не выбросило на эти прибрежные скалы. Разве вы не видите то, что придает этой истории правдоподобие во всей ее маловероятности?

– Имей же сердце, – попытался усовестить его сын, – ну конечно не видит.

– А все очень просто. Тот факт, что корабль потерпел крушение здесь, так далеко от первоначального курса, делает необходимым в дальнейшем объяснить шторм как событие волшебное и сверхъестественное.

– Одну минуту, – быстро перебила я. – Тот факт? Вы хотите сказать, что вся эта история с кораблекрушением – правда?

– Только то, что, подобно многим легендам, она может быть основана на правде, совсем как существовавшие на самом деле критский лабиринт и сгоревшая Троя. Моя догадка – чисто провидческая – состоит в том, что у этих берегов и в самом деле произошло какое-то примечательное кораблекрушение, которое и легло в основу легенды.

– Не более чем догадка? Вы не нашли никаких настоящих корфиотских историй или реальных доказательств?

– Нет.

– Но тогда почему именно здесь? Почему на Корфу? Ваши географические подробности еще ничего не доказывают. Они могут подтверждать, но от них вряд ли можно оттолкнуться.

Сэр Джулиан кивнул, мягким пальцем почесывая кота за ухом.

– Я начал не с того конца. Следовало начать не с «фактов», а с самой пьесы – с главной фигуры, Просперо. На мой взгляд, концепция этого персонажа – самая примечательная вещь в пьесе; он является некой квинтэссенцией шекспировского представления о человеческом могуществе. Погляди-те только, каков он там – некий всеотец, маг, обладающий властью над силами природы, ветром и морем, этакий благосклонный и сверхъестественный Макиавелли, управляющий островом и всеми его обитателями.

Он закончил на слабой вопросительной нотке и поглядел на меня, приподняв брови и ожидая моего ответа.

– Святой Спиридион?

– Святой Спиридион! Именно! – Он торжествующе поглядел на Макса, словно демонстрируя ему сообразительность любимого ученика, и я увидела, как Макс едва заметно улыбнулся. – Даже имя... сами видите сходство, а сокращение, Спиро, делает его еще очевидней. – По лицу его пробежала и

тут же исчезла легкая тень. – Святой Спиридион – в смысле, его тело – был привезен сюда в тысяча четыреста восемьдесят девятом году и в два счета завоевал репутацию святого, способного творить всевозможную магию, чудеса, если хотите, особенно магию с погодой. С ним привезли и еще одного святого, точнее, святую. Ее мумия также хранится в церкви в городе, но она не затронула общественного воображения, так что ей не устраивают парадных выходов. Собственно говоря, не могу даже припомнить ее имени.

– А я никогда и не слышала о ее существовании, – призналась я.

Сэр Джулиан улыбнулся:

– Это страна мужчин. Но эта святая вполне может быть истоком, из которого зародилась идея Миранды, дочери волшебника. Едва ли она вошла бы в легенду просто как подруга, даже как жена. У волшебников их вообще никогда нет, по причинам, исследовать которые, сдается мне, было бы весьма любопытно, но которые могут вам не понравиться, мисс Люси Уоринг.

– Знаю. Далила и тому подобное. Ну ладно, я не против, это ведь мужской мир. Коли уж на то пошло, у ведьм тоже обычно не бывает мужей, во всяком случае, у настоящих ведьм из сказок.

– Что ж, это по-честному. – Сэр Джулиан откинулся на спинку кресла. – Итак, вот вам ваша отправная точка: знаменитый плодородный остров Корфу, охраняемый святым, ко-

торому приписывается власть над погодой. Теперь предположим бурю, какой-нибудь исторический, из ряда вон выдающийся шторм, когда какой-то важный корабль – возможно, даже с несколькими очень важными итальянскими шишками на борту – сбился с курса и потерпел тут крушение, но пассажиры спаслись от смерти в морской пучине буквально чудом, которое, натурально, было приписано святому. Вот и зарождение легенды. Позднее к ней были добавлены германские элементы волшебных историй: «колдун», прекрасная дочь, волшебные персонажи. – Он помолчал, лукаво поглядывая на меня. – Было бы здорово, если бы кто-то попробовал увязать все эти элементы с фактами из истории острова, верно? Я усиленно пытался представить «ведьму Сикораксу из Алжира» как своеобразную персонификацию мусульманских правителей, которые заперли небесную силу – Ариэля – в расщелине сосны, откуда его освободил святой-волшебник... Но, боюсь, пока у меня это не очень получается.

– Какая жалость! – сказала я совершенно без всякой иронии – беседа доставляла мне безмерное наслаждение. – А Калибан? Язычество или что?

– Как вам угодно. Тут и первобытная грубость, и сексуальность, и великолепная чувственная поэзия. И он со всей очевидностью был греком.

– А это-то вы как вычислили? – в изумлении спросила я. Сэр Джулиан усмехнулся:

– Он приветствовал Просперо на острове «водой с ягода-

ми в ней». Вы еще не познакомились с греческим обычаем подавать ягодное варенье, разведенное в стакане воды?

– Нет, еще не пришлось. Но послушайте, это ничего не доказывает! А если бы это был кофе! Кем бы он тогда был? Французом?

– Ну ладно, – дружески сказал он. – Оставим бедного Калибана просто неким абстрактным низшим духом. Ну вот и все.

При этих словах белый кот потянулся, втянул когти и громко зевнул. Сэр Джулиан засмеялся:

– Зря вы меня поощряли. Простофиля слышал все это уже не раз, и, боюсь, бедный Макс тоже.

– А я нет, и меня это просто завораживает. Такой неисчерпаемый источник для развлечения. Надо бы мне перечитать пьесу и заново проглядеть подробности. Хотелось бы думать, что у сестры тут найдется эта книга.

– Возьмите мою, – немедленно предложил сэр Джулиан. – Думаю, она стоит где-то на верхней полке, Макс... Спасибо.

Последнее замечание он отпустил, увидев, что сын уже пошел за ней.

– Но если вы по ней работаете... – торопливо вмешалась я.

– Работаю? – Это слово, хоть и произнесенное самым легким тоном, прозвучало как-то неуместно. – Вы только что слышали, насколько серьезно. Да и в любом случае я пользуюсь в этих целях «пингвиновским» изданием, благо там

можно писать и подчеркивать... А, спасибо, Макс, и вот вам еще ваши розы. Это моя собственная книжка. Пожалуй, довольно древняя и вся исчерканная, но, надеюсь, вы сможете не обращать на это внимание.

Я уже разглядела сделанные карандашом пометки. Держу книгу так, словно это был сам суфлерский оригинал из «Блэкфрайерс»¹⁰ с авторской правкой на полях, я поднялась на ноги. Сэр Джулиан поднялся вслед за мной. Белый кот, слетев с его колен, прыгнул на пол и с видом оскорбленного достоинства зашагал с террасы вниз по ступенькам к розовому саду.

– Мне и в самом деле пора, – произнесла я. – Спасибо за книгу, буду обращаться с ней бережно-пребережно. Я... я знаю, что слишком засиделась, но мне и в самом деле было ужасно интересно.

– Дорогое мое дитя, это вы были очень добры к нам обоим. Я в высшей степени наслаждался этим визитом и надеюсь, вы скоро к нам вернетесь. Видите ли, существует определенный предел моей болтовни, которую могут выдержать Макс и кот, так что вновь обрести хорошо воспитанную и внимательную аудиторию – истинное наслаждение. Что ж, если вам пора...

Лес уже потемнел, быстро спускались сумерки. Учтиво проводив меня до конца розового сада, мистер Гейл указал тропу, ведущую на прогалинку с заводью. Белый кот был уже

¹⁰ Имеется в виду частный театр в здании заброшенного доминиканского монастыря, расположенного в лондонском районе Блэкфрайерс.

там и мечтательно разглядывал порхавшего вокруг жимолости белого мотылька. Макс Гейл подхватил кота на руки, распрощался со мной и быстро ушел.

Несколько минут спустя я услышала звуки пианино – он, не теряя времени, вернулся к работе. А потом стена деревьев сомкнулась за мной, и я уже ничего не слышала.

В лесу всегда было тихо, но теперь, когда ветви деревьев окутала тьма, эта тишина, казалось, приобрела какой-то приглушенный и тяжелый оттенок, который мог быть предвестником шторма. Запах цветов висел в воздухе, точно мускус.

Осторожно пробираясь вниз по тропе, я думала о недавней беседе – не о «теории», которой сэр Джулиан украшал свое изгнание, но о самом сэре Джулиане и о том, что говорили про него Фил и Годфри.

Было очевидно: с ним действительно что-то случилось – и еще не прошло до конца, – что-то очень плохое. Это чувствовалось не только в физических признаках, заметных даже моему глазу, но и в настороженно-бдительном отношении к отцу младшего Гейла. Однако с таким впечатлением резко контрастировал наш недавний разговор, причем не только нормальный, а скорее веселый тон беседы, но и даже отдельные фразы, употребление которых сэром Джулианом весьма удивило меня. Стал бы человек, лишь недавно выпущенный из санатория для душевнобольных, так небрежно и беспечно разглагольствовать о «лунатическом трансе» своего сына? Ведь этот сын, помимо всего, играл большую роль в душев-

ном здоровье отца. И стал бы этот сын, в свою очередь, говорить о «навязчивой идее» отца и призывать меня «высмеять его»? Возможно ли, если ситуация была действительно серьезной, что Макс Гейл просто таким образом выходил из щекотливого положения? На чей счет надо было отнести ту созданную им колючую, напряженную атмосферу – на мой или его отца?

Тут я сдалась. Но что до идеи, будто сэр Джулиан Гейл может бродить по окрестностям с винтовкой в руках, представляя собой живую опасность всем и каждому, то я верила в нее не больше, чем прежде. С тем же основанием я могла бы заподозрить Филлиду или самого Годфри Мэннинга.

Впрочем, в первую очередь я бы заподозрила Макса Гейла.

Впереди уже слышалось журчание, и в просвете среди деревьев поблескивала поверхность воды. И в тот же миг я вдруг обратила внимание на какой-то странный шум, которого раньше не замечала, чем-то похожий на кудактанье и гомон стайки наседок. Казалось, он доносится с той же полянки.

Через несколько секунд я поняла, что это вечерний хор на пруду, кваканье бесчисленных населяющих укромную заводь лягушек. Я остановилась на опушке, чтобы подобрать полотенце, и, наверное, кто-то из них меня заметил, потому что кваканье вдруг оборвалось, сменившись ритмическим плюханьем множества ныряющих в воду маленьких тел. За-

интригованная, я попятилась за кусты и тихо-тихо прокра-
лась по внешнему краю полянки к дальней стороне пруди-
ка, где деревья подходили к нему совсем близко. Теперь я
была почти на самом берегу и, осторожно раздвинув ветки,
поглядела вниз.

Сперва я не разглядела в сумерках ничего, кроме тем-
ного блеска воды, отражавшей просвечивающее сквозь вет-
ви небо, да матовых кругов листьев маленьких лилий и ка-
ких-то плавающих водорослей. Потом, приглядевшись, я за-
метила на одном из листьев лилии здоровенную лягушку,
горлышко ее раздувалось и пульсировало в такт диковинно-
му и забавному пению. Тело у нее было толстеньким и пят-
нистым, как лавровый лист в лунном свете, а яркие крохот-
ные глазки, похожие на ягодки черники, отражали лунный
свет. Рядом с ней завела свою песню вторая лягушка, потом
еще одна...

Радостная и заинтересованная, я замерла в своем укры-
тии. Хор с каждой минутой набирал силу и скоро уже счаст-
ливо квакал во всю мощь.

Внезапно снова наступила тишина, резкая, словно повер-
нули выключатель. Потом моя лягушка нырнула. Поверх-
ность воды вокруг зарослей лилий пошла кругами и заряби-
ла – это весь хор разом рванулся в воду. Кто-то поднимался
вверх по тропе из залива.

В первый миг я подумала, уж не ходила ли Филлида на
пляж искать меня, но потом поняла, что по тропе шел муж-

чина — его выдавала тяжелая поступь и довольно громкое пыхтение. Потом я услышала, как он тихонько прочистил горло и сплюнул — осторожно, как будто старался не производить шума. Тяжелые шаги тоже были осторожными, а то-ропливое, запыхавшееся дыхание, с которым идущий явно пытался совладать, звучало в примолкшем лесу странно тревожно. Я отпустила ветки и замерла на месте, выжидая, пока он пройдет.

Он вышел на прогалину и оказался в лучах угасающего света. Грек — я его раньше не видела, — крепкий и широко-плечий молодой парень в темных штанах и водолазке с высоким горлом. Под мышкой он нес старую куртку, тоже серую, но посветлее.

На другой стороне заводи он остановился, но лишь для того, чтобы залезть в карман за сигаретой. Он сунул ее в рот и уже собирался чиркнуть спичкой, как вдруг спохватился, пожал плечами и, передумав, засунул сигарету за ухо. Никакими словами он не мог бы яснее выразить желание соблюсти секретность.

Когда он повернулся, чтобы продолжить путь, я отчетливо разглядела его лицо. На нем было написано такое тайное, скрытое возбуждение, что мне стало как-то не по себе и, увидев, как грек оглядывается по сторонам, словно услышал какой-то шум, я невольно съежилась за своей завесой листвы, чувствуя, как учащенно забилося у меня сердце.

Он не заметил ничего подозрительного. Отер тыльной

стороной руки лоб, перекинул куртку под мышку с другой стороны и с той же торопливой осторожностью зашагал по крутой тропе вверх к Кастелло.

Надо мной в верхушках деревьев вдруг пронесся внезапный порыв ветра, и прокатившаяся меж стволов волна прохладного воздуха принесла свежий, резкий запах надвигающегося дождя.

Но я все стояла на месте, пока звуки шагов молодого грека не замерли вдали, а лягушка возле меня не вылезла на лист лилии и не раздула крохотное горлышко, собираясь петь.

Глава 6

...Этот мальчик никогда не утонет.

У. Шекспир. Буря. Акт I, сцена 1

По каким-то причинам, которые я так и не удосужилась обдумать как следует, я не рассказала сестре про визит к Гейлам – даже на следующее утро, когда она решила разок спуститься на пляж и, проходя мимо заводи, показала мне тропу к Каstellо.

Утром, залитая ярким солнечным светом, прогалина выглядела совершенно иначе. Ночью вдруг налетел короткий шторм с сильным ветром, который замер перед рассветом, расчистив воздух и освежив лес. Внизу, в заливе, сиял под утренним солнцем песок, а слабый бриз рябил край моря.

Я расстелила коврик в тени нависающих над пляжем сосен и вывалила на него наши вещи.

– Ты ведь зайдешь в воду, правда?

– Ну разумеется. Теперь, раз уж я здесь, ничто не мешает мне немножко побултыхаться на отмели, даже если я и выгляжу как мать-слониха, ожидающая двойню. Потрясающий купальник, Люси, где ты его раздобыла?

– В «Маркс энд Спенсер».

– Силы небесные!

– Ну, я-то не выходила замуж за богача, – весело отозва-

лась я, натягивая на плечи лямки.

– И много мне от этого прока в моем положении? – Филадельфа печально оглядела свою фигуру, вздохнула и бросила прелестную пляжную рубашку рядом с сумочкой, набитой всевозможными лосьонами от солнца, журналами, косметикой «Элизабет Арден» и прочими принадлежностями, без которых она не мыслила себя на пляже. – Это нечестно. Только погляди на меня, а ведь все эти вещи от Фабиани.

– Бедняжка, – насмешливо сказала я. – А мочить их можно? И ради всего святого, неужели ты собираешься купаться с этим кохинором на пальце?

– О господи, нет! – Она сорвала с пальца кольцо с огромнейшим бриллиантом, запихнула его в сумочку с косметикой и застегнула молнию. – Ну ладно, идем. Надеюсь только, твой приятель не примет меня за дельфина и не откроет пальбу. Мы с ним сейчас примерно одной и той же формы, тебе не кажется?

– Ничего с тобой не станется. Дельфин не носит желтого.

– Серьезно, там никто не наблюдает, Люси? Хотелось бы обойтись без зрителей.

– Если будешь держаться у берега, они тебя в любом случае не смогут увидеть, разве что выйдут на самый край террасы. Пойду проверю.

Вода в тени сосен была глубокого темно-зеленого цвета, переходящего в ослепительную синеву чуть дальше, там, где из бухты выходила песчаная отмель. Зайдя в воду по пояс,

я отошла примерно на пятьдесят ярдов от берега, повернулась и посмотрела вверх на террасу Каstellо. Никого видно не было, поэтому я помахала рукой Филлиде, призывая ее следовать за мной. Пока мы плавали и плескались, я все время поглядывала в сторону открытого моря, нет ли дельфина, но, хотя один раз мне и померещился блеск круглой спины вдалеке, он так и не заплыл в бухту. Накупавшись, мы вылезли на берег, растянулись на солнышке и принялись лениво болтать, пока реплики Фил, становившиеся раз от разу все короче и невнятные, не оборвались совсем.

Оставив ее спать, я снова залезла в воду.

Вообще-то, я во время каждого купания бдительно следила за террасой и лесом, но с того самого первого дня никого там не видела и поэтому слегка удивилась, обнаружив, что сейчас за столом кто-то сидит. Седые волосы. Сэр Джулиан Гейл. Он приветственно поднял руку, и я помахала в ответ, испытывая глупую радость оттого, что он взял на себя труд поздороваться со мной. Впрочем, он тут же отвернулся, склонившись над книгой и перелистывая страницы.

Кроме него, на террасе никого не было, но, когда я поворачивалась, чтобы уплыть на глубину, внимание мое привлекла какая-то странная вспышка в одном из раскрытых окон второго этажа. А позади этой вспышки мне померещилось неясное движение, словно кто-то стоявший там поднял бинокль, чтобы снова навести его на бухту...

Когда за тобой подсматривают, это всегда бесит, но ко-

гда таким образом – особенно. Мне до смерти хотелось отплатить грубостью за грубость, скорчив в окна Каstellо рожу попросторнее, но сэр Джулиан мог случайно увидеть ее и принять на свой счет, так что я просто повернула обратно к отмели, где выпрямилась во весь рост и, не удостоив Каstellо даже взглядом, выразительно зашагала (упражнение в театральной школе: разгневанная купальщица выходит из воды) к скалам на южной стороне бухты. Буду купаться там, вне видимости из окон Каstellо.

Я не учла одного – что шагать с величавым достоинством по грудь в воде довольно затруднительно. К тому времени как я добралась до конца отмели и глубокой заводи под скалой, я уже была зла на Макса Гейла, как сто чертей, и жалела, что сразу не вышла из воды. Хотя, пожалуй, нет – будь что будет, а испортить мне купание я ему не позволю! Проплыв через глубокое место, я вылезла на камни под соснами.

Чуть выше вдоль подножия утеса бежала узкая тропинка – должно быть, к вилле Годфри Мэннинга. Но она была вся усыпана мелкими камешками и острой галькой, так что я предпочла остаться на добела отмытых волнами скалах внизу. Берег причудливо изрезанной полосой тянулся вдаль – чередой неровных выступов, прорезанных расщелинами, где плескалось спокойное бархатистое море.

Я побрела вдоль берега, переходя от одной маленькой заводи к другой. Скалы под ногами были горячими и гладкими, бесчисленные трещины, сплошь поросшие цветущими

кустами, сбегали прямо вниз, к кромке воды, где вздымалась и опадала зеленая волна прибоя. Утес глубоко вдавался в самое море, а по его краю нависала над водой тропа, обрамленная полосой зарослей.

Дойдя до ближайшего мыса, я остановилась. Здесь скалы были более неровными и выщербленными, поскольку в непогоду волны били сильнее всего именно сюда, а у подножия валялась груда каменных осколков и выброшенных на берег водорослей и плавника. Верхние, совсем свежие наносы, по всей видимости, являли собой следы ночного шквала. Чуть дальше, за следующим изгибом утеса, виднелось место, где в море выдавалась то ли какая-то пещера, то ли просто глубокая и узкая расщелина, обрывистые склоны которой скрывала густая роща, взбегающая на вершину утеса: там росли сосны, дубы, падубы, и среди прочего – те самые лаймы, о которых говорил сэр Джулиан. Сквозь ветви молодой поросли я различила краешек красной черепицы – наверное, на крыше эллинга Годфри.

Кругом не было ни души. Решив закончить купание тут, в глубоком месте, а потом вернуться на пляж по тропе, я начала осторожно спускаться сквозь набросанные скалы и плавник к воде.

Время от времени путь мне преграждали мелкие лужицы, и я осторожно переходила их вброд, с опаской думая о морских ежах, которые (как я читала) водятся в этих водах и могут втыкать в ноги ядовитые иглы. «То, как ежи, ко-

любими клубками мне на дороге норвят попасться, чтоб я босые ноги занозил». Бедный Калибан. Интересно, прав ли сэр Джулиан? Вчера я, приняв правила предложенной им за-вораживающей игры, допоздна перечитывала «Бурю» и даже сама придумала несколько новых идей, насчет которых очень надеялась его порасспросить, когда снова окажусь в Кастелло... Если снова окажусь в Кастелло... Но ведь надо же хотя бы вернуть Шекспира... Вот бы выяснить у Миранды или Адони, когда Макса Гейла не будет дома...

Наконец я вышла на край той самой расщелины, миниатюрного заливчика, вдающегося глубоко в скалы. Что ж, для купания место ничуть не хуже других. Я остановилась на краю, вглядываясь вниз и стараясь разглядеть, какое тут дно.

В светло-нефритовой воде среди оливковых и алых водорослей сновали крохотные рачки и стайки охотящихся на них маленьких рыбок. Темно-синие тени колыхались, как живые, от медленных движений крабов, которые копошились среди выстилающих дно бурых водорослей. Сами водоросли тоже беспрестанно колыхались, слабо и неумолимо, как тряпье в полосе прилива. Среди них виднелась белая и голая кость каракатицы. «Кораллом стали кости в нем, два перла там, где взор сиял...»

Тело лежало, наполовину спрятанное в самом большом пятне тени. Сначала бывшее мне в глаза солнце скрывало его – груды одежд и плоти, ничем не напоминающую человека, просто комков неряшливых лохмотьев, перекатываемый вол-

нами с места на место и наконец прибитый сюда, под нависающий выступ скалы у берега.

Даже теперь я не была еще точно уверена – солнце слишком слепило глаза. От потрясения мне стало дурно, я не знала, что делать, но, безусловно, необходимо было точно удостовериться. Я опустилась на колени и, прикрыв глаза от солнца, внимательно вгляделась вниз.

Тряпки шевелились в слабом колыхании воды, точно водоросли. Может, это и впрямь только водоросли?.. Но тут я увидела голову и лицо – смазанное расплывчатое пятно под темными волосами. Какие-то морские твари уже облепили его, маленькая рыбка деловито сновала вокруг в зеленой воде.

«Спиро, – подумала я. – Спиро...» И его матери придется увидеть это. Может, лучше вообще ничего ей не говорить? Пусть прилив снова унесет тело прочь, в море; пусть проворные морские создания очистят его, сделают белым, как та кость каракатицы...

Но потом в дело все же вступил здравый смысл, подействовавший на мой смятенный разум, точно ушат холодной воды. Непременно надо сказать Марии – гораздо более жестоко было бы ничего ей не говорить. И потом, ведь в этом море нет прилива. Если не будет нового шторма, тело, скорее всего, так и останется здесь, где его сможет найти кто угодно.

По морю вдруг пробежала легкая зыбь, вода качнулась, чуть заметно шевельнув голову утопленника. И тут я узнала

его. Не то чтобы я опознала именно лицо – это было бы совершенно невозможно, но почему-то мою память вдруг ожилило все, вместе взятое: форма головы и лица и лучше различимый теперь цвет мокрых лохмотьев – темных брюк, свитера и более светлой куртки.

Так, значит, это был вовсе не Спиро – если только не Спиро, живой и здоровый, шел вчера вечером по лесу, направляясь к Каstellо.

У меня не оставалось никаких сомнений, ни малейших. Именно этого человека я видела вчера вечером на полянке. Я вдруг обнаружила, что сижу на корточках, скосившись набок и опираясь рукой о раскаленную поверхность камня. Одно дело – найти мертвеца, но опознать его и знать, где он был совсем незадолго до смерти...

Я зажмурилась так же крепко, как впивалась пальцами в горячий камень, но солнечный свет бил и сквозь закрытые веки, застилая глаза красной дымкой. Я прикусила губу и постаралась дышать медленно и размеренно, чтобы не стало совсем плохо. Филлида: мысль о ней подействовала на меня не хуже нюхательной соли. Филлида не должна этого видеть, не должна даже заподозрить, какой ужас лежит совсем недалеко от нее. Нужно побыстрее успокоиться, вернуться к сестре и под каким-нибудь предлогом уговорить ее уйти с пляжа. А потом потихоньку добраться до телефона и связаться с полицией.

Я снова открыла глаза в глупой надежде, что ошиблась

и в воде нет никакого утопленника. Но разумеется, он по-прежнему лежал в своем сгустке чернильно-черных теней, нелепый и слабо колыхающийся. Не ошиблась я и в другом: именно этот человек шел вчера к Кастелло. Поднявшись на ноги, я целую минуту простояла, крепко вцепившись в обломок скалы и стараясь успокоиться, а потом, не оглядываясь, начала пробираться по камням к гуще кустов, обрамлявших тропинку вдоль утеса. Уже у самой кромки зарослей, когда я гадала, как пробиться сквозь них на тропу, какой-то слабый звук заставил меня остановиться и поглядеть налево, в сторону эллинга. Это кто-то несколько раз хлопнул дверью. Должно быть, случилась какая-то неполадка с замком, потому что теперь до меня явственно донесся нетерпеливый возглас и очередной удар. На сей раз дверь, видно, заперлась, и мгновением позже послышались шаги. На тропинку бодрой походкой вышел Годфри Мэннинг.

Я не знала, направляется ли он сюда, или же тропинка, не доходя до этого места, разветвляется и ведет под деревьями к вилле Рота. Я уже открыла рот, чтобы позвать его, надеясь не разбудить при этом Филлиду, как вдруг Годфри сам посмотрел в мою сторону и увидел меня среди камней. Он приветственно поднял руку, но я поспешно прижала палец к губам, предупреждая готовый сорваться с его губ возглас, и настойчиво поманила к себе.

Неудивительно, что на лице Годфри появилось испуганное выражение. Впрочем, когда он подошел ближе и остано-

вился на тропинке надо мной, оно быстро сменилось тревогой и сочувствием.

– Люси? Что-то случилось? Вам плохо? Солнечный удар? – Голос его вдруг изменился. – Или опять тот чертов помешанный с винтовкой?

Я покачала головой. Ужасно глупо, но если до сих пор мне огромным усилием и удавалось держать себя в руках, то теперь я вдруг поняла, что не могу вымолвить ни слова, и просто указала на море.

Он взглянул сверху на расщелину, однако с такого расстояния, естественно, ничего не увидел и, проворно пройдя ко мне сквозь заросли, одной рукой осторожно обнял меня за талию.

– Присядьте... Сюда. Ну как, лучше? Пока больше не пытайтесь ничего говорить. Вас что-то напугало, верно? Вот тут, у берега? Ладно, посидите минутку спокойно, а я пойду взгляну. Только не двигайтесь. Просто сидите и ни о чем не волнуйтесь.

Я сидела, намертво стиснув руки между коленями, не отрывая глаз от земли и слушая, как шаги Годфри, быстрые и уверенные, удаляются по камням к воде. Затем настала тишина. Пауза затянулась. Внизу бормотало море, над головой пронзительно щебетали гнездящиеся на утесе стрижи.

Я подняла взгляд. Годфри стоял на том же самом месте, где недавно стояла я, уставившись на воду. Со своего камня я видела его в профиль – он был потрясен. Только теперь до

меня дошло, что и он тоже в первый миг наверняка решил, что там лежит Спиро. Если бы я только способна была разумно мыслить и говорить, мне следовало предусмотреть это и избавить Годфри от подобного испытания.

Я прочистила горло.

– Это не... не Спиро?

– Нет.

– А вы не знаете, кто это?

Мне показалось, что Мэннинг на миг заколебался, но потом он кивнул.

– Его зовут Янни Зоулас.

– Ах! Вы знали его лично? – Почему-то меня это потрясло, хотя было лишь логично предположить, что утонувший – из местных рыбаков. – Значит, он откуда-то неподалеку?

– Да, из деревни.

– А что... что, по-вашему, произошло?

– Бог весть. Одно очевидно: какой-то несчастный случай на море. Янни был рыбаком и обычно выходил в море один... Да вы, должно быть, видели его лодку, она вечно сновала туда-сюда вдоль берега – довольно симпатичное голубое суденышко с коричневым парусом. Но во вчерашнюю непогоду... Вот уж не думал...

Голос его умолк. Нахмурившись, Годфри некоторое время глядел вниз, на воду, а потом повернулся и запрыгал по камням обратно к тому месту, где сидела я.

– Двое за одну неделю?

Это само собой сорвалось у меня с губ, причем таким тоном, как будто Годфри мог что-то ответить. Я вовсе не собиралась говорить ничего подобного и была готова прикусить себе язык с досады, что не сдержалась.

— Двое за одну неделю? — Мэннинг повторил вопрос таким безжизненным тоном, что было ясно: он не уразумел, о чем это я. — А-а-а, да, понимаю.

— Простите. Ужасно глупо с моей стороны. Я просто подумала вслух. Не стоило вам напоминать. Всего лишь ужасное совпадение.

— При обычных обстоятельствах, — отозвался Годфри, — я бы сказал, что не верю в совпадения. Собственно говоря, не будь я свидетелем того, что случилось со Спиро, я бы наверняка начал гадать, что же здесь такое происходит. — Он помолчал, вновь устремив взгляд на расщелину. — В общем, всего-то и произошло, что в одну неделю утонули два молодых человека из одной деревни, но в обществе, которое живет главным образом за счет моря, этому вряд ли стоит так уж удивляться. Вот только...

— Только что?

Мэннинг встревоженно поглядел на меня:

— Вряд ли можно было ожидать подобную эпидемию в такую чудесную летнюю погоду.

— Годфри, в чем дело? У вас такой вид, как будто вы думаете...

Я тоже резко умолкла, прикусив губу. Мэннинг мрачно

глядел на меня и молчал.

– Вы пытаетесь сказать мне, что это не был несчастный случай? – хрипло закончила я.

– Боже праведный, ну конечно нет! Просто, что это создает определенные проблемы. Но вам не о чем тревожиться. В любом случае, быть может, все еще обойдется.

«Вам не о чем тревожиться». Одному Небу известно, что бы он сказал, если бы хоть отчасти догадывался, какие проблемы это передо мной ставит. Я сама точно не знала, отчего умолчала о вчерашнем вечере. Теперь мне кажется, что это второе происшествие было окутано каким-то ореолом жестокости и опасности – ореолом, ощутимым скорее на интуитивном, нежели сознательном уровне. Поэтому-то, должно быть, я вовсе не так удивилась, как можно было ожидать, и поэтому-то, наверное, какой-то инстинкт, говорящий об опасности, заставил меня придержать язык. Как будто тот первый бесшумный выстрел из винтовки подал сигнал тревоги и лишь молчанием я могла оградить себя от всего этого, остаться внутри своего маленького мыльного пузыря тишины и покоя, уберечь свой зачарованный остров от вторжения пришельцев из жестокого мира, откуда я бежала в поисках убежища.

Поэтому я только и сказала:

– А у него были родственники?

– Жена. Они живут с его родителями. Вы, наверное, видели их дом, такой розовый, на перекрестке.

– Да. Прелестный домик. Помню, мне еще подумалось, что там, должно быть, живут зажиточные люди.

– Да, так оно и было. Без него им туго придется.

Я посмотрела на Мэннинга, пораженная не столько словами, банальными сами по себе, сколько совершенно непонятной сухостью тона.

– Нет, вы явно на что-то намекаете. Вам что-то об этом известно, правда? Почему вы не скажете мне?

Годфри заколебался, что-то прикидывая, потом внезапно улыбнулся:

– И вправду, отчего бы и не сказать? Это и меня-то вряд ли касается, а уж вас и точно никоим образом. Просто когда это дело начнет расследовать полиция, может получиться довольно неловко.

– Как это?

Он приподнял плечи:

– Ни один простой и честный рыбак не живет так, как Янни и его семья. Ходили слухи, будто он контрабандист, совершает регулярные вылазки в Албанию и имеет с этого неплохой доход.

– Понятно, но ведь... Мне казалось, что тут в такие игры играет куча народу. Корфу ведь так удачно расположен, буквально дверь в дверь с «железным занавесом». Полагаю, там должны хорошо идти любые «предметы роскоши». Но откуда простому рыбаку вроде Янни Зоуласа добывать такой товар?

– Откуда мне знать? У него были свои контакты. Какой-нибудь сообщник на Корфу, поддерживающий связь с Афинами или Италией... Но я уверен, Янни Зоулас вел это не на свой страх и риск. Не тот характер. Должно быть, занимался этим ради денег.

Я облизала губы.

– Но даже и в таком случае... Вы ведь не предполагаете, что тут может быть какая-то связь... что его могли убить из-за его промысла? Тогда... тогда, Годфри, это убийство!

– Нет-нет, ради бога, у меня и в мыслях не было ничего подобного! Помилуй господи, вовсе нет! Не волнуйтесь вы так. Да вы же белая как полотно! Послушайте, все это чистая ерунда. Сомневаюсь, что бедный Янни был такой важной птицей, чтобы его убивать. Забудьте об этом. Я просто подумал, вдруг он влип в какие-то неприятности, так сказать, с другой стороной, с береговой охраной. По-моему, они тут неплохо вооружены: прожекторы, пулеметы – последнее слово техники. Если дело обстояло именно так, если он был ранен и пытался спастись от погони, то даже в такую, не слишком бурную ночь вполне могло произойти какое-нибудь несчастье. Например, потерял сознание и свалился за борт.

– Понятно. Но если полиция и дознается до этого, у его семьи ведь не возникнет никаких неприятностей?

– Скорее всего, нет. Вряд ли.

– Тогда что же вас тревожит?

– Расследование может подвести полицейских ближе, чем хотелось бы, к юному Спиро, – откровенно признался Годфри. – У меня есть сильное подозрение, что он неоднократно выходил с Янни. Это меня не касалось, вот я и не задавал никаких вопросов. Пареньку надо было содержать мать и сестру, а как – это уж его дело. Но мне не хочется, чтобы теперь это все всплыло на поверхность. Толку никакого, а матери будет неприятно. Послушать ее, так Спиро был *sans peur et sans reproche*¹¹ и вдобавок хороший христианин. Уверен, что, как бы легко мы с вами ни относились к контрабанде, она считает ее безнравственной.

– Не скажу, чтобы я так уж легко относилась к контрабанде. По-моему, если живешь под защитой страны, будь добр повиноваться ее законам. Я просто не удивилась. Но знаете, даже если полиция и выяснит про Спиро что-то порочащее, я уверена, они никогда не скажут Марии. Полицейские тоже люди, тем более когда все уже позади и мальчик мертв.

– Должно быть, вы правы. Ну что ж... – Мэннинг потянулся и вздохнул. – Черт возьми, что за неприятная история. Лучше нам подняться наверх и поскорее с ней покончить. Как вам кажется, вы уже в состоянии идти?

– Да, вполне.

Он взял меня под руку и повел по неровному склону вверх к тропе.

– Я отведу вас к себе домой, к телефону, – сказал он. –

¹¹ Без страха и упрека (*фр.*).

Туда идти ближе, и можно не беспокоить вашу сестру, пока вы хоть немного не придете в себя. Полицейские наверняка пожелают поговорить с вами, так что, если хотите, можете встретиться с ними у меня, а потом я отвезу вас домой на машине... Кстати, у вас с собой была какая-то одежда или только полотенце и босоножки? Если подождете минуточку, я их принесу.

– Все там, в бухте, но, боюсь, Фил тоже там. Я оставила ее спать на пляже. Она, скорее всего, уже проснулась и гадает, куда я запропастилась.

– А-а-а... – Вид у него стал неуверенный. – Что ж, это все меняет, не так ли? Придется ей рассказать. Я не очень-то разбираюсь в подобных вещах, но это ее не... не слишком взволнует или что-нибудь такое?

– Думаю, пока она не увидит тело, с ней все будет в порядке. Все равно ей скоро придется узнать... Постойте минутку, там кто-то идет. Наверное, она.

Секунду спустя из-за утеса и впрямь показалась Фил. Должно быть, она проснулась уже довольно давно, ибо все следы морского купания исчезли. Она заново накрасилась, тщательно уложила блестящие волосы, а поверх купальника накинула премилую пляжную юбку и веселенькую рубашку. Как обычно, вид сестры заставил меня немедленно вспомнить о собственной неприглядности. Я в первый раз за утро осознала, как же, должно быть, сейчас выгляжу: на коже запеклась соль, волосы мокрые, а лицо – я отлично себе пред-

ставляла – все еще бледно-зеленое от потрясения.

– Мне слышались чьи-то голоса, – весело окликнула нас она. – Привет, Годфри! Шли навестить нас или просто искупаться?

– Ни то ни другое. Был в эллинге, осматривал яхту, а потом увидел Люси.

– Это ты мои туфли несешь? – вмешалась я. – Огромное спасибо. Как ты догадалась, что они мне понадобятся?

– Ну, дорогая, – засмеялась Фил, – зная тебя, я сразу как проснулась и обнаружила, что ты исчезла, то поняла, что ты бродишь тут вокруг по заливчикам и бог знает как далеко забредешь. – Она со смехом повернулась к Годфри. – Я бы ничуть не удивилась найти ее самое меньшее с консервной банкой, до краев полной всяких ракушек и рачков, чтобы отнести их домой. Помню, как-то...

Она вдруг умолкла и несколько секунд смотрела то на меня, то на Мэннинга, а потом голос ее стал резче:

– Люси... Годфри... Что-то случилось. Что именно?

Годфри колебался ровно на миг дольше, чем следовало.

– Ваша сестра слегка перегрелась на солнце, а я предложил отвести ее к себе и дать выпить чего-нибудь прохладительного. Она сказала, что вы на пляже, так что я как раз собирался за вами. Надеюсь, вы к нам присоединитесь?

Голос его звучал безупречно, легко и естественно, но мою сестру было нелегко провести.

На моем лице и в том, что Годфри все еще поддерживал

меня под локоть, она прочла ответы на все вопросы.

– Что-то случилось, – повторила она еще резче. – Люси, ты ужасно выглядишь. И солнечный удар тут ни при чем, не морочь мне голову, с тобой же в жизни ничего подобного не происходило. Так в чем дело? Ты поранилась?

– Нет-нет. Со мной все прекрасно, честно-честно.

Я осторожно высвободилась, подняла взгляд на Годфри и вдруг совершенно неуместно поразились, что он гораздо привлекательнее, чем мне казалось раньше. Солнечный свет подчеркивал его глубокий загар, выующиеся волосы спереди выгорели и стали совсем светлыми. Глаза на фоне загорелого лица выглядели светло-серыми.

– Можете выложить ей все начистоту, – посоветовала я.

– Ну ладно. Фил, боюсь, произошла ужасная вещь. Один из местных рыбаков утонул, его прибило здесь к берегу, и Люси нашла тело.

– О боже, какой кошмар! Люси, дорогая... бедная детка! Представляю, как оно выглядело... – Внезапно глаза ее расширились, а рука поднялась к лицу. – Вы видели? Вы можете точно сказать? Я имею в виду... через неделю...

– Это не Спиро, – быстро, почти резко сказал Годфри.

– Не он? – Фил опустила руку и издала глубокий вздох облегчения. – Ах, а я уже подумала... Но это значит – двое за несколько дней? А вы хоть знаете, кто это?

– Один из местных, по имени Янни Зоулас. Вряд ли вы с ним знакомы. Послушайте, мы как раз шли к телефону.

Пойдете с нами? Если я сейчас быстренько сбегая в бухту за всем остальным...

Он резко остановился и повернулся. На то место, где я сидела, натягивая сандалии, упала тень. А за спиной у меня раздался голос Макса Гейла:

– Что-то стряслось?

Я подпрыгнула, словно он ударил меня. Фил и Годфри сдавленно ахнули, точно застигнутые на месте преступления.

Макс был, должно быть, на много стоунов тяжелее Филлиды, но никто даже и не слышал, как он подошел. Наверное, двигается как кошка, подумалось мне.

Несколько секунд никто не отвечал ему. Это была неприятная, напряженная тишина, во время которой мужчины мерили друг друга взглядами, точно два собирающихся подраться пса, кружащие вокруг друг друга. А я сидела, наполовину надев босоножку и глядя на них.

– Стряслось? – переспросил Годфри.

Тут я поняла, что он не хочет ничего рассказывать Гейлу. Это знание пришло ко мне, точно холодок по коже, и почему-то совсем не удивило. Мистер Гейл перевел взгляд с Годфри на Фил, потом на меня. Я быстро опустила голову, натянула босоножку и начала застегивать ремешок.

– Очевидно же, что-то произошло, – нетерпеливо произнес Макс. – Я смотрел на бухту в бинокль, и мне почудилось там нечто странное – то ли какие-то обломки, то ли еще что-

нибудь. Но я никак не мог разобрать. Потом сюда направилась мисс Уоринг, и я увидел ее на скале. Она остановилась, заглянула в одну из расщелин, и по ее реакции стало совершенно очевидно, что там оказалось что-то и в самом деле очень нехорошее. Потом пришли вы, и все стало еще яснее. Что там? Или мне пойти и взглянуть самому?

Ответила ему Филлида. Должно быть, она не заметила скрытых намеков, заставивших меня похолодеть, — но ведь она и не знала того, что было известно мне.

— Мертвое тело, — на одном дыхании выпалила она. — Утопленник. Вон там, в расщелине. Мы как раз идем звонить в полицию.

Настал миг тишины, столь глубокой, что мне показалось, будто я различаю где-то в вышине громкий и пронзительный крик береговой ласточки. Затем Макс Гейл спросил:

— Кто это? Вы знаете?

Годфри все еще молчал, не сводя глаз с лица Гейла. Ответить снова пришлось Филлиде.

— Я забыла имя. Годфри говорит, он из деревни. Какой-то Янни.

— Янни Зоулас, — подсказала я.

Макс поглядел на меня так, словно в первый раз осознал, что я здесь. Хотя у меня сложилось впечатление, будто даже сейчас он не видит меня по-настоящему. Он молчал.

— Вы его знали? — спросила я.

Темные глаза на миг остановились на мне, а затем Гейл

снова отвернулся к морю.

– Ну да, немного.

– Вы утверждаете, – наконец заговорил Годфри, – что увидели на воде что-то непонятное. Не можете сказать точнее, на что это было похоже? Это не могли оказаться обломки потонувшего баркаса?

– А? Ну я же вам говорю, на таком расстоянии ничего нельзя было разглядеть толком, но весьма вероятно... Боже, да, пожалуй, очень похоже на правду!

И вдруг, единым мигом, Гейл оказался всецело с нами, взгляд его стал острее.

– Хотел бы я знать, во сколько он вышел в море вчера вечером? – отрывисто заговорил он. – Около полуночи мне показалось, будто я слышу лодку, направляющуюся на северо-восток. – Он поглядел на Годфри. – А вы не слышали?

– Нет.

– Вчера вечером? – удивилась Филлида. – Неужели это произошло так недавно? А вы не можете сказать, Годфри?

– Я не специалист. Не знаю. Не думаю, чтобы он успел пробыть в воде долго. Тем не менее будет нетрудно выяснить, когда его видели в последний раз.

Я не отрывала глаз от лица Макса Гейла. Теперь оно казалось задумчивым, мрачным – каким угодно, только не таким, каким, по моему мнению, должно было выглядеть.

– Наверное, это случилось за последние сорок восемь часов. Я сам видел его лодку в субботу. Она проплыла мимо

бухты около трех часов дня.

Не зная я того, что знала, в жизни бы не заподозрила, что он лжет – или, по крайней мере, скрывает часть правды. На миг я даже подумала, что, может быть, Янни вчера вечером шел вовсе и не в Каstellо, но тут же вспомнила, что мистер Гейл за последние несколько минут дал мне очередной повод сомневаться в его искренности. Внезапно он посмотрел вниз и поймал на себе мой взгляд. Я поспешно опустила голову и занялась второй босоножкой.

– Что ж, – произнес Годфри, – можно будет спросить у его семьи, и чем скорее мы передадим дело в руки специалистов, тем лучше. Пойдемте? Во всяком случае, можно хотя бы никого не оставлять рядом с телом. Прилива нет, и его не унесет... Куда это вы?

Макс Гейл не удосужился ответить – он уже скакал по камням вниз. Годфри сделал быстрое, невольное движение, словно желая остановить его, но потом пожал плечами и повернулся к нам.

– Вы не против? Мы быстро.

И в свою очередь заскользил вниз через кусты.

Гейл уже склонился над расщелиной. Как и Годфри, он некоторое время стоял, глядя на тело, но потом сделал то, что не пришло в голову ни Годфри, ни мне: лег на камень и запустил руку в воду, словно стараясь дотянуться до утопленника. Годфри снова резко дернулся, но, похоже, рассудил, что едва ли можно уничтожить улики простым при-

косновением, так что промолчал и остановился рядом, пристально наблюдая за действиями Макса.

– Что там, во имя всего святого, они делают?

Я съежилась, обняв руками колени. Несмотря на солнце, меня вдруг начала пробирать дрожь.

– Не знаю и знать не хочу. Надеюсь только, они все же поторопятся. Мне хочется что-нибудь на себя надеть, вызвать полицию и поскорее покончить со всем этим делом.

– Бедный ягненок, мерзнешь? Вот, возьми.

Фил сняла с себя рубашку и заботливо накинула мне на плечи. Я с благодарностью укуталась в нее.

– Огромное спасибо. Чудесно. – Я выдавила слабый смешок. – По крайней мере, это вновь включает меня в соревнование! Хотелось бы мне, чтобы ты не всякий раз выглядела так, словно только что вернулась от Элизабет Арден, когда я ощущаю себя ничтожеством по сравнению с мистером Гейлом. Наверное, это меня он видел в море. Если, между нами говоря, он там вообще что-то видел.

Филлида быстро глянула на меня:

– Что это значит? Звучит многозначительно.

– Да нет, ничего.

Она присела рядом со мной.

– Ты редко говоришь что-то просто так. Что ты имела в виду?

– Не нравится мне это происшествие, вот и все.

– Боже праведный, а кому оно нравится? Но ведь это про-

сто происшествие, а?

– Не знаю. У меня такое ощущение, как будто... как будто тут что-то происходит. Не могу это выразить лучше, и, вполне возможно, я ошибаюсь, но мне кажется – кажется, – Годфри тоже это чувствует. Почему они с мистером Гейлом не любят друг друга?

– Правда? А я и не замечала. Пожалуй, они и впрямь держались сегодня настороже, да? Сдается мне, Годфри более взволнован, чем показывает. Кроме того, после этой истории со Спиро прошло только несколько дней... А Макс Гейл и не пытается быть очаровательным, тебе не кажется?

– У него что-то свое на уме, – уклончиво заметила я, желая намекнуть лишь на то, что из-за личных проблем Гейла-младшего – ну, например, связанных с отцом – его трудно узнать или оценить по достоинству.

Но Филлида восприняла мое замечание именно на счет всего происходящего и кивнула.

– Да, мне тоже так показалось... О, ничего особенного, просто он думает о чем-то другом. Но ты-то что имела в виду?

Я заколебалась.

– Тебя не поразило, как странно мистер Гейл воспринял новости?

– Да нет вроде бы. Наверное, оттого, что я знаю его лучше, чем ты. Он всегда не слишком общителен. А что именно «странное» ты имеешь в виду?

Я снова заколебалась, но решила не уточнять.

– Как будто он вовсе не удивился тому, что сюда выброшено тело.

– Думаю, так оно и было. Он ожидал, что это окажется Спиро.

– Ну да, конечно, – сказала я. – Смотри, по-моему, они возвращаются.

Мистер Гейл закончил свой тягостный осмотр, отдернул руку, сполоснул ее соленой водой и поднялся, вытирая ладони платком. Насколько я могла судить, двое мужчин все еще не обменялись ни единым словом. Потом Годффри что-то произнес, указывая на нас с Фил, и они оба повернулись в нашу сторону.

– Слава богу, – вздохнула я.

– Когда ты чего-нибудь выпьешь, тебе сразу станет лучше, старушка, – сказала сестра.

– Кофе, – отозвалась я, – сладкий, как любовь, и горячий, как ад.

– Как знать, может, это как раз в духе Годффри.

Мужчины вскарабкались на тропинку рядом с нами.

– Ну что? – спросили мы с Фил в один голос.

Они обменялись взглядами, которые можно было бы назвать даже общими.

– Интересно было бы послушать, что скажет врач, – ответил Гейл. – Похоже, его чем-то здорово треснули по голове. Я предполагал, что сломана шея, но вроде бы нет.

Мы с Годфри встретились глазами.

— Что ж, — поспешила сказать я, поднимаясь на ноги, — когда лодка найдется, может, там окажется что-то такое, что прольет свет на это происшествие.

— А пока, — заметил Годфри, — мы знаем только, что это случилось, и теперь дело за полицией. Ну что, пойдёмте?

— Слава богу! — воскликнула я. — Но мне все равно хотелось бы одеться. Мои вещи...

— Господи, совсем забыл. Ладно, подождите здесь еще минутку, я мигом.

— Идите, — вдруг вмешался Макс Гейл в свойственной ему отрывистой, даже агрессивной манере. — А я схожу за вашими вещами и принесу их туда.

Его совершенно очевидно не приглашали с нами, но, столь же очевидно, он твердо вознамерился услышать все, что будет сказано полиции. Мне даже показалось, Годфри собирается возразить, но тут Филлида поднялась на ноги.

— Да-да, пойдёмте отсюда! Мне здесь не по себе. Мистер Гейл, если бы вы и впрямь были таким ангелом... Я тоже там кое-что оставила, под соснами.

— Непременно поищу. Я мигом. Не ждите меня, я догоню.

И он быстро ушел. Годфри поглядел ему вслед. Серые глаза были удивительно холодными. Но, заметив, что я наблюдаю за ним, он улыбнулся:

— Итак, сюда.

Тропинка вела вдоль утеса до эллинга, а там поворачива-

ла и зигзагами поднималась через рошу вверх по склону. Мы брели по ней, радуясь тени. Годфри шел между нами, опекая нас с такой трогательной неловкостью, что в любое другое время это было бы даже забавно. Но сейчас я могла мечтать лишь о коротком уединении у него в ванной, мягком удобном кресле и – за неимением кофе – холодном соке. Я надеялась, Макс Гейл поторопится сходить за одеждой. По моим расчетам, он не должен был сильно задерживаться – вряд ли ему захотелось бы пропустить то, что будет сказано полиции. Я даже удивилась, что он пошел на такой риск, вызвавшись сходить на пляж.

Годфри чуть отстал, помогая Фил перебраться через сухое русло ручья, промытого зимними дождями поперек тропы. Я на несколько шагов опередила их, как вдруг тропа повернула и в просвет между деревьями открылся вид на место, где мы недавно стояли.

И как это я сама не догадалась, что у Макса Гейла имелись весьма веские основания предложить сходить за одеждой? Он вернулся к расщелине и снова лежал на камнях, что-то нашаривая в воде. Я видела его голову и плечи. В тот миг, как я заметила его, он вытащил руку из воды и проворно поднялся на ноги. Я юркнула в тень деревьев, и как раз вовремя: он быстро оглянулся по сторонам, а потом взбежал обратно на тропинку и скрылся из виду.

– Устали? – раздался голос Годфри у меня за спиной.

Я вздрогнула:

– Нет, нисколько. Просто переводила дыхание. Но буду рада, когда это все закончится.

– А кто не обрадуется? У меня такое ощущение, будто я провел с полицией целую неделю. – Он помолчал и с горечью добавил: – По крайней мере, им известна дорога сюда и какие вопросы задавать.

Филлида ласково коснулась его плеча.

– Бедный Годфри. Но мы вам ужасно благодарны. И хотя бы на этот раз случившееся вас лично не касается... разве что как ужасное совпадение.

Его глаза встретились с моими. В них застыло мрачное выражение, которое я уже начала узнавать.

– Я не верю в совпадения, – отозвался он.

Глава 7

Это что такое?

Человек или рыба?

Мертвое или живое?

У. Шекспир. Буря. Акт II, сцена 2

То ли Филлида расстроилась сильнее, чем показывала, то ли прогулка по жаре вниз на пляж, а потом купание и подъем к вилле Рота оказались для нее чрезмерным напряжением сил, но к вечеру, хотя остаток дня мы провели тихо-мирно и она вздремнула часок-другой после ланча, сестра была усталой, нервной, раздражительной и легко позволила уговорить себя пораньше отправиться в постель.

Мария с Мирандой ушли тотчас же после обеда. В десять часов весь дом затих. Сосны на холме и те застыли, а закрыв окно, я перестала слышать даже шум моря.

Я и сама ощущала усталость, но вместе с тем какое-то неясное беспокойство, сна не было ни в одном глазу. Поэтому я потихоньку прокралась в вылизанную дочиста пустую кухню, сварила себе кофе, унесла его в salotto, забралась с ногами в кресло, поставила пластинку Моцарта и приготовилась провести тихий вечер.

Но тщетно. Ни спокойная красивая комната, ни даже музыка не могли удержать в отдалении тревожные мысли, что ломились, требуя позволения войти, с самого утра. Несмотря

ря на все попытки отвлечься, мой мозг непрестанно обращался к утренним событиям: ужасной находке в расщелине, неприкрытой враждебности Мэннинга и Гейла и последовавшему за всем этим долгому, утомительному допросу, явившему свету божьему немало новых проблем.

Приехавшие из Корфу полицейские были вежливы, старательны и доброжелательны. Они прибыли почти сразу после того, как мы добрались до дома Годфри, и немедленно отправились с обоими мужчинами осматривать тело. Скоро откуда-то приплыл катер и довольно быстро отбыл с грузом. Потом возник второй и начал крейсировать по морю вокруг – надо полагать, разыскивая «обломки», которые якобы видел (и продолжал на том настаивать) мистер Гейл. Мы с Фил наблюдали с террасы виллы Рота, как суетливое суденышко кружит неподалеку от берега, но с каким успехом – понять было невозможно за неимением бинокля мистера Гейла.

Потом мужчины вернулись. Нас всех подвергли допросу, но мне было легко отвечать, ибо никто и представить не мог, что я когда-либо в жизни уже встречала Янни, так что меня спрашивали только о том, как я нашла тело.

И когда Макс Гейл вторично заявил полиции, что в глаза не видел Зоуласа после того, как краем глаза заметил его баркас во второй половине дня в субботу, я не сказала ни слова.

Вот что угнетало меня сейчас, пока я сидела одна-одиношенька в salotto, а за окнами сгущались тени и в освещен-

ные стекла бились ночные мотыльки. И если я наконец начинала все четче понимать, почему поступила подобным образом, то все еще не готова была признаться в этом даже себе, поэтому решительно выкинула из головы все посторонние мысли и попыталась сосредоточиться на фактах.

В них, по крайней мере, содержалось хоть что-то утешительное. Годфри перезвонил нам днем, чтобы сообщить последние известия. Оказалось, что лодку Янни нашли в море и на гике обнаружили налипшие волосы и следы крови – по всей видимости, в какой-то момент лодку сильно качнуло, тяжелое бревно ударило злополучного рыбака по голове и вышвырнуло его за борт. Закатившаяся под груды веревок и снастей почти пустая бутылка джина, скорее всего, являлась ключом к разгадке беспечности молодого рыбака. По словам Годфри, доктор придерживался мнения, что Янни уже был мертв, когда попал в воду. Полиция, похоже, не считала нужным проводить дальнейшее расследование. Обломков же, о которых упоминал мистер Гейл, не было найдено и следа.

Наконец – в этой части рассказа Годфри был довольно уклончив и изъяснялся намеками, потому что телефон обслуживался местной линией, – противозаконная деятельность погибшего никак не упоминалась. Должно быть, его лодку обыскали, но не нашли там ничего подозрительного, так что полиция (всегда склонная закрывать глаза на мелкие грешки, если только ее не заставляли принимать меры) сошлась на том, что роковой выход в море был обычной ры-

балкой и что смерть Янни произошла в результате несчастного случая. Совершенно очевидно, никто не намеревался затягивать следствие.

Это касательно проблем, волновавших Годфри. Моя же обеспокоенность заходила немного дальше.

Полицейское расследование установило, что последний раз семья видела Янни живым в воскресенье: по словам домочадцев, он провел день с ними, ходил посмотреть шествие и вернулся домой во второй половине дня. Да, судя по всему, он был в хорошем настроении. Да, он изрядно выпил. Пообедал, а потом ушел. Нет, куда идет, не сказал, а с чего бы вдруг? Они решили, что как обычно – ловить рыбу. Он спустился на берег, к лодке. Да, один – он почти всегда уходил в одиночку. С тех пор они его не видели.

Согласно полицейскому рапорту, с тех пор его вообще никто не видел. И я не сказала ни слова, которое могло бы изменить этот рапорт. Если Годфри боялся, как бы следствие не привело к Спиро, то я волновалась, как бы оно не затронуло Джулиана Гейла. То, что в это дело каким-то боком замешан Макс Гейл, казалось совершенно очевидным, но у меня на этот счет имелась собственная теория, вряд ли оправдывавшая внимание полиции к деятельности Янни и, как следствие, нарушение драгоценного покоя сэра Джулиана. Поскольку Янни погиб от несчастного случая – а я не видела причин сомневаться в том, что это был именно несчастный случай, – уже не имело никакого значения, если он и в са-

мом деле тайком посещал Каstellло вчера вечером перед выходом в море. Так что коли Макс Гейл решил молчать, то это не моя забота. Я могу оставаться в своем зачарованном мыльном пузыре и ни о чем не тревожиться. Уже не важно, что там произошло...

Но я-то вполне отдавала себе отчет, что на самом деле очень даже важно, и это знание не давало мне уснуть в уютном кресле, пока одна пластинка незаметно сменяла другую, а стрелки часов медленно ползли к полуночи. Во-первых, я невольно узнала информацию, которую предпочла бы не знать. А во-вторых...

Пластинка остановилась. Издав серию тихих механических щелчков, автомат уронил очередной диск, осторожно опустил на него ручку с иголкой, и комнату ослепительным золотым потоком наполнил кларнет Жерваза де Пейера.

Я снова принялась мысленно перебирать известные мне сведения. Нет-нет, не больше одной вещи зараз. Лучший способ забыть все неясные подозрения и надуманные предчувствия – это сосредоточиться на том, что знаешь наверняка...

Годфри уверен, что Янни был контрабандистом и что у него был сообщник – скорее всего, босс. Я же теперь, в свою очередь, прониклась уверенностью, что этим сообщником являлся не кто иной, как Макс Гейл. Все сходилось один к одному: и тайный визит Янни перед отплытием, и молчание Гейла по поводу этого визита. Моя версия увязывалась и с

тем, что так обеспокоило меня сегодня утром, – с реакцией Гейла на известие о смерти Янни. Он вовсе не удивился, услышав, что у скал лежит чье-то тело, причем, что бы там ни предполагала Фил, вовсе не потому, что решил, будто это Спиро. Мне было яснее ясного, что мысль о Спиро даже не пришла ему в голову. Ведь в первую очередь он спросил: «Кто это? Вы его знаете?», хотя самым очевидным предположением было бы то, которое пришло в голову всем нам, остальным, – что это тело погибшего юноши.

И если моя догадка соответствовала истине, то действия Гейла-младшего были вполне закономерны. Он знал, что Янни собирался накануне уйти в плавание; должен был знать и то, что это плавание сопряжено с определенным риском. Он, очевидно, не ожидал смерти Янни, но, едва услышав о принесенном морем теле, не испытал ни малейших сомнений, кто это. Все эти мифические обломки, которые он якобы видел, – чистой воды выдумка; в чем в чем, а в этом я была абсолютно уверена. На самом деле он заметил возле расщелины среди скал сперва меня, а потом и Годфри, мигом смекнул, в чем дело, и придумал себе предлог, чтобы спуститься и посмотреть самому. Отсюда вытекало это резкое «кто это?» и следующая мгновенная реакция – как можно тщательнее осмотреть тело, скорее всего проверяя, нет ли следов насилия. Без сомнения, окажись там такие следы, ему бы пришлось раскрыть правду или хотя бы часть правды. Но поскольку их не оказалось, он придержал язык за зубами и,

несомненно, не меньше Годффри был рад, что в ходе расследования не выплыла деятельность погибшего.

Да, все сходилось, даже то, что Гейл тайком вернулся к расщелине – вероятно, осмотреть тело тщательнее, чем рискнул это сделать при Годффри, и удалить из вещей Янни все, что могло бы вывести на след его сообщника. Гейлу крупно повезло, что на лодке не оказалось ничего подозрительного: то ли, когда произошел несчастный случай, Янни уже возвращался домой, то ли вчерашнее плавание и впрямь было всего лишь обычной рыбалкой. И даже выстрел в дельфина не нарушал общей картины. Теперь я уже не сомневалась, что в него стрелял именно Гейл, опасаясь, как бы дельфин не привлек сюда толпы туристов и тем самым не уничтожил столь необходимое контрабандистам безлюдье. Но я рассудила, что, как бы ни разбирало меня зло на подобное варварство, гнев еще не дает мне права настаивать на расследовании, которое, вполне возможно, навредит семье Спирос и наверняка доставит кучу неприятностей семье Янни. Двум осиротевшим семьям и так уже нелегко пришлось. Нет, лучше буду держать рот на замке и благодарить судьбу за то, что мне позволено с чистой совестью остаться в своем зачарованном мыльном пузыре. Что же до Макса Гейла...

Концерт для кларнета подошел к концу. Звонкий каскад взлетающих ввысь ликующих нот окончился победоносным золотым аккордом. Граммофон отключился.

В наступившей тишине я услышала какое-то шепотание

из комнаты Филлиды. Похоже, сестра зачем-то встала.

Я бросила взгляд на часы. Двадцать минут первого. Ей давным-давно следовало спать. Я направилась через холл к ее двери.

– Филлида?

– Ой, входи, входи!

Голос у нее был нервный и раздраженный. Войдя, я обнаружила, что она встала с постели и судорожно роется в комоде, без разбора вышвыривая и разбрасывая по полу все содержимое.

В пышном просторном пенюаре из желтого нейлона, с распущенными волосами и огромными, окруженными тенью глазами она выглядела прелестно. Но лицо у нее было такое, точно она вот-вот заплачет.

– Что такое? Ты что-то ищешь?

– О господи! – Фил рывком выдвинула очередной ящичек, наспех перевернула его и с треском захлопнула снова. – Ну конечно, как бы ему сюда попасть... Нет, ну какая же я чертова дура, и как я только могла?

Я поглядела на нее с некоторой тревогой. Филлида в жизни не употребляла таких крепких выражений.

– Что ты могла? Что-нибудь потерялось?

– Мое кольцо. Бриллиант. Распроклятый фамильный бриллиант Форли. Когда мы спускались в бухту. После всех этих неприятностей я только сейчас о нем вспомнила. Я ведь была в нем, правда? Правда?

– Боже мой, да! Но ты же сняла его перед тем, как входить в воду, разве не помнишь? Послушай, Фил, перестань паниковать, никуда оно не делось. Ты положила его в косметичку, такую маленькую сумочку на молнии. Я сама видела.

Фил была уже возле платяного шкафа и лихорадочно рылась в карманах пляжной рубашки.

– Я надела его, когда вышла из воды, или нет?

– Не думаю. Что-то не припомню... Нет, точно не надевала. Я бы заметила его у тебя на руке. Когда мы пили кофе у Годфри, у тебя не было никакого кольца. Но, радость моя, ты положила его в сумочку. Я помню.

Она запихнула рубашку обратно и хлопнула дверцей шкафа.

– В том-то все и дело! Проклятье! Дурацкая косметичка осталась там, на пляже!

– О нет!

– А где еще? Говорю тебе, тут ее нет, я все обыскала.

Дверь в ванную комнату была открыта настежь, а на полу, среди полотенец и шлепанцев, валялась пляжная сумка. Филлида, явно в сотый раз, подняла ее, перевернула кверху дном, потрясла и отшвырнула обратно. Раздраженно пихнув полотенце ногой, сестра повернулась ко мне лицом – глаза трагические, руки раскинуты, точно у скорбящего ангела, умоляющего о благословении.

– Видишь? Я оставила чертову стекляшку на чертовом пляже!

– Да, но послушай минутку... – Я поспешно обдумывала, что сказать. – Наверное, ты все-таки надела его после купания. В конце-то концов, ты ведь брала косметичку, когда красилась. Может, ты тогда надела кольцо, а потом сняла у Годфри, когда умывалась? Наверное, оно у него в ванной.

– Нет-нет, я уверена! Совершенно ничего про него не помню, а если бы я была в нем, когда умывалась у Годфри, то непременно запомнила бы. Просто нельзя не обратить внимания, – откровенно добавила она, – когда сверкаешь им направо и налево. Ой, какая же я дура! Я вообще не собиралась привозить его сюда, но забыла положить в банк, а носить на руке безопаснее, чем... По крайней мере, я так думала! О черт, черт, черт!

– Ладно, послушай, – попыталась я урезонить ее, – еще рано волноваться. Если ты не надевала кольца, то оно все еще в той косметичке. Где ты последний раз ее видела?

– Там, где мы сидели. Наверное, она завалилась куда-нибудь в сторону под дерево, а когда Макс Гейл пришел за нашими вещами, он ее не заметил. Взял все в охапку и помчался догонять.

– Вполне возможно. Он очень спешил.

– Вот и я о том же. – Филлида не заметила в моем тоне ничего особенного, она говорила без всякой задней мысли, только то, что думала, глядя на меня огромными испуганными глазами. – Это несчастное кольцо просто валяется там на песке и...

– Ну ладно, ради бога, только не смотри на меня так! На берегу оно ровно в такой же безопасности, как и в доме! Тут да никто не забредет, а если даже и забредет, кому придет в голову поднимать какую-то никчемную пластмассовую сумочку с косметикой?

– Вовсе она не никчемная, ее мне подарил Лео. – Фил начала плакать. – Уж если на то пошло, он подарил мне и это гнусное кольцо, а оно принадлежит его гнусной семье, и если я его потеряю...

– Не потеряешь.

– Прилив его унесет.

– Там нет прилива.

– Значит, твой дурацкий дельфин его сожрет. С ним обязательно что-нибудь случится, знаю, знаю, что случится. – Она окончательно потеряла способность здраво соображать и плакала вовсю. – И вовсе ни к чему Лео было дарить мне такую драгоценность и рассчитывать, что я буду день и ночь глаз с нее не спускать! Бриллианты – сущее наказание: если они не в банке, то у тебя все время душа не на месте, а если в банке, то расстраиваешься оттого, что носить не можешь, так что ты в любом случае проигрываешь, и заводить их не стоит, и это кольцо стоит тысячи и тысячи, а в лирах еще хуже – миллионы, – рыдала она взхлеб, – и вдобавок придется иметь дело с матерью Лео, не говоря уже об этой жуткой коллекции тетушек, а если я скажу тебе, что его дядя, скорее всего, станет кка-кка-кардиналом...

– Ну что ты, золотко, это наверняка не испортит ему карьеры, так что возьми себя в руки, ладно, и... Эй! Что это ты делаешь?

Она снова распахнула шкаф и достала оттуда куртку.

– Если ты думаешь, что я смогу хоть на секундочку сомкнуть глаза, пока это кольцо валяется там...

– Нет-нет, и не думай! – как можно тверже произнесла я, отбирая у нее и пряча обратно куртку. – Не валяй дурака. Конечно, ты очень разволновалась, а кто бы не разволновался, но ты ведь не пойдешь туда посреди ночи!

– Еще как пойду!

Филлида снова схватилась за куртку. Голос ее опасно звенел. Она была близка к самой настоящей истерике.

– Не пойдешь, – поспешно возразила я. – Я сама схожу.

– Тебе нельзя! Не можешь же ты идти одна. Уже за полночь!

Я засмеялась:

– Ну и что? Ночь великолепная, а я, поверь, предпочитаю прогуляться, чем наблюдать, как ты тут доводишь себя до состояния хныкающей развалины. Я тебя не виню, сама бы на стенку лезла. Так тебе и надо, моя дорогая, будешь знать, как сверкать этой штуковиной где ни попадя!

– Но, Люси...

– Я уже все решила. Быстренько сбегаю и вернусь с твоей бесценной потерей, так что, ради всего святого, осуши глазки, а не то доревешься до выкидыша или еще чего, а вот то-

гда Лео и впрямь найдет, что тебе сказать, не говоря уже о его матери и тетушках.

– Я с тобой.

– Ни за что. И не спорь. Ложись в постель. Давай-ка... Я точно помню, где мы сидели, и к тому же возьму фонарик. Ну-ка, вытирайся, я дам тебе «Овалтин» или еще чего-нибудь, и ложись. Давай-ка поскорей!

Я не часто бываю строга с Филлидой, но в таких случаях моя сестра поразительно покладиста. Вот и сейчас она поднялась и улыбнулась дрожащими губами:

– Ты ангел, честное-пречестное слово. Мне ужасно стыдно за себя, но все равно ничего не поделаешь, я не успокоюсь, пока не получу его назад... Послушай, у меня идея: может, позвонить Годфри и попросить его сходить? Ох нет, он ведь говорил, что вернется поздно, помнишь? А как насчет Макса Гейла? Это ведь некоторым образом его вина, это он проглядел косметичку... Мы могли бы позвонить ему и спросить, не видел ли он ее, а тогда ему просто ничего не останется, кроме как вызваться сходить и посмотреть...

– Не собираюсь просить Макса Гейла об одолжении.

На этот раз Фил обратила внимание на мой тон. Я торопливо добавила:

– Лучше я сама схожу. Ей-богу, мне совсем не трудно.

– А не боишься?

– Чего тут бояться? В привидения я не верю. Да и потом, на улице совсем не так темно, как кажется отсюда. Небо все

в звездах. Думаю, у тебя найдется фонарик?

– Да, на кухне, на полке возле двери. Ой, Люси, ты святая! Я ни на миг не засну, пока эта гнусная стекляшка не будет в безопасности в своей коробочке.

Я засмеялась:

– Надо тебе брать пример с меня и покупать украшения сама знаешь где. Тогда сможешь терять их на пляже, сколько влезет, и не бояться, что Лео тебя побьет.

– Если бы я думала, что дело ограничится этим, – сказала Филлида, понемногу приходя в себя, – то, верно, была бы только рада. Но главное, это его мать.

– Знаю. И тетушки. И кардинал. Не начинай снова их всех перечислять, моя девочка. Я прекрасно понимаю, они запилят тебя до смерти. Но не волнуйся. Я принесу тебе «Овалтин», и твой ненаглядный бриллиант будет лежать у тебя под подушкой, не успеешь и глазом моргнуть. До скорого.

Лес был недвижим и тих, прогалина залита звездным светом. При моем приближении лягушки поплюхались в воду. Теперь от пруда доносился лишь легкий плеск и шелест листьев лилий, покачивающихся на покрывшейся рябью воде.

На миг я остановилась. Да, я сказала Филлиде, что не верю в привидения, и отлично понимала, что бояться нечего, но сейчас даже ради спасения собственной жизни не смогла бы бросить взгляд на то место, где вчера видела Янни. По коже у меня пробежал холодок, волосы встали дыбом, как у

ощетинившейся кошки.

В следующее мгновение я услышала тихий звук пианино и подняла голову, прислушиваясь к доносящейся из-за деревьев слабой, замирающей мелодии.

Эти музыкальные фразы были мне знакомы – я слышала их вчера вечером. Несомненно, именно они заставили меня невольно остановиться и вспомнить о бедном Янни.

Призрак исчез. Тропинка на пляж стала самой обычной тропинкой. Но я повременила спускаться в бухту, а медленно, так, словно вместо воздуха дышу водой, начала красться по дорожке к Каstellо.

У края розового сада я остановилась, прячась в тени. В воздухе висел тяжелый, пьянящий аромат роз. Музыка звучала яснее, но все равно как-то приглушенно, точно доносилась из дома, а не с террасы. Я узнала очередной отрывок – простенькую лиричную мелодию, которая внезапно спотыкалась и обрывалась, как пропущенная в темноте ступенька. От этой мелодии мне сделалось тревожно на душе. Через некоторое время пианист остановился, начал заново, поиграл еще примерно с полминуты и снова остановился, чтобы вернуться на несколько тактов назад. Он повторял одну и ту же длинную музыкальную фразу несколько раз подряд, пока наконец не перескочил через трудное место. Музыка снова полилась без запинки.

Когда пианист опять прервался, я расслышала бормотание голосов: четкие, хорошо поставленные реплики Джули-

ана Гейла и неразборчивые ответы Макса. Потом пианино снова заиграло.

Так, значит, он был там и работал. Они оба были там. Словно выяснив все, что хотела – что бы на самом деле ни привело меня сюда, – я повернулась и с помощью фонарика нашла дорогу обратно по тропинке от Каstellо, через прогалинку, где впервые повстречала Макса Гейла, и вниз по неровным ступеням к бухте.

После непроглядной тени леса на пляже казалось светло как днем. Идти по плотному полумесяцу белого песка было легко. Выйдя из-под деревьев, я выключила фонарик и поспешила к тому месту, где мы сидели утром. Нависавшие сверху сосны образовывали в этом уголке озерцо густой тени, такой черной, что на миг мне показалось, будто там что-то лежит. Еще одно тело.

Однако теперь я не остановилась. Я знала, что это обман зрения, игра теней, не более того, очередной призрак, от которого кожа покрывается мурашками, отпечатавшееся в памяти изображение, – но на этот раз не живого Янни, а мертвого.

Сверху негромко играла музыка. Не включая фонарика, чтобы вспышка не привлекла внимания Гейлов, я приблизилась к кромке деревьев.

Там и вправду что-то лежало. Не тень – что-то массивное, темная продолговатая фигура, до жути похожая на мою страшную утреннюю находку. И это уже не было игрой во-

ображения.

На этот раз шок буквально сразил меня. Помню быстрый рывок сжавшегося сердца, острую, пугающую боль, от которой вся кровь в теле забилась, точно под ударами молота, – совсем как рывок ноги заводит двигатель мотоцикла. Тяжелые, болезненные пульсации отдавались мне в голову, в пальцы, в горло. Руки конвульсивно сжались на фонарике с такой силой, что рычажок выключателя сдвинулся вниз и поток света выхватил из тьмы то, что лежало под соснами.

Не тело. Длинный гладкий сверток с чем-то непонятным, длиннее человеческого роста. Он лежал ровно на том самом месте, где мы сидели утром.

Я невольно прижала руку к ребрам под левой грудью. Театральный жест, но, как все театральные клише, он основан на жизненной правде. По-моему, я бессознательно пыталась удержать свое перепуганное, обезумевшее сердце, не дать ему выпрыгнуть из грудной клетки. Я простояла так, наверное, несколько минут, вся зачоченев, не в состоянии ни двинуться вперед, ни убежать.

Сверток не шелохнулся. Кругом не было слышно ни звука, кроме далекой игры на пианино и слабого плеска моря.

Мой ужас медленно начал слабеть. Тело там или не тело, а оно явно не могло причинить мне никакого вреда, и – мрачно подумала я – легче иметь дело с дюжиной мертвых тел, чем предстать перед Филлидой без бриллианта Форли.

Направив луч фонарика на непонятный предмет под де-

ревьями, я храбро приблизилась к нему.

Сверток пошевелился, и в свете фонарика ярко блеснул живой глаз. Дыхание у меня перехватило, крик уже рвался с губ, но в последнюю долю секунды я вдруг увидела, что это такое. Живое существо, но не человек. Это был дельфин.

Дитя Аполлона. Любимец Амфитриона. Морской волшебник. Выброшенный на сушу и беспомощный.

Глаз скосился вбок, следя за мной. Хвост снова шевельнулся, словно пытаясь грести на твердой земле, как в воде, и звучно шлепнул по россыпи твердой гальки. Среди камней раскатилось гулкое эхо.

Я на цыпочках подошла ближе, в темноту сосен.

– Милый, – тихонько окликнула я. – Что с тобой? Ты не ранен?

Дельфин лежал тихо, не двигаясь и следя за мной зорким влажным глазом. Глупо было пытаться поймать его взгляд, словно ожидая ответа, но зато, по крайней мере, я не уловила в этом взгляде страха передо мной. Я осторожно провела лучом фонаря по всей длине тела – похоже, никаких ран или ссадин. Потом я осмотрела песок кругом – там не было крови, лишь широкая вдавленная полоса, где животное было вытащено или выкинуто из воды. Луч фонарика выхватил из темноты бледный отблеск косметички Филлиды, завалившейся между сосновыми корнями. Я рывком подняла ее, даже не заглянув внутрь, запихнула в карман и тут же напрочь позабыла о ее существовании. Скорее всего, бриллиант ле-

жал внутри в целостности и сохранности, но сейчас дельфин значил для меня гораздо больше любого бриллианта – выброшенный на берег, беспомощный, легкая добыча для всякого, кто пожелает расправиться с ним. А кому-то очень хотелось с ним расправиться, я это знала... Более того, если не вернуть дельфина обратно в воду, он непременно умрет, стоит только взойти солнцу и высушить его.

Я выпрямилась, лихорадочно стараясь собраться с мыслями и вспомнить все, что когда-либо читала или слышала про дельфинов. Впрочем, не так уж и много. Я знала, что дельфины, как и киты, иногда выбрасываются на берег без всяких видимых причин, но если они при этом не поранились и если их поскорее снова спустить в воду, то ничего дурного им не сделается. Еще я знала, что нельзя допускать, чтобы они высыхали, иначе кожа растрескается и воспалится, туда попадет всякая зараза. И последнее – что они дышат через дыхало на верхней части головы и что оно должно быть чистым.

Я снова включила фонарик. Да, в верхней части головы и впрямь виднелось дыхальце, узкая щель в форме полукруга, поблескивающая ноздря. Оно было открыто, но наполовину забито песком. Кое-как приладив фонарик в корявых сосновых ветках, я набрала пригоршню воды и осторожно вымыла песок из щели.

Просто удивительно, какое же теплое у него оказалось дыхание. Оно мягко коснулось моей ладони, и от этого дельфин

тотчас же показался мне гораздо роднее, но в то же время его дружелюбие и ум сделались стократ менее волшебными и более трогательными. Я и подумать не могла о том, чтобы уйти и бросить его умирать, не попытавшись спасти.

Проведя руками по темной спине, я со страхом отметила, какой грубой и шероховатой на ощупь стала его кожа – ночной бриз уже почти высушил ее. На какое расстояние мне придется его тащить? Время от времени самый краешек волны, нагоняемой тем же самым бризом, подбегал и легонько касался кончика дельфиного хвоста, но по-настоящему до воды оставалось еще около четырех ярдов, да и то там было совсем мелко. Насколько я знала, еще через несколько футов берег резко обрывался, уводя на глубину под скалами. Если бы удалось хотя бы наполовину погрузить дельфина в воду, то я уже могла бы без труда маневрировать его весом.

Выключив фонарик, я с грехом пополам обхватила дельфина обеими руками и попыталась подтащить к воде. Не вышло: у меня не получалось как следует ухватиться, руки скользили по безупречно гладкой поверхности. За спинной плавник ухватиться тоже не вышло, а после моей попытки потянуть за боковые плавники он в первый раз проявил признаки беспокойства, и я испугалась, как бы он не начал сопротивляться и не загнал себя еще дальше на берег. Наконец, опустившись на колени, я уперлась в дельфина плечом и принялась со всей силы толкать к морю. Но он не сдвинулся ни на дюйм.

Обливаясь потом и чуть не плача, я поднялась на ноги.

– Ничего не получается. Радость моя, ты даже не шелестелся!

Яркий влажный глаз внимательно наблюдал за мной. Позади, в каких-то четырех футах, плескалось и шелестело под ветром море. Четыре фута. Жизнь или смерть.

Я сняла фонарик с дерева.

– Сбегаю за веревкой. Если я обвяжу тебя, то, наверное, как-нибудь сумею стянуть. Обмотаю вокруг дерева, смастерю рычаг, в общем, придумаю что-нибудь. – Я наклонилась и погладила беспомощное животное по спине, шепча: – Я быстро, любовь моя, буду бежать всю дорогу.

Но прикосновение к коже дельфина, сухой и шершавой, заставило меня призадуматься. На то, чтобы раздобыть веревку или привести помощь, уйдет немало времени. К Годфри можно и не ходить – он ведь куда-то уехал и, наверное, еще не вернулся, даром потеряю драгоценные минуты. А в Каstellо идти нельзя. Придется возвращаться домой. Лучше перед уходом полить бедняжку водой, чтобы он продержался до моего возвращения.

Скинув босоножки, я бросилась на отмель и принялась брызгать на дельфина. Но брызги едва долетали до хвоста, и (слишком уж тут было мелко) вместе с водой летело столько грязи и песка, что это грозило высушить его еще больше.

Тут я вспомнила о пластмассовой косметичке. Дурацкая, конечно, штуковина и крошечная, но все же лучше, чем ни-

чего. Выскочив на берег, я достала ее, включила фонарик и вывалила всю косметику Филлиды на песок. В электрическом свете ярко блеснул алмаз Форли. Нацепив его на палец, я распихала остальное по карманам и сунула туда же фонарь. Потом побежала к морю и вылила на дельфина первую жалкую пинту воды.

Казалось, на то, чтобы как следует полить его, ушел целый век. Нагнуться, выпрямиться, побежать, вылить, нагнуться, побежать, вылить... Добравшись наконец до головы, я прикрыла дыхальце ладонью и осторожно расплескала воду вокруг – как ни трудно поверить, но дельфины могут утонуть, а в данных условиях вряд ли можно было рассчитывать, что его дыхательный рефлекс сработает верно. Когда я стала лить воду ему на морду, он сперва заморгал, что меня удивило, но потом снова принялся неотрывно наблюдать за мной, кося глазом на то, как я сновала туда-сюда.

Наконец я решила, что на какое-то время хватит. Я уронила сумочку, вытерла руки о куртку, которая, скорее всего, уже была безнадежно загублена, нацепила босоножки и ободряюще похлопала по мокрой шкуре.

– Я вернусь, солнышко, не волнуйся. Как только смогу. А ты дыши. И будем молиться, чтобы никто сюда не пришел.

Лишь этим я призналась, хотя бы даже сама себе, отчего так шепчу и отчего, едва смогла обходиться без света, тотчас же выключила фонарик.

Оставив дельфина на берегу, я стрелой помчалась назад

через пляж. Пианино умолкло, но из-за открытых окон террасы все еще пробивались слабые лучики света. На самой террасе ничто не шевелилось. Вскоре тропинка привела меня в лес и начала подниматься по крутому склону к вилле Форли. Я снова включила фонарик и, задыхаясь, бросилась вверх. Поднявшийся ветер шевелил ветви деревьев, наполняя лес шорохами, в которых тонули звуки моих шагов.

Вот и залитая звездным светом прогалинка. При моем приближении лягушки попрыгали в заводь. Вода блеснула, отражая свет фонаря. Едва выйдя из тени деревьев, я тотчас выключила его, осторожно пересекла открытое пространство и остановилась перевести дыхание на дальнем краю полянки, прислонившись к стволу молодого дубка, росшего в том месте, где тропинка снова ныряла под темные своды леса.

Когда я вышла из-под дуба, на тропе что-то зашевелилось.

Я вздрогнула, пальцы невольно сжались на рукоятке фонарика. Вспышка света выхватила из тьмы отступившую в сторону фигуру. Мужчина – и всего в каком-нибудь ярде от меня. Я едва не налетела прямо на него.

Кусты рядом со мной затрещали. Из них кто-то выпрыгнул. Фонарик с силой вырвали у меня из руки. Я резко повернулась и, наверное, завопила бы так, что и мертвого разбудила бы, но нападавший грубо схватил меня, притянул к себе и крепко зажал мне рот рукой.

Глава 8

*Тсс, тише, чтобы крот слепой не слышал
Шагов. Вот мы пришли к его пещере.
У. Шекспир. Буря. Акт IV, сцена 1*

Он был очень сильный. Я боролась и вырывалась, но без малейшего успеха. Мне удалось, правда, укусить его за ладонь, и, наверное, довольно больно, потому что он дернулся, сдавленно охнул и отнял руку, прошипев по-английски:

– Молчите, понятно?

Впрочем, он тут же обеспечил мое молчание куда более действенным образом, рывком прижав мою голову к своей груди, так что я уткнулась лицом в его куртку и не только не могла издать ни звука, но и ничего не видела. Куртка у него была влажной и пахла морем.

Мне померещилось какое-то неясное движение на тропинке рядом с нами, но на самом деле я ничего не слышала, кроме собственного тяжелого дыхания, дыхания неведомого противника и бешеного биения моего сердца. Нападавший так сильно прижимал мою голову к своей груди, что у меня начало ломить затылок, в щеку пребольно впилась одна из пуговиц, а ребра, намертво стиснутые его второй рукой, казалось, вот-вот затрещат.

Я перестала вырываться и обмякла. Немедленно жестокая хватка тоже чуть ослабла, но он держал меня по-прежнему

крепко, поймав и сдавив оба моих запястья. Едва он слегка освободил зажим, я дернула головой. Если закричать во всю мочь, с террасы Каstellо меня услышат... они мигом прибегут... ведь даже Макс Гейл...

— Где вы были? — резко осведомился державший меня человек.

Я задохнулась от неожиданности. Увидев, что я не собираюсь кричать, он отпустил меня.

— Вы? — пролепетала я.

— Где вы были?

Я поднесла руки к лицу, растирая саднящую щеку.

— А вам-то что? — Меня разбирала ярость. — Вам не кажется, что вы зашли слишком далеко, мистер Гейл?

— Вы ходили в Каstellо?

— Ничего подобного! А если бы даже...

— Значит, на пляж. Зачем?

— А какие у вас, собственно, основания?.. — начала я, но вдруг остановилась.

Злость и испуг заставили меня на время забыть все, что сегодня произошло. Может, у Макса Гейла и не было никакого права требовать отчет о моих передвижениях, зато вполне могли иметься самые веские основания желать узнать о них.

Что ж, скрывать мне было нечего и незачем.

— Я ходила за кольцом Филлиды, — угрюмо произнесла я. — Она забыла его утром на пляже. И не смотрите на меня так, будто не верите ни единому моему слову: оно лежало в ма-

ленькой косметичке, а вы ее не заметили. Вот, видите? – Я сунула бриллиант ему под нос, но тут же спрятала руку поглубже в карман, как будто боялась, что Гейл попытается отнять кольцо, и свирепо уставилась на него. – А теперь, быть может, вы мне ответите, что за игры тут устроили? Позвольте сказать вам, это уже не шутка! Так и до похищения недалеко. Вы сделали мне больно.

– Простите. Я не хотел. Боялся, вы закричите.

– Силы небесные! Разумеется, закричала бы. Но если и так, вам-то какое дело?

– Ну, я... – Он замялся. – Кто-нибудь мог услышать... Мой отец... Это могло его напугать.

– Как заботливо с вашей стороны! – едко заметила я. – А то, что меня вы напугали до полусмерти, конечно, не в счет? Образцовый сын, да? Прямо удивляюсь, и как это вы решились выйти из дома в столь поздний час и оставить отца одного! И уж коли на то пошло, сами-то вы где были, что не хотите, чтобы об этом кто-нибудь узнал?

– Ловил рыбу.

– Неужели? – Язвительное замечание, уже рвавшееся с моих губ, умерло, не успев родиться на свет. – Но ведь полчаса назад вы были в Каstellо, – медленно произнесла я.

– О чем это вы? Мне казалось, вы сказали, что не ходили наверх к Каstellо.

– Звуки, которые вы извлекаете из пианино, – вредным голосом пояснила я, – их и с материка, наверное, слышно. С

пляжа я их, по крайней мере, слышала.

– Это невозможно.

Он говорил отрывисто, но с видимым недоумением.

– Говорю же вам, слышала! Вы играли на пианино, а потом о чем-то разговаривали с отцом. Я узнала голоса. Это были вы!

Макс несколько секунд помолчал.

– Насколько я могу судить, – с расстановкой произнес он наконец, – вы слышали проигранную на магнитофоне рабочую версию, с комментариями и прочим. Но все равно не понимаю, как это могло быть. Моего отца нет дома. Он ночует у друга.

– И далеко ли?

– Если вас это так уж интересует, то в Корфу.

– Вы, должно быть, считаете, что мне больше нечем заняться, – сухо промолвила я.

– Что? О, я... – Ему хватило такта слегка запнуться. – Боюсь, я сказал первое, что пришло на ум. Но отца правда нет дома.

– И вас тоже там не было? Что ж, кто бы там ни включал магнитофон, но алиби получилось изумительное.

– Не говорите глупостей.

Его смех прозвучал совершенно естественно. Должно быть, Макс унаследовал какую-то долю отцовского таланта. Наверное, только человек, так поднаторевший в различении актерства в голосе, как я, мог бы уловить, что под напускным

весельем таится напряженная работа мысли.

– Ваше воображение не знает границ, мисс Уоринг! Прощу вас, не ищите во всем страшной тайны. По каким-то причинам мой отец решил вернуться домой и коротал время, слушая запись, – вот и все. Что же до меня, то мы с Адони ездили на рыбалку. И если это вас утешит, то вы тоже напугали меня до полусмерти. Боюсь, моя первая реакция и впрямь была слегка грубой. Простите, мне очень жаль. Но если кто-то внезапно выпрыгивает из леса и мчится прямо на тебя, то ты... ты действуешь соответственно.

– Соответственно чему? Закону джунглей? – продолжала дерзить я. – Не назвала бы подобную реакцию вполне нормальной, если только вы не ожидали... Кстати, а чего вы ожидали, мистер Гейл?

– Сам не знаю. – (Это, по крайней мере, звучало похоже на правду.) – Мне показалось, что кто-то поспешно поднимается с пляжа, стараясь, чтобы его не слышали, но почти все звуки тонули в шуме ветра, так что я не был окончательно уверен. Потом шаги остановились, словно этот кто-то спрятался и стал ждать. Естественно, это заставило меня призадуматься, что же тут, собственно, происходит, вот я и решил тоже немного выждать.

– Я всего лишь остановилась отдышаться. Ваше воображение не знает границ, мистер Гейл.

– Очень может быть.

Не уверена, что он вообще заметил насмешку. Накло-

нив голову, он внимательно разглядывал руку, поворачивая кисть в разные стороны.

— Ну вот, и когда я уже думал, что ослышался, вы вдруг выскочили из кустов, точно олень во время гона. Поэтому я вас и схватил. Чистый рефлекс.

— Ясно. Полагаю, то, как вы вырвали у меня фонарик прежде, чем я успела что-либо разглядеть, тоже было чистым рефлексом?

— Безусловно, — деревянным голосом отозвался он.

— И то, что, даже разглядев, кто я, вы все равно продолжали действовать как... как гестапо?

Никакого ответа. Теперь я могу лишь предположить, что возбуждение и мгновенный испуг выбросили мне в кровь слишком много адреналина. Наверное, я немножко зарва-лась. Помню, меня самую слегка удивляло, что я ничуть не бо-юсь своего собеседника. На каком-то уровне, должно быть, я объясняла свое бесстрашие тем, что этот человек (несмотря на сомнительное участие в авантюрах, которые Годфри на-звал контрабандными вылазками) вряд ли являлся опасным преступником и явно не собирался делать мне ничего плохо-го. На сознательном же уровне говорила себе, что пусть меня повесят, если я соглашусь покорно отправляться домой, да-же не выяснив, что тут происходит. Это уже слишком тесно затрагивало меня, чтобы не обращать внимания. Зачарован-ного мыльного пузыря как не бывало. Я начала подозревать, что его вообще никогда не существовало на свете.

Так что я спросила – таким тоном, словно вопрос носил чисто академический интерес:

– Мне бы все-таки хотелось знать, почему вас так волнует, где я была? Или то, что я могла узнать вас? Или, быть может, мне не полагалось видеть ваших спутников?

Несколько секунд мне казалось, что он не собирается ничего отвечать. Где-то в лесу несколько раз глухо прокричала сова. Лягушка в заводи попробовала было подать голос, но потом испугалась и снова нырнула.

– Спутников? – тихо переспросил Макс Гейл.

– Людей, которые прошли мимо, пока вы меня держали.

– Вы ошибаетесь.

– О нет, вовсе не ошибаюсь. Там был кто-то еще. Я видела его на тропе как раз в тот момент, когда вы на меня набросились.

– Тогда, наверное, не только видели, но и узнали. Это был Адони, наш садовник. Если не ошибаюсь, вы с ним уже встречались?

Вы бы и не заподозрили, что он лжет или хотя бы о чем-то умалчивает. Он говорил таким прохладным светским тоном, словно желая поставить зарвавшуюся девчонку на место. Я почувствовала, как в крови у меня снова с опасной силой забурлил адреналин, а Макс Гейл хладнокровно добавил:

– Он всегда ездит со мной на рыбалку. В чем дело? Вы мне не верите?

– Да нет, – умудрилась ответить я самым приятным голосом, – просто удивляюсь, почему вы не пристали к берегу в вашей части бухты. Довольно странно возвращаться оттуда по этой тропинке – если, конечно, вы просто ловили рыбу.

– Ветер поднимался, так что было проще пристать с другой стороны мыса. А теперь, с вашего позволения...

– Вы хотите сказать, – переспросила я, – что оставили свою яхту на нашей стороне мыса? Должно быть, еще и пришвартовались к нашему причалу? Не слишком ли смело? Думаю, мистер Гейл, вам лучше немедленно снова спуститься вниз и убрать ее оттуда. Мы на вилле Форли не любим нарушителей.

Последовала короткая, напряженная пауза. Затем Гейл неожиданно рассмеялся:

– Отлично. Очко в вашу пользу. Но не сейчас. Уже поздно, а мне еще надо кое-что сделать.

– Полагаю, вам надо еще помочь Адони перенести домой рыбу? Или будет более правильно назвать это «добычей»?

Это его пробрало. Можно подумать, я его ударила. Он резко дернулся, не в мою сторону, но мышцы у меня разом напряглись, и, кажется, я даже отшатнулась на шаг. Теперь я сама не понимала, как это могла счесть Макса Гейла всего лишь бледной копией его отца. И вдруг мне стало очень страшно.

– Вам нечего волноваться, – быстро проговорила я. – Я не собираюсь вас выдавать! Зачем это мне? Мне до этого во-

все нет никакого дела, но, понимаете, ужасно неудобно чувствовать, что ты по уши увяз в чем-то, и потом узнать, в чем именно! Ну да, я все знаю, догадаться было не так уж трудно. Но я никому ничего не скажу – мне слишком дороги Миранда и ее мать и, коли уж на то пошло, ваш отец, чтобы вновь вызывать сюда полицию, которая станет задавать кучу вопросов. Какое мне дело до того, в чем вы замешаны? Но вот до Адони мне дело есть... Вы знаете, что он собирается жениться на Миранде? Зачем было втягивать еще и его? Разве и так мало неприятностей?

После того первого, невольного движения мой собеседник слушал молча, без единого жеста или комментария, но я видела, что он не спускает с меня глаз, сощуренных и внимательных в тусклом сумраке ночи. Когда я наконец умолкла, он едва слышно спросил:

– О чем, во имя всего святого, вы говорите?

– Сами прекрасно знаете. Полагаю, бедный Янни так и не выполнил ту работу, на которую отправился прошлой ночью, так что сегодня вы сами поплыли к албанскому побережью, чтобы ее выполнить. Я права?

– Где... где вы набрались подобных фантазий?

– Фантазий, скажите на милость! – возмутилась я. – Годфри Мэннинг мне сказал сегодня утром.

– Что?!

Если в прошлый раз я его просто задела, то теперь сразила наповал, в самое сердце. Одно-единственное короткое сло-

во заставило меня снова попятиться, но Гейл шагнул вслед за мной. Я наткнулась спиной на дерево и слепо метнулась в сторону – наверное, собираясь бежать, но он проворным движением поймал мое запястье и крепко сжал, не больно, но так, что я не могла бы вырвать руку без борьбы, а скорее всего, даже и тогда.

– Мэннинг? Он вам сказал?

– Пустите!

– Нет, подождите минутку. Я не сделаю вам ничего плохого, не бойтесь. Но вам придется ответить мне. Что сказал Мэннинг?

– Пустите, пожалуйста!

Он немедленно повиновался, и я принялась растирать запястье, хотя мне было несколько не больно. Но теперь меня так и трясло от страха. Случилось нечто такое, что изменило весь характер сцены: на смену легкому, непринужденному обмену милыми колкостями пришло что-то настойчивое, резкое и даже угрожающее. А причиной подобной перемены было имя Годфри.

– Что он сказал вам? – повторил Гейл.

– Про Янни? Что он был контрабандистом и, скорее всего, у него был «сообщник», или как там вы это называете, который привозил ему товар, и что он, Годфри, надеется, полиция не станет ворошить все это дело, потому что Спиро тоже был в нем замешан и если это выплывет наружу, то Мария очень огорчится.

– И все?

– Да.

– Когда он вам это сказал?

– Утром на мысу, перед вашим приходом.

– Ага. – Я слышала, как он облегченно выдохнул. – Так, значит, вы возвращаетесь не от Мэннинга?

– Разумеется, нет! Вы хоть представляете, который час?

– Я... конечно. Простите. Я не подумал. Не хотел вас оскорбить. Так это Мэннинг сказал, что я был сообщником Янни?

– Нет. Я сама до этого додумалась.

– Вы? Но почему?

Я замялась. Приступ страха прошел, а здравый смысл подсказывал, что никакая опасность мне не грозит. Контрабандист Гейл или нет, но вряд ли он меня за это убьет.

– Видела, как Янни поднимался в Каstellо вчера вечером.

– Понятно... – Я почти физически ощущала его изумление и торопливую переоценку ситуации. – Но полиции вы ничего не сказали.

– Нет.

– А почему?

– Сама не знаю, – осторожно ответила я. – Начать с того, что подумала, а вдруг я ошибаюсь и Янни шел вовсе не в Каstellо. Если бы я решила, будто вы имеете хоть какое-то отношение к его смерти, то сразу все рассказала бы. А потом

уже я сообразила, что между вами и Янни есть какая-то связь и что вы знали о том, что он ушел в море вчера ночью.

– Но почему?

– Потому что вы не удивились, услышав, что он утонул.

– Так вы это заметили? Моя ошибка. Продолжайте.

– Но это вас потрясло. Я видела.

– Вы вообще видите чертовски много. – Голос у него был мрачноватый. – Поэтому вы и решили, что я не убивал его?

– Боже праведный, нет! Мне и в голову не приходило, что вы его убили! Если бы я думала, что это был не несчастный случай, сразу бы все выложила. Но ведь... ведь это не так?

– Мне, во всяком случае, ничего такого не известно. Продолжайте. Что еще вы заметили?

– То, как вы вернулись к телу, чтобы еще раз его осмотреть.

– В самом деле? Вы видели это с тропинки? Какая беспечность с моей стороны, я-то думал, меня не видно. А кто еще это заметил?

– Никто.

– Вы уверены?

– Абсолютно.

– И вы опять ничего никому не рассказали? Так-так. Значит, это исключительно ваша идея, что я занимался контрабандой вместе с Янни?

– Да.

– А теперь вы убедились в этом наверняка. И по-прежнему

му не намерены никому ничего говорить?

Я сказала без вызова, из простого любопытства:

– А как бы вы могли проследить за этим?

– Дорогая моя, даже и пробовать не стану, – так же просто ответил он. – Могу лишь заверить вас, что крайне важно, чтобы никто не знал, где я был сегодня ночью, совсем никто. Очень прошу вас молчать об этом.

– Тогда не волнуйтесь. Я никому не скажу.

Наступила короткая пауза.

– Вот так вот легко и просто? – спросил он каким-то странным тоном.

– Я же говорила – ради вашего отца, – пожалуй, с излишней поспешностью ответила я, – и ради Марии. Только...

– Да?

– Говорят, беды ходят по трое, и если что-то случится с Адони...

Гейл засмеялся:

– Ничего с ним не случится, обещаю! Не могу взять на себя ответственность повредить такое произведение искусства, как Адони! Ну-у... – В одном коротком слогe таилось целое море облегчения. Затем тон Гейла изменился, снова стал обычным, бодрым и непринужденным. – Не стану вас больше задерживать. Уже бог знает сколько времени, и вам пора вернуться домой с вашим сокровищем. Мне очень жаль, что я не заметил его утром и заставил вашу сестру пережить не самые лучшие полчаса. И простите, что напугал вас. Ска-

зять, что я благодарен, было бы главным преуменьшением года. Позвольте проводить вас домой?

– Не стоит, правда, спасибо. В любом случае разве вам не лучше было бы подняться наверх и помочь Адони?

– С ним все в порядке. Разве вы не слышали сигнал?

– Сигнал? Но тут не было никакого... – Увидев его улыбку, я остановилась. – Неужели сова? Нет, в самом деле, как банально! Это и вправду был Адони?

Он засмеялся:

– И никто иной. Подручный разбойника добрался до дому цел и невредим вместе со своей «добычей». Так что идемте, я провожу вас домой.

– Нет, правда, я...

– Ну пожалуйста. Кроме всего прочего, в лесу темно и вам было не по себе, верно?

– Не по себе? Нет, разумеется!

Он с удивлением посмотрел на меня:

– Тогда чего ради вы так мчались обратно?

– Потому что...

Я замолчала. Дельфин. Я совсем забыла про дельфина. Ветерок, играющий ветвями деревьев,дохнул на меня. По коже пробежали мурашки. А бедный дельфин сох под этим самым ветром. Я быстро произнесла:

– Уже поздно, Фил волнуется. Прошу вас, не утруждайтесь. Я прекрасно дойду и сама. Доброй ночи.

Но едва я шагнула к туннелю под сводами леса, Гейл до-

гнал меня.

– Я все же предпочел бы проследить, чтобы вы безопасно добрались до дома. И потом, вы были совершенно правы насчет лодки. Лучше, чтобы утром она была под рукой. Переведу ее с подветренной стороны, вдоль сосен.

Как я ни старалась, но не смогла сдержать невольной дрожи. Макс Гейл ощутил ее и остановился.

– Одну минуту.

Рука его легла мне на плечо. Я повернулась. Под деревьями царил непроглядный мрак.

– Вы уже выяснили про меня гораздо больше, чем мне хотелось бы, – сказал Гейл. – Думаю, настал ваш черед проявить немного откровенности. Вы встретили кого-то в бухте?

– Нет.

– Кого-то видели?

– Н-нет.

– Вы совершенно уверены? Это очень важно.

– Да.

– Тогда почему не хотите, чтобы я спускался туда?

Я промолчала. Горло стало сухим и жестким, как картон. К глазам подступали слезы напряжения, страха и усталости.

– Послушайте, – снова заговорил он, настойчиво, но без малейшей враждебности, – мне надо знать. Когда-нибудь я объясню вам почему. Черт возьми, я ведь вынужден довериться вам – как насчет того, чтобы и вы взамен доверились

мне? Там внизу случилось что-то такое, что вас очень напугало, да? Поэтому вы и бежали наверх, точно заяц от ружья охотника. Так что это было? Либо вы скажете мне, либо я спущусь вниз и сам посмотрю. Итак?

Я бросила карты на стол.

– Это был дельфин, – дрожащим голосом произнесла я.

– Дельфин? – непонимающе повторил Гейл.

– В бухте.

Настала пауза, а потом он сказал с резкостью, рожденной отчасти досадой, а отчасти облегчением:

– И предполагается, что я пойду вниз стрелять в него прямо посреди ночи? Я же вам говорил: не трогал я вашего зверя! – И добавил уже более ласково: – Послушайте, у вас выдался трудный день, вы испуганы и взволнованы. Никто вашему дельфину ничего не сделает, так что вытрите глазки, и я отведу вас домой. Он, знаете ли, сам может о себе позаботиться.

– Не может. Он на пляже.

– Где?!

– Выбросился на берег. Не может выбраться.

– О боже, вы все еще думаете, что я могу как-то ему повредить?.. – Он осекся и, кажется, в первый раз вник в то, что я ему говорю. – Выбросился на берег? Вы хотите сказать, что он лежит прямо на пляже?

– Да. Далеко от воды. Он умрет. Я пыталась его сдвинуть, но не смогла. Я как раз побежала за веревкой, потому и то-

ропилась. Если он слишком долго пролежит без воды, ветер высушит его и он умрет. А мы потеряли столько времени...

– Где он?

– С другой стороны, под соснами. Что вы... Ой! – Этот невольный крик был ответом на то, что рука Гейла сжалась у меня на локте и резко развернула кругом. – Что вы делаете?

– Не волнуйтесь, больше не нападаю на вас. А теперь слушайте: у меня на яхте есть веревка. Я схожу за ней и как можно скорее присоединюсь к вам. Возвращайтесь к дельфину и ждите меня. Вы сможете поддерживать в нем жизнь еще минут двадцать? Отлично. Не волнуйтесь, вдвоем мы справимся. Но, – легкая заминка, – постарайтесь не шуметь, хорошо?

Не успела я ответить, как он уже ушел. Я слышала, как его быстрые, но осторожные шаги удаляются вниз по той дороге, откуда он пришел.

Глава 9

*...Вернись, свободный,
К стихиям – и прости!*

У. Шекспир. Буря. Акт V, сцена 1

Ни на сомнения, ни на вопросы времени не было. С ними придется подождать. Повинуясь Гейлу, я стрелой полетела по тропинке обратно на пляж, через полосу светлого песка, туда, где все еще покоилась длинная глыба.

Карий глаз раскрылся навстречу мне. Дельфин был жив.

– Все будет хорошо, он скоро придет, – зашептала я, снова принимаясь бегать взад-вперед и поливать дельфина водой.

Если я и заметила, что даже мысленно не потрудилась определить, кто именно «он», то это тоже могло подождать.

И он пришел, быстрее, чем я ожидала. Из-за мыса вывернула маленькая моторка, но мотор был выключен, лишь капали капли с уключин и глухо шлепали по воде весла. Впрочем, легкий бриз и плеск моря о скалы заглушал почти все звуки, пока лодка не вынырнула из тени в нескольких ярдах от меня. Когда она приблизилась, Макс Гейл поднялся на ноги. Раздался негромкий стук дерева о камень, мой неожиданный помощник шагнул на берег, наскоро привязал лодку к сосенке и подбежал ко мне с мотком веревки на плече.

– Господи. И как он только сюда попал?

– С ними такое случается, – пояснила я. – Я сама чита-

ла. Иногда их выкидывает буря, а иногда у них что-то происходит с локаторами и они выпрыгивают одним махом, и, прежде чем успевают понять, куда попали, уже все, кругом сплошная суша. Нам еще повезло, что прилив и отлив здесь не больше фута, а то он мог бы оказаться за много миль от воды. Как вы думаете, вам удастся его сдвинуть?

– Попробую. – Гейл склонился над бедным животным. – Проблема в том, что не за что толком ухватиться. У вас, кажется, был фонарик?

– Я выронила его в лесу, когда вы на меня напали.

– Да, верно. В лодке вроде бы есть... Ох нет, мы плавали без света. Ну ладно, можете зайти к нему с другой стороны?

Мы вместе попытались ухватить и приподнять дельфина – и не без некоторого успеха, потому что нам удалось стащить его вниз примерно на фут. Но сам дельфин свел все наши усилия на нет. То ли его испугало присутствие Макса, то ли стало больно от того, как мы его тянули по песку и мелкой гальке, но он начал вырываться – порывисто, однако яростно, так что после нескольких минут отчаянных усилий мы выиграли лишь все тот же фут. Я полностью выбилась из сил, а Макс Гейл тяжело дышал.

– Не очень-то здорово. – Он выпрямился. – Этот приятель весит добрую тонну – все равно что пытаться тянуть огромную бомбу в смазке. Придется пускать в ход веревку. Она его не поранит?

– Не знаю, но надо попробовать. Если оставить его здесь,

он умрет.

– И то верно. Ну ладно, помогите мне обвязать его поперек хвоста, в самом узком месте.

Дельфин лежал как бревно, но, когда мы нагнулись к его хвосту с веревкой, медленно скосил глаз в нашу сторону. Без фонарика нельзя было ничего понять наверняка, но мне начало казаться, что этот глаз стал не таким ярким и живым. Хвост был тяжелым и холодным на ощупь, как что-то уже мертвое. Пока мы возились, пытаюсь приподнять его и продеть в петлю, на нем не дрогнул ни единый мускул.

– Он умирает, – всхлипнула я. – Это сопротивление, наверное, совсем его доконало.

Смахнув слезы тыльной стороной ладони, я снова взялась за работу. Веревка намокла, стала неподатливой, а хвост дельфина был покрыт толстым слоем грубого песка.

– Не слишком ли вы убиваетесь?

Я взглянула на своего помощника, завязывавшего петлю. Тон его звучал вовсе не грубо, но у меня почему-то сложилось впечатление, будто мысленно Гейл где-то в другом месте: до дельфина ему и дела не было, а хотелось лишь поскорее покончить с этой историей и вернуться к своим темным и малопочтенным ночным занятиям, в чем бы там они ни заключались.

Что ж, хотя бы честно. Еще спасибо, что вообще сюда пришел. Но какой-то старый защитный инстинкт заставил меня сказать – пожалуй, чуть горше, чем стоило бы:

– Мне кажется, вы были бы куда как счастливы в этой жизни, если бы могли стоять себе в стороне, как простой зритель, и заниматься своими делами, а все остальные пусть делают что хотят и ранят себя и друг друга. Вы будете обманывать себя, тешиться мыслью, что просто нейтральны, терпимы, а потом в один прекрасный день вдруг поймете, что на самом деле мертвы и никогда не жили. Потому что жить больно.

– А вы готовы разбить себе сердце из-за животного, которое вас совершенно не знает и даже не узнает?

– Ну, кому-то же приходится об этом думать, – жалко ответила я. – И потом, он меня узнает, он хорошо меня знает.

Гейл оставил эту фразу без внимания и выпрямился, держась за веревку:

– Вот, что могли, то сделали, и молю Небо, чтобы мы успели снять ее обратно прежде, чем он рванет отсюда со скоростью в шестьдесят узлов... Ну, взялись. Готовы?

Я скинула плащ на песок, сбросила сандалии, зашлепала на отмель к Гейлу, и мы вместе натянули веревку. Меня даже не удивило, что мы с ним работаем вот так, бок о бок, совершенно естественно, как будто занимаемся этим каждый день. Но все же я остро ощущала каждое прикосновение его рук к моим.

Дельфин сдвинулся на дюйм-другой... еще на дюйм... гладко проскользил фут – и намертво застрял. Теперь тянуть его казалось еще тяжелее, он висел мертвым грузом на веревке, что и нам-то резала ладони, а его наверняка терзала

куда сильнее, возможно, даже рвала кожу...

– Теперь полегче, – сказал Макс Гейл мне на ухо.

Мы прекратили тянуть. Я отпустила веревку и захлопала по воде к берегу.

– Пойду погляжу, как он. Боюсь...

– Черт! – вскрикнул Гейл.

Дельфин внезапно рванулся вперед, мощно ударяя хвостом и разбрызгивая воду и песок. Я услышала, как веревка дернулась у Гейла из рук, и очередное проклятие, когда ему пришлось сделать шаг вперед, чтобы удержаться на ногах.

Я помчалась обратно.

– Простите... Ой! Что такое?

Макс обмотал веревку вокруг правого запястья, и я обратила внимание на то, как он держит левую руку – неловко, напряженно, пальцы полусогнуты, как будто ему больно согнуть ее до конца. Мне сразу вспомнилось, как он осматривал ее наверху, на прогалине. Вот отчего, должно быть, ему было так трудно сделать петлю и никак не удавалось сдвинуть дельфина.

– Что с вашей рукой? – резко произнесла я. – Вы ранены?

– Нет. Простите, но я чуть не нырнул. Что ж, по крайней мере, зверюга еще жива. Идите сюда, попробуем еще раз, пока он не испугался по-настоящему.

Он снова ухватился, и мы предприняли вторую попытку.

На этот раз дельфин лежал смирно, снова сделавшись мертвым грузом. Мы мало-помалу продвигали его, пока не

восстановили утраченную позицию, но тут он снова застрял, и сдвинуть его не удавалось никакими силами.

– Наверное, там какой-то выступ или камень, вот он каждый раз в него и упирается.

Гейл прекратил тянуть, чтобы смахнуть пот с глаз. Я заметила, что он уронил левую руку вдоль тела.

– Послушайте, – робко начала я, – так это займет у нас всю ночь. Может быть, нам... я имею в виду, может, получится стянуть его лодкой... если завести мотор?

Он молчал так долго, что я утратила мужество и торопливо пошла на попятную:

– Нет-нет, все в порядке, я понимаю. Я... я просто подумала: если Адони действительно в безопасности, это уже не важно. Забудьте. Замечательно, что вы вообще взяли на себя этот труд, с вашей рукой и все такое. Наверное... наверное, если я останусь тут на всю ночь и буду регулярно поливать его водой, а вы бы... как вы думаете, вы могли бы позвонить Фил за меня и сказать ей? Можно сказать, что вы увидели меня с террасы и спустились. И если бы вы вернулись утром, когда уже будет можно... вместе с лодкой... или с Адони...

Он повернулся и внимательно поглядел на меня, но я не видела его лица – лишь тень на фоне звездного неба.

– Вы не против? – запинаясь, закончила я.

– Мы стянем его лодкой прямо сейчас, – отрывисто произнес Гейл. – Как лучше – прикрепить веревку к носу и медленно дать задний ход?

Я жадно кивнула.

– Я останусь рядом с ним, пока он не поплывет. Наверное, надо будет поддерживать бедняжку на плаву, пока он не придет в себя. Если он перевернется, то утонет. У него зальется щель для воздуха, а дельфинам надо очень часто дышать.

– Вы же промокнете.

– Я уже промокла.

– Что ж, вам стоит взять мой нож. Вот. Если придется резать веревку, режьте как можно ближе к хвосту.

Я по-пиратски заткнула нож за пояс и зашлепала к тому месту, где лежал дельфин. Нет, мне не мерещилось, милый карий глаз и в самом деле потускнел, кожа снова стала сухой и шершавой на ощупь. Нагнувшись, я погладила его по спине.

– Еще минутку, милый, одну минутку. Не бойся.

– Порядок? – тихо окликнул Макс с лодки, бултыхавшейся в нескольких ярдах от берега.

Он уже закрепил веревку, тянувшуюся в воде от дельфиньего хвоста к кольцу на носу моторки.

– Порядок, – отозвалась я.

Мотор ожил с чиханьем и стуком, сразу наполнившим всю ночь. Моя рука лежала на спине дельфина. Ни дрожи – он не боялся моторок. Потом рокот сделался чуть глуше, перешел в сдавленное рычание, и лодка тихо пошла прочь от берега кормой вперед.

Веревка поднялась, завибрировала, разбрызгивая сияю-

щие капли воды, потом постепенно натянулась. Мотор застучал чаще, веревка напряглась, по ней скользил и лучился звездный свет. Казалось, петля, завязанная в том месте, где огромный лук хвоста горизонтально отходит от туловища, врежется в живую плоть. Вережка была ужасно тугой и, должно быть, причиняла сильнейшую боль.

Дельфин конвульсивно дернулся, и рука моя непроизвольно сжалась на ноже, но я сдержалась. Из прикушенной губы шла кровь, и я так вспотела, словно веревка резала не его, а меня. Мотор стучал ровно и без перебоев, звездный свет играл и серебрился на мокрой веревке...

Дельфин тронулся с места. Огромное тело ровно и гладко заскользило вниз по песку к воде. Держась рукой за петлю, я пошла следом.

– Получается! – выдохнула я. – Можешь продолжать в том же духе, только очень медленно?

– Хорошо. Вот так годится? Свистни, как только он окажется на плаву, и я остановлюсь.

Дельфин медленно катился вниз, точно судно, начинающее спуск в воду. Скрежет песка и сломанных ракушек под его телом звучал в моих ушах так же громко, как и рокот мотора в море. Вот наконец дельфин коснулся кромки воды... проехал по полосе пены... медленно-медленно достиг моря и скользнул глубже. Я не отставала. Вода омыла мне ступни, лодыжки, колени; рука, которой я придерживала петлю, по запястье ушла в воду.

Через несколько шагов мы добрались до места, где дно уходило вниз более круто. Я вмиг оказалась по грудь в воде и задохнулась от прохлады ночной волны. Дельфин стал легонько покачиваться по мере того, как вода начала принимать на себя его вес. Еще несколько секунд – и он должен был целиком оказаться на плаву. Он шевельнулся всего один раз – конвульсивный, резкий рывок, дернувший веревку, как титиву, и здорово задевший мне руку, отчего я громко вскрикнула. Шум мотора тотчас заглох до шепота, а Макс встревоженно окликнул меня:

– Поранилась?

– Нет. Продолжай. Это его поддерживает.

– Еще далеко?

– Нет, мы уже почти на глубине. Он совсем притих, по моему, он... О боже, кажется, он умер! Ой, Макс...

– Спокойней, моя дорогая. Я сейчас. Подержи его еще немного, на первых порах мы поможем ему плыть. Скажи когда.

– Вот-вот... Ага! Стоп!

Мотор умолк – так внезапно, точно захлопнули звуконепроницаемую дверь. Тело дельфина, пассивно покачиваясь на волнах, проплыло мимо меня. Я изо всех сил вцепилась в него, чтобы удержать, а Макс отвязал веревку и торопливо повел лодку к месту швартовки под соснами. До меня донесся лязг закрепляемой цепи, и в следующий миг Макс очутился в воде рядом со мной с намотанным на руку свобод-

ным концом веревки.

– Как тут у тебя? Он мертв?

– Не знаю. Не знаю. Я подержу его, пока ты снимешь веревку.

– Сперва поверни его головой в открытое море, просто на всякий случай... Давай же, старина, поворачивайся... Ну вот. Отлично. А теперь держись, моя радость, я постараюсь побыстрее.

Дельфин недвижно лежал у меня на руках, вялое открытое дыхало еле-еле приподнималось над водой, тело тяжело покачивалось, совсем как давшая течь лодка перед тем, как пойти ко дну.

– Теперь с тобой будет все хорошо, – зашептала я ему еле слышно. – Ты ведь в море... в море! Теперь тебе нельзя умирать... никак нельзя...

– Перестань паниковать, – раздался с другой стороны дельфина обнадеживающий и жизнерадостный голос Макса. – Святой Спиридион приглядывает за своими питомцами. Бедный зверюга слегка вымотался, верно? Тем не менее да сохраняют его небеса именно таким, пока я не сниму с него эту чертову веревку. Замерзла?

– Не очень, – стуча зубами, отозвалась я.

Когда он снова склонился над веревкой, мне показалось, что дельфин чуть заметно пошевелился. В следующий момент я уже была уверена в этом. Под кожей начали перекачиваться бугорки мышц, по могучей спине пробежала мед-

ленная дрожь, плавник дрогнул, пробуя воду, хозяйски опираясь на нее, обретая вес...

– Он шевелится! – восторженно вскрикнула я. – С ним все хорошо! Ой, Макс, скорее! Если он сейчас рванет...

– Если он сейчас рванет, мы уплывем вместе с ним. Веревка мокрая, ничего не получается, придется резать. Дай нож, пожалуйста.

В тот миг, когда он запустил лезвие ножа под веревку и принялся перепиливать ее, дельфин вдруг ожил. Огромные мускулы сократились, коснулись меня раз, другой, а потом я увидела, как подрагивают массивные плечи. Щель для воздуха сомкнулась.

– Быстрее! – настойчиво заторопила я. – Сейчас уплывет! Дельфин плавно выскользнул у меня из рук. Холодная волна окатила меня по шее, огромное тело одним божественным нырком ушло под воду, в сторону открытого моря. Макс сдавленно чертыхнулся, рядом со мной раздался второй всплеск и плюх – это мой спутник, в свою очередь, с головой окунулся в воду. Меня омыла вторая волна, так что я зашаталась, чуть сама не свалившись, и на один ужасный миг испугалась, как бы дельфин не уволок крепко вцепившегося в веревку Макса за собой в море, точно пескаря на леске. Но когда я наконец обрела равновесие и попятилась на отмель, Макс вынырнул рядом со мной и выпрямился по пояс в воде, с обрезанной петлей в руке. Свободный конец веревки болтался рядом. Я схватилась за него, чуть не плача

от радости и восторга.

– Ой, Макс!

Тут я снова оступилась, и его насквозь мокрая рука подхватила меня за талию. Я даже не обратила на это внимания, не сводя глаз с темной, залитой звездным светом морской дали, где горел и переливался, медленно тая во тьме, сияющий след длинных ликующих прыжков и изгибов.

– Ой, Макс... Смотри, вон он плывет, видишь свечение? Вон там... ой, исчез. Уплыл. Ну разве не чудесно?

Во второй раз за эту ночь меня схватили и насильно заставили замолчать – но на сей раз это были губы Макса. Они оказались холодные и соленые, и поцелуй длился целую вечность. Мы промокли до нитки и замерзли, но там, где наши тела соприкоснулись и прижались друг к другу, я ощутила жаркое тепло его тела и быстрый ток крови. Мы оба были все равно что обнаженные.

Наконец он выпустил меня. Мы стояли, не сводя друг с друга глаз.

Я усилием воли заставила себя выйти из транса.

– Что это было? Штраф за розы?

– Вряд ли. Назовем это кульминацией бурной ночи. – Макс откинул мокрые волосы со лба, и я увидела, что он ухмыляется. – Отдых воина, мисс Уоринг. Вы не против?

– Сколько угодно.

«Не принимай этого всерьез, – думала я, – не принимай всерьез».

– Вы с Адони, похоже, долго рыбачили.

– Еще как долго. – Похоже, он вообще не думал о том, как воспринимать все произошедшее. Голос его звучал радостно и откровенно самодовольно. – Собственно говоря, это разрядка чувства, нараставшего целую неделю. А ты не заметила? Отец уследил.

– Твой отец? После нашей первой встречи? Я тебе не верю. У тебя был такой вид, как будто ты готов меня линчевать.

– Мои чувства, – произнес Макс, осторожно выбирая слова, – лучше всего описать как смешанные. И проклятье, если ты не бросишь привычки приближаться ко мне непременно в полураздетом виде...

– Макс Гейл!

Он засмеялся:

– Люси Уоринг, тебе не говорили, что мужчины всего лишь люди? А в некоторых из них человеческого чуть-чуть больше, чем в прочих.

– Если ты называешь это человеческим, ты себе льстишь.

– Ну ладно, милая, назовем это штрафом за розы. Ты ведь собрала целую охапку, верно? Вот и чудесно. Иди-ка сюда.

– Макс, ты невозможен... Из всех самодовольных... Нет, это просто смешно! Выбрать такое время...

– Ну, любовь моя, поскольку ты выпускаешь искры, как кошка, всякий раз, как я к тебе подхожу, то что мне оставалось, кроме как не окунуть тебя сперва?

– Сразу видно, как много ты смыслишь в электричестве.

– Угу. Нет, подожди еще минутку. А то твоего заряда хватит на смертельную дозу, верно?

– Если на то пошло, так ты и сам способен взорвать пару снарядов... Ради бога, мы, наверное, с ума сошли. – Я оттолкнула его. – Давай выйдем на берег. Мне бы хотелось умереть вместе с тобой и быть похороненными в одной могиле, но только не от воспаления легких, это не романтично... Нет, Макс! Признаю, что задолжала тебе все, что захочешь, но давай сочтемся на суше! Ради всего святого, идем на берег.

Он снова засмеялся и выпустил меня.

– Ну ладно. Идем. О боже, я утопил веревку... нет, вот она. И за нее тебе тоже придется платить, позволь заметить: моток новой прекрасной веревки, шестьдесят футов...

– Ты тут не один такой. Это платье стоило пять гиней, а босоножки – три фунта пять шиллингов, и не думаю, что им суждено когда-нибудь стать такими, как прежде.

– С превеликой охотой заплачу за них, – радостно заявил Макс, останавливаясь по колено в воде.

– Не сомневаюсь, но это счет не тебе. О, милый, не сходи с ума, вылезай!

– Жалко. А кто, по-твоему, улаживает дельфины счета? Аполлон или святой Спиридион? На твоём месте я бы выбрал Аполлона. Правда, если ты потеряла бриллиант твоей сестры, это здорово раздует счет.

– Дьявол! Ой нет, вот он. – Огромное кольцо сверкну-

ло голубым светом в звездных лучах. – Ох, Макс, серьезно, большущее спасибо. Ты был великолепен. А я вела себя как полная идиотка! Как будто ты когда-нибудь мог...

Его рука предостерегающе сжалась на моем запястье, и в ту же секунду я заметила огонек, крохотный пляшущий огонек как от электрического фонарика, плывущий над тропой от виллы Рота. Вот он метнулся на скалы, помедлил на пришвартованной лодке (и я впервые разглядела ее название – «Ариэль»), скользнул по воде и наконец высветил нас, жалких и мокрых, шлепающих по отмели к берегу. Правда, к тому моменту мы с Максом находились уже футах в четырех друг от друга.

– Боже праведный! – раздался голос Годфри. – Что тут происходит? Гейл, Люси, да на вас нитки сухой нет! Это что, очередной несчастный случай?

– Нет, – коротко бросил Макс. – Что вас сюда привело?

Информативностью и приветливостью ответ его мог сравниться разве что с глухой кирпичной стеной, утыканной битым стеклом. Но Годфри словно бы ничего не заметил. Он легко спрыгнул с камней на песок среди сосен. Луч фонарика снова остановился, а потом уперся в то место, где недавно лежал дельфин, и широкую борозду там, где мы сволакивали его в море. Рядом валялись моя куртка и босоножки.

– Ради всего святого, что происходит? – В голосе Годфри звучала отчетливая тревога и вместе с тем любопытство. – Люси, с вами ничего не случилось? Вы нашли бриллиант?

– А откуда вы знаете? – тупо спросила я.

– Господи боже, да Фил позвонила, конечно. Сказала, вы пошли вниз уже несколько часов назад и она волнуется. Я пообещал сходить и поискать вас. Я только что вернулся. – Луч фонарика снова ощупал нас обоих и остановился на Максе. – Что случилось?

– Не направляйте эту штуку мне в лицо, – раздраженно запротестовал Макс. – Ничего не случилось, по крайней мере в том смысле, который вы имеете в виду. Просто этот ваш дельфин выбросился на берег. Мисс Уоринг пыталась столкнуть его обратно в воду, но не смогла, так что я привел сюда моторку и стащил его на веревке. В процессе этого мы испугались.

– Вы хотите сказать, – Годфри говорил с откровенным недоверием, – что вывели лодку в этот час ночи только ради того, чтобы спасти какого-то дельфина?

– Ну разве не мило с его стороны? – пылко встала я.

– Необычайно мило, – согласился Годфри, не отводя глаз от Макса. – Готов поклясться, что слышал, как вы выезжали какое-то время назад.

– А я думал, вы сами уезжали, – парировал Макс. – И только что возвратились.

Ну вот, подумала я, мы снова вернулись к тому же самому: два ошетилившихся пса, воинственно кружащие друг возле друга. Впрочем, возможно, тон Макса казался сердитым лишь оттого, что он цедил слова сквозь зубы, сжатые скорее

из-за холода, чем от злости, потому что он вдруг добавил вполне любезно:

– Я ведь сказал «привел», а не «вывел». Мы и впрямь выезжали около десяти и вернулись совсем недавно. Когда прибежала мисс Уоринг, Адони уже ушел наверх, а я еще оставался в лодке.

Годфри рассмеялся:

– Простите. Я вовсе не хотел умалять добрый поступок! Ну до чего же Люси с дельфином повезло!

– Да, а разве нет? – снова встряла я. – Я как раз гадала, что же делать, как вдруг услышала мистера Гейла. Я бы сбегала за вами, но Фил говорила, вас не будет дома.

– А меня и не было. – Мне показалось, Годфри хочет сказать еще что-то, но он передумал и произнес только: – Я уехал около половины одиннадцатого, а вошел в дом как раз, когда звонил телефон. Так вы нашли кольцо?

– Да, спасибо. О, это была настоящая сага, вы и не представляете!

– Жаль, я пропустил, – посетовал Годфри. – С удовольствием принял бы участие.

– Я и сам развлекся на славу, – заверил Макс. – Ладно, к черту вежливость, выслушаете всю историю целиком как-нибудь в другой раз. Нам лучше идти, если не хотим умереть от воспаления легких. Где ваши туфли, мисс Уоринг? О, спасибо. – Это в ответ на то, что Годфри высветил их фонариком. Макс подал их мне. – Надевайте скорее, ладно?

– Что это? – вдруг спросил Годфри резко изменившимся голосом.

– Моя куртка. – Я не обратила внимания на его тон, потому что всю дрожала и была занята крайне неприятным делом – натягивала босоножки на мокрые и облепленные песком ноги. – О, а вот и косметичка Фил. Мистер Гейл, вы не против?..

– Это же кровь! – заявил Годфри.

Он поднял куртку и направил мощный луч фонарика на рукав. Я удивленно подняла голову.

Там действительно оказалась кровь. Один рукав был весь в пятнах.

Я скорее почувствовала, чем увидела, как застыл Макс рядом со мной. Луч начал поворачиваться к нам.

– Прошу вас, – резко сказала я, – выключите фонарь, Годфри! В этом мокром платье я выгляжу совершенно неприлично. Пожалуйста, дайте мне куртку. Да, это кровь. Дельфин порезался о камень или еще что-то, он меня всю измазал кровью, прежде чем я спохватилась. Мне крупно повезет, если когда-нибудь удастся вывести пятна.

– Скорее, – бесцеремонно поторопил Макс. – Вы вся дрожите. Накиньте на себя. Ну давайте, пора идти.

Он завернул меня в куртку. Зубы у меня стучали, как пишущая машинка, а куртка, надетая поверх мокрого, облепившего тело платья, совсем не грела.

– Д-да, – проговорила я, – иду. Я вам все расскажу при

следующей встрече, Годфри. С-спасибо, что пришли.

– Доброй ночи, – сказал Годфри. – Завтра зайду поглядеть, как вы.

Он повернул в тень сосен. Я увидела, как луч фонарика медленно прошелся по земле в том месте, где лежал дельфин, а потом снова вильнул к скалам.

Мы с Максом торопливо зашагали по пляжу. Холодный ветер насквозь продувал мокрую одежду.

– Куртка стоит пять фунтов пятнадцать шиллингов, – заявила я. – И счет будет выставлен тебе. У дельфина вовсе не шла кровь. Что ты сотворил со своей рукой?

– Ничего такого, что нельзя было бы вылечить. Сюда.

Мы находились у подножия лестницы к Каstellо. Я бы прошла мимо, но Макс протянул руку и остановил меня.

– Не можешь же ты идти всю дорогу в мокром. Пойдем вверх.

– Ой нет, наверное, мне лучше...

– Не глупи, почему бы и нет? Мэннинг позвонит твоей сестре. Если на то пошло, ты вполне можешь зайти. И я вовсе не собираюсь провожать тебя всю дорогу и потом плестись назад, не переодевшись. Более того, эти чертовы ботинки полны воды.

– Ты мог утонуть.

– Запросто. И каков был бы тогда счет, выставленный Аполлону?

– Сам знаешь, что очень большой, – ответила я очень се-

рѣзно, но так, чтобы он не слышал.

Глава 10

Пьян и сейчас. Но где он взял вино?
У. Шекспир. Буря. Акт V, сцена 1

Терраса была пуста, но одна из стеклянных дверей стояла нараспашку, и Макс провел меня сквозь нее в дом.

Гостиная, освещенная лишь маленькой лампой под абажуром на низком столике, казалась огромной и загадочной пещерой, полной теней. Близ темнеющего окна тускло поблескивала пасть пианино, а незажженный камин и громоздкий граммофон вырисовывались из полумрака, как саркофаги в каком-нибудь пыльном музее.

Сэр Джулиан сидел в кресле-качалке возле лампы, отбрасывавшей почти мелодраматический блик света на серебристые волосы и выразительное чело. Белый кот на коленях и поглаживающая мех элегантная рука довершали картину. Эффект получался до крайности театральный. «Ворон» Эдгара По, восхищенно подумала я. Не хватало лишь пурпурных портьер и хриплого карканья из тени над дверью...

Но в тот же миг я начала подмечать и другие, значительно менее приятные театральные эффекты. На столе возле локтя актера, под лампой, стояли на две трети опустошенная бутылка турецкого джина, графин с водой и два стакана. А сэр Джулиан разговаривал сам с собой – декламировал строки из

«Бури», в которых Просперо топит свои книги. Он говорил тихо – разговор старого волшебника то ли с самим собой, то ли с небесными силами, от чьего королевства он отрекается. Никогда не слышала, чтобы он произносил этот монолог лучше. И если бы кто-то захотел узнать, многого ли стоит совершенная техника в сравнении с упорным еженощным трудом перед рампой, то ответ он мог бы найти здесь. Вряд ли сэр Джулиан сознавал, что произносит. Он был очень пьян.

Едва войдя в комнату, Макс резко остановился. Я замерла у него за спиной и расслышала, как он тихонько пробормотал что-то себе под нос. Потом я увидела, что сэр Джулиан не один: из глубокой тени за лампой вырос Адони. Как и Макс, он был в рыбацком свитере и башмаках – грубой одежде, лишь подчеркивавшей его потрясающую красоту. Однако лицо юноши осунулось от беспокойства.

– Макс... – начал он, шагнув вперед, но тут же осекся, заметив меня и состояние, в котором мы оба находимся. – Так это были вы? Что случилось?

– Ничего особенного, – коротко ответил Макс.

Сейчас было не самое подходящее время, чтобы придирчиво выбирать слова – или обижаться на них. Это стало еще более очевидно, когда Макс шагнул к свету и я впервые за вечер отчетливо разглядела его. Все напористое возбуждение, навеянное недавней маленькой интерлюдией в море, мгновенно исчезло; сейчас он выглядел не только встревоженным, но и сердитым и пристыженным, а еще – до предела

измотанным. Левую руку он засунул глубоко в карман. Запястье было обмотано какой-то грязной тряпкой – наверное, носовым платком, – испачканной кровью.

Сэр Джулиан повернул голову:

– А, Макс...

Тут он заметил меня, и рука, поглаживавшая кота, поднялась изящным, заученным жестом, выглядевшим столь же естественно, как само дыхание.

– «Ах! Вот богиня»... Нет-нет, это мы уже говорили, верно? Но как чудесно видеть вас снова, мисс Люси... Простите, что не встаю: кот, сами понимаете... – Голос его неуверенно оборвался. Похоже, сэр Джулиан смутно осознавал, что ему требовалось бы более сильное оправдание, чем кот. Губы его изогнулись в улыбке, такой расплывчатой, что от нее делалось не по себе. – Я тут слушал музыку. Не хотите ли...

Рука его не слишком твердо двинулась к выключателю стоявшего рядом на кресле магнитофона, но Адони быстро нагнулся и с какой-то ласковой греческой фразой накрыл кнопку ладонью. Сэр Джулиан оставил попытку и снова откинулся на спинку кресла, кивая и улыбаясь. С болезненным состраданием я заметила, что кивок перешел в дрожь, унять которую старому актеру стоило большого труда.

– Кто здесь был, отец? – спросил Макс.

Сэр Джулиан поглядел на него и отвел взгляд, который на менее примечательном лице можно было бы назвать уклончивым.

– Кто здесь был? А кому тут быть?

– Ты знаешь, Адони?

Молодой садовник пожал плечами:

– Нет. Когда я вошел, он был уже такой. Я и не знал, что кто-то должен был зайти.

– Не должен. Полагаю, когда ты вошел, он был один? Вряд ли ты бы иначе подал мне сигнал «путь свободен». – Макс опустил глаза на отца, который, не обращая ни малейшего внимания на их беседу, снова удалился в свой личный мир, затуманенную джином даль, освещенную пылающими углями и овеванную дымкой поэзии. – Хотел бы я знать, отчего он вернулся? Он тебе не говорил?

– Сказал что-то насчет того, что Михаэль Андиакис заболел, но у меня не было времени вытянуть из него что-нибудь еще. Он говорил совсем бессвязно... Все время порывался включить музыку. Кстати, когда я поднялся к дому, магнитофон работал. Я перепугался – решил, что с ним кто-то есть.

– Ну, кто-то с ним, безусловно, был. – Голос Макса звучал сдавленно и угрюмо. – Он не говорил, как добрался сюда из города?

Адони покачал головой:

– Я уже подумывал позвонить Андиакису домой и спросить, но в такой поздний час...

– Нет, конечно нельзя. – Макс наклонился над креслом отца и заговорил с ним ласково и отчетливо: – Отец, кто сюда приходил?

Вырванный из мира грез, сэр Джулиан поглядел вверх, сосредоточился и ответил с достоинством:

– Надо было кое-что обсудить.

Произношение его звучало столь же безукоризненно, как всегда, разве что сейчас было слышно, каких усилий ему это стоит. Руки его недвижно лежали на спине кота, и опять-таки было видно, как жестко он их контролирует. Ровно то же самое происходило и с Максом, который из всех сил обуздывал себя, но я видела, каких стараний стоил ему терпеливый тон. Глядя на них, я ощутила такой прилив любви и сострадания, что мне казалось – именно эти чувства, а вовсе не мокрая одежда заставляют меня дрожать.

– Само собой, – рассудительно пояснил сэр Джулиан, – мне пришлось пригласить его зайти после того, как он подвез меня. Очень мило с его стороны.

Макс с Адони переглянулись.

– Кто это был?

Никакого ответа.

– Он не станет отвечать на прямой вопрос, – сказал Адони. – Это бессмысленно.

– Надо попытаться. Мы должны узнать, кто это был и что он ему сказал.

– Сомневаюсь, чтобы особенно много. Он и мне-то ничего не говорил, только все пытался включить магнитофон и по сотому разу пересказывал легенду, к которой ты пишешь музыку, ну, знаешь, ту старинную историю про остров, ко-

торуую любил рассказывать Миранде и Спиро.

Макс откинул со лба прядь мокрых волос. В его жесте сквозило почти что отчаяние.

– Надо выяснить теперь, пока он все не забыл. Он ведь прекрасно знал, куда мы отправляемся. И сам согласился держаться отсюда подальше. Боже мой, я был уверен, что теперь ему уже можно доверять. Думал, с Михаэлем он будет в безопасности. Какого дьявола он приехал домой?

– Дом там, где сердце, – вставил сэр Джулиан. – Когда умерла моя жена, дом стал пуст, как огромная королевская кухня, когда в ней не горит очаг. Люси знает, правда, моя дорогая?

– Да, – кивнула я. – Макс, мне уйти?

– Нет, пожалуйста... если ты не против. Если сама хочешь остаться. Отец, послушай, теперь все хорошо. Здесь только я, Адони и Люси. Ты можешь нам все рассказать. Почему ты не остался у Михаэля?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.